

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Позднякова Анастасия Сергеевна

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
ТРИБУНАЛА В 1918–1922 ГГ. КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ
ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В РЕГИОНЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
профессор Бакулин В.И.

Киров – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Организационные основы деятельности Вятского губернского революционного трибунала.....	28
§1. Функционирование трибунала Вятки в 1918–1922 гг. Процесс судопроизводства.....	28
§2. Характеристика кадров Вятского губернского ревтрибунала в 1918–1922 гг.....	71
§3. Взаимодействие революционного трибунала Вятки с другими органами государственной власти.....	85
Глава 2. Основные направления деятельности Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг.....	97
§1. Контрреволюционная тематика в работе трибунала.....	97
§2. Борьба с должностными преступлениями.....	121
§3. Рассмотрение дел, связанных с дезертирством военнослужащих.....	140
Заключение.....	149
Список использованных источников и литературы.....	156
Приложения.....	169

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. Смена власти, осуществляемая революционным путем, как правило, приводит к дестабилизации общества, его расколу. Октябрьская революция разделила страну на тех, кто активно или, по крайней мере, по умолчанию принял большевистское правительство, поддерживая его, и тех, кто был против и оказывал сопротивление новому режиму, в том числе и военное. Для того чтобы удержать власть и привлечь к сотрудничеству народные массы, коммунисты Советской России уже в первые дни установления своего режима издали устраивающие большинство населения страны декреты «на злобу дня»: о мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне и другие. На начальном этапе существования Советского государства эти меры несколько снизили напряженность в обществе, определили основные направления социальной политики и дали возможность большевикам укрепиться во власти. Параллельно с этим выстраивалась обновленная система власти и управления. Одним из первых декретов нового правительства в этой области был Декрет Совнаркома «О суде». Он предусматривал отмену всех старых судебных учреждений, создание нового народного суда и революционных трибуналов. В функции последних входила борьба с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и саботажем.

В современном нестабильном мире, где одна власть в государствах нередко сменяет другую, опыт создания новых органов власти, в том числе чрезвычайных судебных структур, крайне важен для последующих поколений. Это определяет социально-историческую актуальность данного исследования.

Актуальность изучения темы задается еще и тем обстоятельством, что деятельность революционного трибунала на территории отдельного взятого региона Советской России – Вятской губернии – практически не исследована. Изучение функционирования трибунала Вятки дает возможность воссоздания более полной, чем прежде, картины жизни региона, позволяет дополнительно высветить многие ее аспекты.

Объект исследования: Вятский губернский революционный трибунал, действовавший в регионе в период 1918–1922 гг.

Предмет исследования: основные направления деятельности Вятского губернского революционного трибунала по стабилизации политической и социально-экономической ситуации в регионе в указанный период; его структура, кадры, а также взаимодействие с другими органами местного управления.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1918 г. по конец 1922 г. Нижняя граница обусловлена временем создания революционного трибунала в Вятке в январе 1918 г., верхняя – упразднением такового в соответствии с судебной реформой 1922 г.

Территориальные рамки исследования: Вятская губерния в границах 1918–1922 гг. С 1918 г. по ноябрь 1920 г. Вятская губерния включала в себя 12 уездов: Вятский, Орловский, Глазовский, Сарапульский, Елабужский, Слободской, Уржумский, Котельничский, Малмыжский, Яранский, Нолинский и Советский. В конце 1920 г. Елабужский, Сарапульский и Глазовские уезды, а также части Малмыжского, Уржумского и Яранского уездов отошли к Пермской губернии, Татарской АССР, Вотской и Марийской АО. Из волостей, оставшихся на территории Вятской губернии после передачи Глазовского уезда 5 января 1921 г., был образован Омутнинский уезд. Однако полная передача следственных дел с этих территорий из судебной практики Вятского губернского революционного трибунала в соответствующие органы была завершена к концу 1921 г.

Степень научной изученности темы. Историографию изучаемой темы можно разделить на 4 периода: 1) 1918 г. – середина 1920-х гг.; 2) середина 1920-х – 1950-е гг.; 3) 1950-е – конец 1980-х гг.; 4) 1990-е гг. – наши дни.

Первый период – время функционирования революционных трибуналов в Советской России и первичного анализа их деятельности современниками. Как правило, авторами соответствующих трудов были руководители правоохранительных органов – непосредственные участники процесса формирования системы советского правосудия. История становления

революционных трибуналов нашла свое отражение в работах таких государственных деятелей, как П.И. Стучка, Д.И. Курский, Н.В. Крыленко. Председатель Верховного революционного трибунала Н.В. Крыленко¹ один из первых поместил в журнале «Вестник жизни» № 1 за 1918 г. статью «Революционные трибуналы», в которой он дал оценку и характеристику законодательным актам, на основании которых функционировали данные чрезвычайные суды². Нарком юстиции в 1918–1929 гг., Д.И. Курский в статье, опубликованной в журнале «Вестник жизни» в № 2 за 1918 г., отмечал недопустимость смешения полномочий общих и чрезвычайных судов, подчеркивал необходимость ограничения внесудебной репрессии³.

Самой объемной публикацией по исследуемой теме за рассматриваемый период являлась работа Я.Л. Бермана «О революционных трибуналах», опубликованная в журнале «Пролетарская революция и право» в № 1 за 1919 г. Основываясь на статистических данных, автор статьи проанализировал деятельность губернских революционных трибуналов в 1918 г. Он интерпретировал эти данные и обосновал ряд выводов: по мнению автора, различия в процентных показателях по количеству осужденных по отдельным трибуналам объяснялись местными условиями (близостью к фронту, силой или слабостью контрреволюционных сил и т.д.). Данная статья ценна также тем, что дает краткую общую характеристику служащих трибуналов (возрастной, партийный, образовательный составы и т.д.)⁴.

После окончания Гражданской войны и проведения судебной реформы в 1922–1923 гг., стали выходить работы, в которых подытоживалась деятельность системы революционных трибуналов за весь период их существования. Именно такой характер носил изданный в 1923 г. сборник «Пять лет Верховного суда». В

¹ Крыленко Николай Васильевич – первый советский верховный главнокомандующий; в ноябре 1917 г. вошел в первый состав Совнаркома в качестве члена Комитета по делам военным и морским. С марта 1918 г. – член коллегии наркомата юстиции РСФСР. С мая 1918 г. – председатель Революционного (Верховного) трибунала. В 1929–1931 гг. – прокурор РСФСР. С 5 мая 1931 г. по 1936 г. – народный комиссар юстиции РСФСР.

² Крыленко Н.В. Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. № 1. С. 81–87; Он же: За пять лет, 1918–1922 гг.: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанные в Московском и Верховном ревтрибуналах. М., 1923.

³ Курский Д.И. Народный суд // Вестник жизни. № 2. С. 73–77.

⁴ Берман Я.Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 47–78.

нем были представлены достаточно содержательные статьи П.И. Стучки, Д.И. Курского, Н.С. Уманского и др.⁵. Его авторы, в числе прочего, в самом общем плане освещали деятельность революционных военных железнодорожных трибуналов, революционных военных трибуналов, Верховного трибунала ВЦИК и т.д.

Одну из первых попыток более конкретно проанализировать деятельность трибуналов, а именно – применение ими различных видов наказания, попытался сделать Е.Н. Тарновский. Он отмечал, что в роли судей выступают преимущественно крестьяне и рабочие, что «сказывается, например, в более высоком проценте осужденных ревтрибуналами и более строгих наказаниях»⁶. Эту версию полностью опроверг Г.К. Рогинский: «...ставить репрессию трибунала в зависимости от образования членов трибунала, конечно, нельзя. Тут играет роль не «образование» членов трибунала, а те или иные объективные местные или временные причины, заставляющие трибунал выносить более суровые или более мягкие приговоры...»⁷.

Необходимо также выделить труды Я.Л. Бермана и Н.В. Крыленко, вышедшие в 1924 г.⁸, в которых были представлены обширные сведения о развитии системы трибуналов. Особенность данных текстов состояла в том, что авторы делали основной упор на описание соответствующих правовых актов, отслеживая изменения в системе ревтрибуналов в связи с принятием нового законодательного положения. Между тем, Я.Л. Берман одним из первых сделал вывод о том, что «практика ревтрибуналов ставится под исключительную зависимость от политической обстановки и требований политической целесообразности»⁹.

В целом работы этого периода заложили теоретическую базу дальнейшего

⁵ Пять лет Верховного суда. 1918–1923. М., 1923.

⁶ Тарновский. Е.Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 11. С. 7.

⁷ Рогинский Г.К. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 13. С. 6.

⁸ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1924; Берман Я.Л. Очерки по истории судостроительства РСФСР. М., 1924.

⁹ Берман Я.Л. Указ. соч. С. 25.

исследования данной тематики. В них содержится много фактических сведений о деятельности чрезвычайных судебных органов, что, впрочем, не лишает эти исследования недостатков. К числу последних можно отнести узость источниковой базы. В основном, это законодательные акты и сведения, почерпнутые из отчетов местных трибуналов. Особенностью данного периода можно считать и то, что вышеуказанные исследования можно рассматривать и в качестве исторических источников.

Отдельно можно выделить работу эмигрантского автора С.П. Мельгунова, также относящуюся по временному показателю к первому периоду, где, так или иначе, поднимается тема революционного насилия и его влияния на судебную практику¹⁰. Автор рисует картины «красного террора», абсолютно игнорируя такой феномен как «белый» террор, и все внимание уделяет деятельности чрезвычайных комиссий. Однако чрезмерная политическая ангажированность автора существенно снижает качество его труда.

Второй этап изучения деятельности революционных трибуналов начинается с середины 1920-х гг. Прежде всего, сокращается число исследований по данной проблематике. Можно отметить ряд статей, вышедших в честь юбилея Октябрьской революции в журнале «Советская юстиция» за 1937 г.¹¹. Впрочем, данный период вряд ли можно считать плодотворным в изучении интересующей нас темы. Исключение может составить труд М.В. Кожевникова «История советского суда», в которой представлен обширный фактический материал о создании и развитии всей судебной системы во время Гражданской войны, в том числе были затронуты вопросы деятельности отдельных судебных институтов, а именно – революционных трибуналов¹². Однако, подобно Н.В. Крыленко и Я.Л. Берману, основной упор автор сделал на анализ законодательных актов по данной проблеме.

Привлекает также внимание монография Л.Н. Гусева, вышедшая в 1951 г. В

¹⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923. М., 2006.

¹¹ Крыленко Н.В. Октябрь и суд // Советская юстиция. 1937. № 21. С. 5–10; Он же. Революционные трибуналы // Советская юстиция. 1937. № 21. С. 38–44.

¹² Кожевников М.В. История советского суда. М., 1948.

ней приводится развернутая характеристика революционных военных трибуналов. Её дополняет работа Д.С. Карева, содержащая информацию о различных советских судебных органах периода Октябрьской революции и Гражданской войны¹³.

Периоду создания, первым годам деятельности революционных судов и определению роли народного правотворчества в этом процессе посвящена статья Ю.С. Токарева. Хронологически она находится на стыке двух периодов развития советской историографии, и в ней уже ощущаются новые веяния, осторожное расширение диапазона рассматриваемых исторических событий и явлений. Автор приходит к выводу, что «основное значение послеоктябрьского правотворчества масс для создания советского суда и судебного права состояла в том, что оно подготовило почву и дало материал для создания первых советских законов, сформулировавших основные принципы советского судостроительства и процесса. Законодательная деятельность государства как бы слилась с непосредственным революционным творчеством масс. Советский суд и советское право строились одновременно и снизу – массами, и сверху – Советским правительством»¹⁴.

Третий этап по изучению работы ревтрибуналов охватывает период с середины 1950-х по конец 1980-х гг. В это время было опубликовано большое число работ по данной тематике. Необходимо отметить исследования Е.К. Дубкова, Ф. Каменского, А.Г. Лякаса, В.П. Портнова, Э.А. Финна, и т.д.¹⁵. Как и прежде, в них содержатся преимущественно материалы правового характера, а существенным недостатком является отсутствие конкретики. Однако плюсом данных работ является то, что в них растет удельный вес материалов

¹³ История советского уголовного права. 1917–1947. М., 1948; Гусев Л.Н. Советская военная юстиция в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1951; Карев Д.С. Советское судостроительство. М., 1951.

¹⁴ Токарев Ю.С. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – февраль 1918 гг.) // Исторические записки. М., 1955. С. 79.

¹⁵ Финн Э.А. Антисоветская печать на скамье подсудимых (Заметки современника о трибунале по делам печати) // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 70–75; Лякас А.Г. Первые пролетарские суды // Социалистическая законность. 1967. № 7. С. 17–19; Козловский М.Ю. Воспоминания // Социалистическая законность. 1967. № 4. С. 17–18; Каменский Ф. Первый трибунал в Петрограде // Социалистическая законность. 1967. № 4. С. 19–22; Портнов В.П. Революционные трибуналы в первые годы Советской власти (1917–1920) // Советская юстиция. 1966. № 22. С. 20–23; Дубков Е.К. Первые революционные трибуналы на Севере // Советская юстиция. № 21. 1967. С. 16–17. Рахунов Р.Д. История создания одного декрета // Советская юстиция. 1967. № 8. С. 17–18.

регионального характера.

В частности, в трудах В.П. Портнова и М.М. Славина, наряду с традиционной характеристикой правовых аспектов темы, описывается (хотя и фрагментарно) функционирование фронтовых трибуналов¹⁶. Еще дальше в этом направлении прошел Ю.П. Титов. В его многочисленных трудах, включая в их число и докторскую диссертацию, содержится подробный анализ процессов создания и деятельности ревтрибуналов, в том числе при использовании местного материала¹⁷.

Труды Ю.П. Титова отличаются наличием обширной источниковой базы, продуманностью и взвешенностью аргументов, объективностью подхода к проблеме становления советского правосудия. Ценность работ этого автора заключается и в том, что он рассматривает функционирование трибуналов в общем контексте Гражданской войны, увязывает изменение форм и методов работы этих органов с изменением политической обстановки внутри страны. По мнению Ю.П. Титова, ревтрибуналы прошли в своем развитии следующие этапы: 1) октябрь 1917–июль 1918г. (до принятия первой советской конституции); 2) период иностранной интервенции и Гражданской войны; 3) 1921–1922 гг.¹⁸.

Соглашаясь с данной периодизацией, все же необходимо отметить следующее. Представляется целесообразным расширение первого этапа до конца 1918 года, поскольку принятие конституции вряд ли коренным образом отразилось на деятельности трибуналов, основополагающим документом для функционирования которых служило «Положение о революционных трибуналах» (4 мая 1918 г.). На протяжении всего 1918 года, как это будет показано дальше, в

¹⁶ Портнов В.П., Славин М.М. Из истории советской военной юстиции / Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978; Они же: Правовые основы строительства Красной армии. 1918–1920 гг. М., 1985.

¹⁷ Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983; Он же: Система советских революционных трибуналов первые годы нэпа / Сборник научных трудов. Вопросы истории органов борьбы с преступностью. М., 1987; Он же: Судебные органы в борьбе с контрреволюцией в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Социалистическая законность. 1967. № 9. С. 44–47; Он же: Советские революционные трибуналы в мирные годы строительства социализма. М., 1988; Он же: Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987; Он же: Правовые формы организации и деятельности революционных трибуналов РСФСР / Вопросы права и законности в первые годы Советской власти. М., 1984. С. 17–81; Он же: Первые нормативные акты о советских революционных трибуналах // Советское государство и право. 1990 № 1 С. 119–124. Титов Ю.П. Создание и развитие революционных трибуналов в РСФСР: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 1990.

¹⁸ Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983. С. 6–7.

тексте данной диссертации, деятельность ревтрибуналов отличалась рядом характерных признаков (к примеру, отсутствие четкого разграничения подсудности и т.д.).

Начало 1990-х годов ознаменовало новый 4-й период изучения истории революционных трибуналов. Для него характерна тотальная ревизия сложившихся в историографии прошлых лет взглядов на советскую историю. В первую очередь это затронуло деятельность органов чрезвычайной юстиции. Были заявлены новые проблемы, постановка которых в советский период не практиковалась, а порой была просто невозможной: определение роли судов чрезвычайной юстиции в реализации политики «красного террора», изучение взаимоотношений ЧК и ревтрибуналов, вопрос о степени квалифицированности кадров советских учреждений.

По-другому стало интерпретироваться понятие «революционная законность», что, в свою очередь, привело к переосмыслению такой проблемы как правотворчество масс и целесообразность образования революционных трибуналов. В советский период под революционной законностью понималось главенство интересов революционных масс над какими-либо законодательными актами. Трибуналы определялись как истинно народный суд и как главный инструмент реализации революционной законности. В 1990-е гг. в работах М.Я. Геллера, Г.М. Ивановой, И.А. Исаева, О.Э. Залогойной, С.В. Леонова, В.И. Мусаева, Ю.И. Стецовского, О.И. Чистякова революционное правотворчество было представлено как разрушительное последствие слома большевиками институтов государственной власти¹⁹. Ю.И. Стецовский в монографии «История советских репрессий» сделал категорический вывод о том, что за понятиями «революционное правосознание», «революционная совесть», являвшихся основой

¹⁹ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М., 2000; Иванова Г.М. Репрессивная система и карательная политика государства // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М., 1999; Исаев И.А. Понятия «законность» и «целесообразность» в советской правовой теории 20-х годов // Советское государство и право. 1985. № 10. С. 98–104; Его же. Революционная психология и революционная законность (опыт 1917 г.) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. Залогова О.Э. Проблемы демократической и революционной законности в материалах и решениях VII Всероссийского съезда советов (декабрь 1919 г.) // Укрепление социалистической законности – важнейшая политическая задача. М., 1990; Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.): автореф. дис...докт. ист. наук. М., 1998; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001.

советских чрезвычайных судов, на самом деле скрывались безнравственность и беззаконие²⁰.

Другой автор – А.С. Смыкалин в статьях в журнале «Российская юстиция» обозначил недостатки в создании судов времен революции и Гражданской войны, в том числе и трибуналов²¹. Он подверг основательной критике советскую трактовку понятия «революционная законность», которая, по его мнению, в реальной жизни была сведена исключительно к самосуду. Также он отметил низкий уровень профессиональной подготовки судей, а именно – слабое знание законодательства. Отсюда автор делает вывод, что революционная законность была невозможна при наличии в судебном органе людей, «большинство из которых не имели понятия о законах». А.С. Смыкалин писал: «Председатели трибуналов, не обладая элементарной юридической грамотностью и получив неограниченные полномочия, творили беспредел, именовавшийся революционным правосознанием»²². В итоге автор охарактеризовал ревтрибуналы как политические суды, как инструмент подавления политических противников большевистской власти, не имеющий ничего общего с устремлениями и интересами революционных масс.

Переосмысление роли трибуналов в контексте репрессий нашло продолжение в публикациях, посвященных темам большевистского террора и формирования тоталитарной системы. При этом большая группа авторов – В.А. Буков, В.П. Булдаков, А.С. Велидов, В.С. Измозик, С.В. Кулешов, А.Л. Литвин, В.П. Портнов в своих работах обратили особое внимание на взаимоотношения ЧК и ревтрибуналов²³. Авторы отмечали наличие негласной конкуренции между данными структурами и указали на процесс повышения роли ВЧК, который

²⁰ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. Т. 1. СПб., 1997. С. 11.

²¹ Смыкалин А.С. Судебная система России в начале XX века // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 39–42; Он же. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С.39–42; Он же. Судебная реформа 1922 г. // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 39–42.

²² Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 40.

²³ Буков В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. М., 1992; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Велидов А.С. На пути к террору // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 87–118; Измозик В.С. Политический контроль в Советской России 1918-1928 гг. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32–54; Кулешов С.В. Размышления о революции // Отечественная история. 1996. № 4. С. 110–131; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46–62.

сопровождался снижением значимости трибуналов. Историки указывали на главенствующую роль чрезвычайных комиссий в репрессиях 1918–1922 гг, отвели в них революционным трибуналам подчиненный статус. По их мнению, создание ревтрибуналов было вынужденной мерой, средством удержания власти в чрезвычайных условиях, в то время как ЧК продолжили репрессивную политику после первичного упрочнения власти большевиков.

Углубление в проблематику поставило в повестку дня и проблему факторов, предпосылок революционного насилия. В 1990-е годы стали появляться работы, в которых на первое место был поставлен личностный фактор. Историк С.В. Кулешов утверждал, что трибуналы осуществляли репрессивную политику, инициатором которой была воля большевистских лидеров, а не народных масс²⁴. Другого мнения придерживается В.П. Булдаков, показавший в своих работах сложность самого понятия «революционное насилие» и неоднозначность, неоднородность факторов, его определяющих²⁵. По мнению автора, было бы явным упрощением обвинять в революционном терроре исключительно большевистских лидеров. В.П. Булдаков считал, что большую роль имели социопсихологические установки масс, неконтролируемые действия (например, самосуды толпы). Как полагает автор, создание чрезвычайных судебных органов было обусловлено необходимостью ввести революционную стихию в контролируемое русло.

Также необходимо отметить монографии В.А. Букова «Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма» и «От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма»²⁶. Исследователь, опираясь на обширный материал, проследил процесс создания и развития революционных трибуналов, в контексте эволюции принципов правосудия. Причем последние рассмотрены на протяженном временном отрезке – от царской России до советских чрезвычайных судов. В.А. Буков сосредотачивает внимание на том, что

²⁴ Кулешов С.В. Размышления о революции // Отечественная история. 1996. № 4. С. 110–131.

²⁵ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²⁶ Буков В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. М., 1992.

Октябрьская революция не только разрушила старую судебную систему, но и изменила массовое восприятие правосудия. Отмена принципа независимости судей, их несменяемости и квалифицированности привело к потере доверия к суду, восполнить который не удалось и по сей день.

Важные моменты в деятельности трибуналов были затронуты в трудах А.Л. Литвина²⁷. Функционирование карательных органов рассматривается им в общем контексте политики подавления большевиками своих противников: в поле зрения автора также попали взаимоотношения ревтрибуналов и ЧК. Исследователь отметил слабое взаимодействие данных структур, что было связано с широкими полномочиями ЧК, которые позволяли им действовать без согласования с судами.

Характерные для современного этапа развития отечественной мысли новые подходы выразились также в стремлении учесть опыт функционирования ревтрибуналов при проведении современных судебных реформ. Авторы (Н.Н. Ефремова, В.Н. Кудрявцев, И.Л. Лезов, О.И. Чистяков), несколько отступив от огульной критики советского суда и исследуемого периода, акцентировали внимание на недопустимости использования практики чрезвычайного правосудия при реформировании судебных органов²⁸.

Необходимо отметить, что в юридической литературе современные ученые именуют революционные трибуналы, «судебными органами специальной юрисдикции»²⁹. Для них, как специальных судов, созданных в чрезвычайных условиях, установлен особый процессуальный порядок: упрощенная процедура (отсутствие состязательности процесса, обеспечение подсудимому реального права на защиту), в качестве источника материального права выступает революционное правосознание³⁰. Авторы учебника МГУ К.Ф. Гуценко и М.А. Ковалев называют трибуналы чрезвычайными судами, указывая их отдельно от

²⁷ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46–62.

²⁸ Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правосудия // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000; Чистяков О.И. Создание советского государства и права (октябрь 1917–1918 гг.). М., 1994.

²⁹ Кутафин О.Е. Судебная власть в России: История. Документы. Т. 5. М., 2003. С.13–14.

³⁰ Там же.

ЧК, как органов внесудебной расправы³¹.

В 1990-х гг. история советских судебных органов стала предметом изучения зарубежных ученых. Они (Д. Боффа, М. Малиа, Ю.Хаски, К. Бартошек, Н.Верг, Р. Пайпс и др.) основное внимание уделили деятельности чрезвычайных комиссий, лишь эпизодически затрагивая вопросы функционирования революционных трибуналов³². Во многих публикациях основной упор делался только на негативные стороны работы ВЧК и ревтрибуналов.

Исследование советской судебной системы велось на основе западных концепций принципов правосудия: изучение деятельности чрезвычайных судов происходило с учетом теории прав и свобод человека, понятий «тоталитаризм» и «демократия». В подобном ключе Р. Пайпс рассматривал такое явление как «красный террор» и утверждал, что таковой являлся «злым умыслом» руководителей большевистской партии и государства³³.

Похожая концептуальная схема была отражена в работе другого западного историка – М. Малиа. В монографии «История социализма в России» он выделил группу репрессивных органов, в которую включил и революционные трибуналы. Проводникам «красного террора» для автора были ВЧК и трибуналы, сутью революционного насилия – борьба за власть. Данные структуры, по мнению Малиа, находились под полным контролем партии большевиков³⁴.

Значимость трудов зарубежных исследователей определяется тем, что они уделили свое внимание проблемам, которые редко попадали в поле зрения советских историков. К примеру, Э. Карр и Д. Боффа отметили факт, который предпочитали игнорировать советские исследователи – взаимную неприязнь

³¹ Гуценко К.Ф. Ковалев М.А. Правоохранительные органы. Учебник для студентов юридических вузов. М., 2009. С. 312–313.

³² Бартошек К., Верг Н., Куруа С., Моргален Ж.-Л., Панне Ж.-Л., Пачковский А. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999; Боффа Д. История Советского Союза. М, 1990; Верг Н. История Советского государства. М., 2000; Martin E. Malia. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994; Richard E. Pipes. Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924. London, 1994; Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993.

³³ Richard E. Pipes. Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924. London, 1994; Он же. The Russian Revolution. P. 2. New York, 1990.

³⁴ Martin E. Malia. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994.

структур ВЧК и Наркомата юстиции (последнему подчинялись ревтрибуналы)³⁵.

С начала 2000-х гг. в изучении института революционных трибуналов в отечественной историографии на первое место вышел историко-региональный подход, при одновременном снижении политической заданности выводов, ярче проявилось стремление изучить нераскрытые аспекты истории ревтрибуналов и использовать данные местных архивов. В представлении современных авторов, изучение деятельности судебных органов чрезвычайной юстиции в контексте местных условий открывает возможность выйти на решение кардинальных вопросов становления и развития всей советской государственности, аппарата управления как такового, а заодно – и организации борьбы с преступностью. Ныне изучением становления советской судебной системы в целом и революционных трибуналов в частности занимаются В.А. Перцев (Воронежская область), Е.В. Брыжинская (Мордовия), Л.Г. Осадчая (Курская область), П.П. Федоренко (Смоленская область), Т.С. Шевцова и В.А. Сергиенко (Дальний Восток), О.А. Пьянова (Западная Сибирь), В.Т. Макутчев (Тульская область) и др.³⁶ На основе этих работ стало возможным определить типичные и особенные черты деятельности губернских ревтрибуналов. Так, исследователи Дальнего Востока и Сибири в качестве факторов, имеющих влияние на функционирование таковых в этих регионах, называют приграничное положение регионов, скопление преступных элементов и т.п.

Впрочем, в современной историографии остается в силе и охарактеризованное выше течение, представителями которого трибуналы ставятся

³⁵ Боффа Д. История Советского Союза. М, 1990; Карр Э. История Советской России. Т. 1. М., 1990.

³⁶ Пьянова О.А. Революционные трибуналы Западной Сибири (конец 1917 – начало 1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Шахназаров И.Я. Концепция создания и становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917–конец 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918–1922 гг.): по Пензенской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004; Лёзов И.Л. Советский суд в 1917–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Макутчев А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг.: автореф. дис...канд. ист. наук. М., 2011; Брыжинская Е.В. Формирование и развитие судебных органов Мордовии в 1917–1937 гг.: автореф. дис...канд. юрид. наук. Саранск, 2006; Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг. (на материалах Курской губернии): автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917–1923 гг. // Вестник Воронежского Государственного Университета, Серия: История. Политология. Социология. 2008. №1. С. 28–43; Федоренко П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917–1922 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Смоленск, 2006.

в один ряд с чрезвычайными комиссиями и предстают перед нами, как одно из орудий красного террора³⁷. Сохраняется и такая его характерная черта, как недостаточное (во многих случаях) обоснование выводов материалами источников. Нередко авторы вообще не учитывают своеобразие времени функционирования ревтрибуналов. Между тем, Гражданская война накладывала свой отпечаток на судебную систему: «..чрезвычайные органы власти (судебной) в период Гражданской войны создаются для выполнения тех функций, которые приобретают первостепенную роль в складывающейся военно-политической обстановке. В этом заключается их первостепенная особенность. Иными словами, их вызывают к жизни именно нужды военного времени»³⁸.

Удивляет категоричностью выводов работа М.Б. Колоткова: «Восьмая статья Декрета объявляла о создании «рабочих и крестьянских революционных трибуналов...фактически был создан чрезвычайный орган внесудебной юстиции, обладающий широкими правами по проведению уголовно-репрессивной политики в государстве. Вкупе с органами ВЧК в Советской Республике с первых дней происходил процесс формирования мощной системы репрессивных органов, которая руководствовалась не правовыми нормами, а партийным заказом»³⁹. Более того, для автора «...основной целью созданных революционных трибуналов являлась борьба с контрреволюционными силами и любыми проявлениями агрессии против партии большевиков»⁴⁰. Во-первых, М.Б. Колотков игнорирует условия и время создания ревтрибуналов, во-вторых, называя эти органы избыточно репрессивными, он ничем не подтверждает свою мысль. Те данные, которые приводит автор «...с 16 января по 31 января 1920 г. в Орловской губернии задержано 5269 дезертиров, из них расстреляно 19 человек (менее 1%), в Тамбовской – 7031 дезертир, расстрелян 1 человек»⁴¹ вряд ли можно назвать

³⁷ Гороховский Н.Н. Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье (ноябрь 1917 г. – 1922 г.). Тольятти, 2004; Колоколов Н.А. Максимова В.В. Правоохранительная и судебная системы Курской губернии в 1917–1928 годах. М., 2005; Колотков М.Б. Репрессивная правоприменительная деятельность Советской власти в 1917–1922 гг. (на материалах центрально-черноземного района). Курск. 2010.

³⁸ Емцов Г.Н. Государство и право в условиях Гражданской войны. Красноярск, 2006.

³⁹ Колотков М.Б. Указ. соч. С. 23.

⁴⁰ Там же. С. 66.

⁴¹ Там же. С. 84.

проявлением массовых репрессий или партийным заказом, реализуемым в условиях иностранной интервенции и ожесточенной Гражданской войны.

Наименее разработанным аспектом истории ревтрибуналов в данный момент остается изучение повседневной жизнедеятельности их сотрудников. В качестве исключительного явления можно в этой связи указать лишь на опубликованную в 2004 г. монографию М.И. Вострышева «Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860–1920 гг.», в которой автор описал отдельные случаи из судебной практики, им были даны частные характеристики участникам процессов, описаны элементы судебного процесса, но не рассмотрена повседневная жизнь самих судей⁴².

Исследования деятельности революционных трибуналов на территории Вятской губернии носят эпизодический характер. В работе А.Г. Полякова «Русская православная церковь и светская власть в 1917–середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии)» изучена деятельность трибунала в отношении неконформистского политического поведения священно- и церковнослужителей, в том числе, отражено резонансное дело в результате, которого был арестован патриарх Тихон. В монографии автор сравнивает наказания, предлагаемые трибуналом и органами ЧК, и делает вывод о том, что «меры наказания, применяемые ревтрибуналом по отношению к духовенству, зачастую носили более «профилактический», чем карательный характер»⁴³.

Некоторые сведения о создании и первых годах функционирования революционного трибунала Вятки содержатся в монографии В.И. Бакулина «Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг.», которая содержит информацию о процессе становления и укрепления власти большевиков в регионе, о социально-политической и экономической ситуации в Вятской губернии в указанные годы⁴⁴. Борьбе с коррупцией в 1922 г., в том числе и на

⁴² Вострышев М.И. Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала 1860–1920-е гг. М., 2004.

⁴³ Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917–середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 62.

⁴⁴ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008.

материалах ревтрибунала Вятки, посвящена статья этого же автора «Как в Вятской губернии в 1922 году боролись с коррупцией (из регионального опыта)»⁴⁵.

Общественно-политической обстановкой в Вятке в 1917–1918 гг. предметно также занимался Ю.Н. Тимкин. В учебном пособии «Смутное время на Вятке: общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917–осенью 1918 гг.» основной упор автором делается на описание политической борьбы в регионе⁴⁶. Ю.Н. Тимкин пишет о событиях Гражданской войны в губернии, указывает и пытается проанализировать наиболее крупные вооруженные выступления против власти большевиков (восстания в Ижевске и Воткинске, Степановский мятеж и др.) и подробно останавливается на создании и деятельности чрезвычайных комиссии в Вятке и уездах⁴⁷. Функционирование последних также описано в отдельной статье автора⁴⁸. В вышеперечисленных работах Ю.Н. Тимкина о губернском революционном трибунале имеются лишь отрывочные сведения. Существенным недостатком данных исследований является отсутствие данных о социально-экономической обстановке в регионе и стране, что, как нам представляется, определяло и политическую атмосферу, и деятельность ЧК в Вятке.

Упоминания о губернском революционном трибунале Вятки есть и в работе западного историка А. Ретиша «Российские крестьяне в революции и Гражданской войне: гражданство, идентичность и создание Советского государства (1914–1922)»⁴⁹. Описывая события в Вятской губернии в 1918–1919 гг., автор пытается дать анализ деятельности уездных ЧК, в связи с этим пишет и о существовании в регионе ревтрибунала, который, отчасти, разрешал следственные дела ЧК в судебном порядке.

Не лишена политической ангажированности работа Е.Л. Баранцевой, где,

⁴⁵ Бакулин В.И. «Как в Вятской губернии в 1922 году боролись с коррупцией (из регионального опыта)» // Россия-XXI. 2011. № 6. С. 172–187.

⁴⁶ Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке: общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917–осенью 1918 гг.: учеб. пособие. Киров, 1998.

⁴⁷ Вятский край с древности до наших дней // отв. ред. Бердинских В.А. Киров, 2006. С. 223–234.

⁴⁸ Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. // Из истории вятских спецслужб в конце XIX–XX вв. Киров, 1997. С. 63–75.

⁴⁹ Retish A.B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914–1922). New York, 2008.

анализируя систему карательных органов 1917–1934 гг., она пытается описать деятельность Вятского губернского революционного трибунала⁵⁰. Характеризует данное исследование тот факт, что упоминаний о фонде этого органа (Р-1322) Государственного архива Кировской области в ее тексте нет вовсе. К примеру, описывая восстание в Яранском уезде в июне 1918 г., Е.Л. Баранцева, отмечая, что 50 зачинщиков были направлены в уездную тюрьму, делает вывод о том, что сей факт демонстрирует жестокость власти. Однако, ознакомившись с данным следственным делом, мы находим, что в течение июля 1918 г. около 40 человек были отпущены, и только 10 оставались под следствием. Более того, в конце 1919 г. и они были амнистированы. Автор, характеризуя обстановку в регионе летом-осенью 1918 г., словно забывает о начале Гражданской войны, продовольственной проблеме, коррупции, и связывает увеличение числа репрессированных в Вятской губернии исключительно с политикой «красного террора».

Подобна вышеуказанной работе и монография Д.В. Гришина «Политические репрессии в Кировской области». Упомянув о создании революционных трибуналов, он пишет, что «деятельность трибунала имела три важнейших принципа: быстрая процедура отправления правосудия, суровость выносимых приговоров, минимизирование прав подсудимого»⁵¹. Остается неясным, откуда автор взял данные принципы и где их обоснование на местном материале. Д.В. Гришин относит трибуналы к репрессивно-карательным органам, однако в работе не дается предметного обоснования данного утверждения. Впрочем, характеризует исследование данного автора отсутствие упоминаний о фонде революционного трибунала Вятки (Р-1322) Государственного архива Кировской области.

Изучением становления и первого года деятельности Вятского губернского революционного трибунала предметно занимался лишь К.А. Палкин⁵². Он,

⁵⁰ Баранцева Е.Л. Организационно-правовые основы и механизм политики репрессий в Вятском крае: ноябрь 1917–декабрь 1934 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.

⁵¹ Гришин Д.В. Политические репрессии в Кировской области. Киров, 2013. С. 21.

⁵² Палкин К.А. К истории строительства советской судебной системы в Вятской губернии. Год 1917–1918. Киров, 1966. (машинопись); Он же. Органы военной юстиции в Вятской губернии в 1918–1921 гг. Киров, 1969. (машинопись); Он же. О том, что запомнилось. Тетрадь четвертая. Киров, 1963. (машинопись)

бывший следователь-докладчик при этом органе в 1921–1922 гг., в своей рукописной работе «К истории строительства советской судебной системы в Вятской губернии в 1917–1918 гг.» посвящает ему целую главу. В ней Константин Андреевич кратко говорит об организации трибунала в Вятке, характеризует законодательство об этих, рожденных революцией органах. По существу – это лишь первый подход к теме, явно недостаточный для ее полного раскрытия. Полезным дополнительным источником является и его рукопись «О том, что запомнилось», где автор, в числе прочего, рассказывая о годах службы в трибунале Вятки (лето 1921–февраль 1922 гг.), описывает интересные случаи из судебно-следственной практики, характеризует некоторых сотрудников данного чрезвычайного органа и пытается передать дух того времени.

Целью диссертационной работы является комплексное изучение возникновения, основных этапов эволюции, внутренней структуры, основных направлений деятельности Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как органа чрезвычайной юстиции в условиях становления и первичного упрочнения власти большевиков в регионе.

Исходя из цели, в исследовании поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать нормативно-правовую базу, связанную с функционированием Вятского губернского ревтрибунала в 1918–1922 гг.;
- реконструировать процесс следственного и судебного производства в Вятском губернском революционном трибунале;
- проследить зависимость развития трибунала как судебного органа от социально-политической ситуации в стране и в регионе;
- проследить динамику кадрового состава ревтрибунала г. Вятки;
- проанализировать взаимодействие ревтрибунала с важнейшими властными структурами (Губисполком, Губком РКП (б), ГубЧК);
- выявить основные направления деятельности трибунала в 1918–1922 гг. и определить их эффективность в контексте проблемы стабилизации политической ситуации в губернии.

Источники. Источниковая база исследования формировалась на основе архивных материалов. Была проведена работа по выявлению и сбору материалов в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); Государственном архиве Кировской области (ГАКО), Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО).

В диссертационном исследовании использовались различные виды источников. Из письменных источников мы использовали законодательные и нормативные акты, в том числе декреты, распоряжения и постановления высших органов Советской власти, циркуляры и постановления Верховного трибунала ВЦИК и Народного комиссариата юстиции. Они касаются аспектов создания, регулирования деятельности и изменений в системе революционных трибуналов. Эти материалы представлены в «Собрании узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР» (СУ РСФСР) в тематических и иных сборниках документов, в том числе в многотомном издании «Декреты Советской власти».

Делопроизводственная документация объединяется нами в несколько групп. Первая группа – протокольная документация, а именно протоколы заседаний президиума революционного трибунала Вятки, губернского исполкома, губернского комитета РКП (б), отдела юстиции, приказы и постановления председателей вышеперечисленных структур. Вторая группа – переписка председателя ревтрибунала с губернским исполкомом, губкомом РКП (б), ГубЧК, уездными следственными комиссиями, Верховным трибуналом при ВЦИК, губернским отделом юстиции, Вятским исправительным рабочим домом по кадровым, судебным-следственным, хозяйственным и другим вопросам. Третья группа включает в себя отчетно-информационные сведения о деятельности революционного трибунала и уездных следственных комиссий, отраженные в докладах сотрудников и председателя ревтрибунала. В эту же группу входят сводки чрезвычайных комиссий о положении в губернии и уездах. Четвертую группу составляют документы, по личному составу ревтрибунала: списки

сотрудников, их анкеты и личные листы, ведомости на получение заработной платы работниками, заявления о назначении или избрании на должности и пр. Данная группа источников позволяет выявить основные характеристики сотрудников чрезвычайного суда (возраст, социальное происхождение, образовательный уровень, партийность, служебные перемещения, опыт работы, и др.)

В особую группу входят судебно-следственные дела революционного трибунала Вятки, которые отражают работу следственных комиссий и суда: справки на аресты, анкеты арестованных, ордера на производство обысков, протоколы обысков, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, переписка по вопросам следствия с ЧК, народными судами, уездными следственными комиссиями и другими трибуналами, обвинительные акты, протоколы судебных заседаний трибунала, приговоры, кассационные жалобы и решения по таковым. К сожалению, хотя со времени описываемых в диссертационном исследовании событий прошло более 90 лет, часть источников (судебно-следственные дела ЧК) до сих пор недоступна – речь идет о документах ВЧК-ОГПУ, находящихся на ведомственном хранении в архивах ФСБ РФ.

Статистические материалы, содержащиеся в отчетах ревтрибунала и следственной комиссии при нем в форме ведомостей о движении дел (за месяц, квартал, год) позволяют оценить объем работы данного чрезвычайного судебного органа, основные категории дел, расследуемых трибуналом и примененные им меры наказания. Существенным недостатком статистических материалов ревтрибунала Вятки является их отрывочный характер и несистематичность, что определялось чрезвычайными условиями работы и отсутствием свободных кадров.

Важным информационным ресурсом, позволяющим углубить и конкретизировать многие сюжеты, являются периодические издания. В диссертации использованы материалы ряда губернских газет («Вятская правда», «Известия Вятского Губисполкома», «Деревенский коммунист»), в которых

изредка публиковались материалы судебных разбирательств губернского революционного трибунала.

В качестве источников были также использованы публикации деятелей советской юстиции той поры, в том числе Н.В. Крыленко, Я.Л. Бермана, П.И. Стучки и Д.И. Курского. Их работы – это не только первые исследования по истории судебных органов, но и источники, позволяющие проследить изменение отношения к революционным трибуналам в высших властных кругах.

К источнику личного происхождения относятся воспоминания бывшего следователя-докладчика революционного трибунала Вятки К.А. Палкина «О том, что запомнилось».

На наш взгляд, данный комплекс источников позволяет в полном объеме решить поставленные в научной работе задачи и достичь цели исследования.

Методология и методы исследования. В работе над диссертационным исследованием в русле комплексного подхода рассматривается функционирование Вятского губернского революционного трибунала как органа, деятельность которого зависела от социально-экономической и политической ситуации в регионе и стране, а также – от эволюции общегосударственного законодательства. В диссертации используются отдельные компоненты формационной теории, а именно: учитывается фактор влияния классовой принадлежности как судей, так и подсудимых на принимаемые революционным трибуналом судебные решения. С другой стороны, на данный процесс накладывали отпечаток социокультурные факторы, особенности крестьянской ментальности, что в совокупности имеет отношение и к цивилизационному подходу.

В работе нашли отражение принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма был использован при рассмотрении ревтрибунала в течение 1918–1922 гг., как органа, претерпевшего эволюцию в своем развитии. Деятельность трибунала Вятки включена в контекст исторической эпохи с военными, социально-экономическими и политическими особенностями. При использовании данных принципов были задействованы такие общенаучные

методы как анализ, синтез, обобщение и сравнение.

В диссертации был применен историко-системный метод, заключающийся в вычленении одного из компонентов (революционного трибунала в отдельно взятой губернии) из системы органов власти и изучении взаимодействия различных компонентов данной системы, а именно, между местными органами власти и ревтрибуналом, а также Верховным трибуналом ВЦИК. Сам революционный трибунал может быть также представлен как система, состоящая из следователей, судей, защитников и обвинителей. Из специальных методов исторического познания применялись историко-генетический, историко-системный, историко-типологический, историко-сравнительный, статистико-количественный. В частности, историко-генетический метод использовался при изучении эволюции внутренней структуры революционного трибунала и направлений его деятельности. Историко-сравнительный метод был задействован при выявлении и описании особенностей реализации судебной деятельности в регионе в сравнении с губернскими ревтрибуналами в других регионах страны. Историко-типологический метод применялся при систематизации направлений деятельности ревтрибунала, при типологизации дел трибунала по различным категориям. Статистико-количественный метод был использован при обработке данных о движении дел в следственной комиссии и трибунале Вятки.

Научная новизна диссертации заключается в том, что создание и деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. впервые обозначены в качестве самостоятельной научной проблемы. Для раскрытия темы был привлечен огромный массив ранее засекреченных, не публиковавшихся источников. В диссертационном исследовании выявлены основные направления деятельности революционного трибунала Вятки, определены проблемы в работе данного чрезвычайного судебного органа, реконструирован процесс следственного и судебного производства в ревтрибунале, охарактеризовано взаимодействие трибунала с другими властными структурами в регионе, проведена работа по сбору и анализу статистического

материала, сделана попытка составить типичный облик работника трибунала Вятки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вятский губернский революционный трибунал, как чрезвычайный (специальный) судебный орган, был создан в условиях установления Советской власти, Гражданской войны, интервенции, непростой социально-экономической ситуации. Эволюция внутренней структуры ревтрибунала, его функций, содержания работы в значительной мере зависели от социально-экономической и политической обстановки в стране, а также законотворчества соответствующих вышестоящих органов. Это находило отражение в изменении подсудности данного судебно-следственного органа, смягчении или ужесточении наказаний в отдельные периоды.

2. Революционный трибунал Вятки в его текущей работе в значительной степени находился под контролем партийного руководства региона. Губернский комитет РКП(б) не только решал организационные и кадровые вопросы (назначение и отзыв следователей и судей), но оказывал влияние и на сам процесс судопроизводства (назначал выездные сессии трибунала и задавал их направленность, в отдельных случаях оказывал прямое воздействие на вынесение тех или иных приговоров и т. п.). Впрочем, нами не было зафиксировано систематического вмешательства губкома РКП (б) в судебно-следственные дела чрезвычайного суда.

3. В своей работе ревтрибунал Вятки взаимодействовал с ГубЧК, что объяснялось сходными целями и задачами данных органов. Однако в процессе сотрудничества между чрезвычайным судом и внесудебной структурой нередко возникали определенные проблемы и трения. Связано это было, в том числе и с тем, что ГубЧК имела иной статус, нежели трибунал, подчинялась ВЧК, а не местным органам.

4. Основные направления работы губернского революционного трибунала (борьба с коррупцией, контрреволюцией, дезертирством) были

направлены на упрочнение власти большевиков и стабилизацию ситуации в регионе.

5. Первое место по численности преступлений в практике революционного трибунала Вятки на протяжении всего его существования занимали должностные правонарушения. Второе место – преступления, связанные с дезертирством, третье – контрреволюционные дела. Было выяснено, что по данным делам ревтрибунал Вятки выносил довольно мягкие приговоры. Основным наказанием, применяемым ревтрибуналом, являлось лишение свободы с применением общественно-принудительных работ. -

6. На подбор сотрудников в ревтрибунал Вятки влиял недостаток квалифицированных кадров в регионе. В условиях расширения аппарата советских учреждений требовалось все больше служащих, обладавших такими характеристиками, как лояльность к советской власти, крестьянское или пролетарское происхождение, соответствующий уровень образования. Основой кадрового состава чрезвычайного суда были малообразованные служащие, члены РКП (б). С 1921 года к работе в трибунале стали привлекаться молодые специалисты, не члены РКП (б), бывшие офицеры с высшим юридическим образованием, что являлось одним из показателей снижения роли ревтрибуналов в советской судебной-следственной системе.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения истории становления и функционирования советской правовой системы в первые годы новой власти, в процессе обучения гуманитарным дисциплинам в образовательных учреждениях Кировской области всех уровней, при подготовке общих и специальных курсов по краеведению, отечественной истории XX века, а также при написании соответствующих учебных пособий. Революционный трибунал – уникальный орган, включающий в себя все компоненты судебной-следственной системы: следствие, обвинение, защита и судопроизводство. Полученные результаты о его работе, осуществляющейся на стыке исторической и

правовой наук, представляют немалый интерес и для лиц, занятых в сфере юридической теории и практики.

Апробация исследования осуществлялась через выступления автора на международных⁵³ (2012, 2013), всероссийских⁵⁴ (2010, 2013), межрегиональных⁵⁵ (2012) и региональных⁵⁶ (2010, 2011, 2012, 2013) конференциях. По теме диссертации опубликованы 17 статей, в том числе 3 – в изданиях списка ВАК⁵⁷. Полученные результаты работы включены в Отчет о научно-исследовательской работе в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

⁵³ Развитие отечественной исторической науки в XXI веке (г. Москва, 21 декабря 2012 г.); Урал в годы Гражданской войны (г. Пермь, 28-29 сентября 2013 г.); Финно-угры-славяне-тюрки: опыт взаимодействия (г. Ижевск, 2-4 декабря 2013 г.).

⁵⁴ Ижевск: российский город в исторической ретроспективе (г. Ижевск, 25-26 сентября 2010 г.); Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях (г. Пермь, 17 мая 2013); Вятская земля в прошлом и настоящем (г. Киров, 20-21 ноября 2013 г.).

⁵⁵ Молодежь Кировской области (г. Киров, 16 февраля 2012 г.); Исторический опыт советской государственности: к 90-летию образования СССР (г. Киров, 24 ноября 2012 г.).

⁵⁶ Россия советская и современная: опыт прошлого в построении будущего (г. Киров, 20 марта 2010 г.); Общественно-политическое движение в России (г. Киров, 18 декабря 2010 г.); Вопросы истории и политики: взгляд молодых исследователей (г. Киров, 14 апреля 2011 г.); Вятская земля в прошлом и настоящем (г. Киров, 18 октября 2012 г.).

⁵⁷ Бакулин В.И. Вычугжанина (Позднякова) А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918–1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 2 (5). С. 90–99; Позднякова А.С. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 4 (5). С. 79–84; Позднякова А.С. Как «откосить» за 80 лиц: хроники Вятского губернского революционного трибунала // Родина. № 8. С. 150–151.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

§1. Организация деятельности трибунала Вятки в 1918–1922 гг. Процесс судопроизводства в Вятском губернском революционном трибунале

После прихода к власти большевиков реорганизации подверглась вся система государственного управления. Не была исключением и судебная система. Декрет СНК о суде №1 от 24 ноября 1917 г. предусматривал две формы судебной организации. Как общегражданские, создавались местные народные суды. Наряду с ними формировались судебные органы специальной юрисдикции. Как правило, такие суды, и не только в нашей стране, создавались в чрезвычайных условиях. В Советской России в годы иностранной интервенции и Гражданской войны специальными судами стали революционные трибуналы.

В Декрете о суде №1 дается такое определение революционному трибуналу: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел по борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими и Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов»⁵⁸.

В дополнение к декрету было принято «Руководство для устройства Революционных трибуналов». Оно определяло процесс создания таковых, их структуру, порядок рассмотрения дел, перечень налагаемых наказаний. Вновь были указаны направления деятельности трибуналов, которые вели борьбу с «контрреволюционными силами, с саботажем чиновников и служащих...мародерством, хищничеством и тому подобными злоупотреблениями». В руководство было отмечено, что защиту и обвинение в

⁵⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

революционных трибуналах могли вести все «неопороченные граждане»⁵⁹.

19 декабря 1917 г. была издана дополнительная «Инструкция Народного Комиссариата Юстиции о революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». Оно, также как и руководство, включало в себя перечень процессуальных норм, в соответствии с которыми должен был действовать трибунал; определялся состав, порядок избрания постоянных членов революционного трибунала (председатель, 2 заместителя, секретарь и 2 его заместителя), а также – заседателей. В инструкции была особо отмечена подсудность революционных трибуналов, которая была ограничена следующими категориями дел: 1) «О восстании против Советской власти, противодействии и неподчинении и призыве к таковым деяниям, 2) о нарушении и затруднении правительственной работы..., 3) о сокращении производства предметов массового потребления без необходимости, 4) о скупке, сокрытии, порче и уничтожении таковых..., 5) о нарушении декретов, распоряжений и обязательных постановлений Правительства..., 6) о злоупотреблении властью...»⁶⁰.

В инструкции были перечислены поводы к возбуждению дел в революционном трибунале: сообщения должностных лиц; судебных, административных органов, партийных, общественных, профсоюзных организаций; частных лиц. В инструкции содержался порядок деятельности следственной комиссии. Инструкция включала в себя и перечень мер наказания: денежный штраф, лишение свободы, удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, объявление общественного порицания, секвестр или конфискация (частичная или полная) имущества, присуждение к обязательным общественным работам. Уже в это период применялась такая мера как, объявление виновного врагом народа, лишение его всех или некоторых политических прав.

В губерниях начинается процесс создания революционных трибуналов. 5

⁵⁹ Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. №238 (28 ноября).

⁶⁰ СУ РСФСР. 1917. №12. Ст. 170.

декабря 1917 г. трибунал появляется в Москве, в декабре 1917 г. – в Омской губернии, Уральской области, в январе 1918 г. – во Владимирской, Орловской, Саратовской, и других местностях⁶¹. Трибуналы создавались в губернских, уездных городах и даже в волостях. Не стала исключением и Вятка. Революционный трибунал здесь был создан в начале января 1918 г. Уже в первые месяцы своего существования он столкнулся с двумя серьезными проблемами: с нехваткой юридически подготовленных кадров в следственной комиссии при трибунале, да и в нем самом, и с отсутствием инструкций из центра. Губернский комиссар юстиции отмечал по поводу второй из них: для получения необходимых в работе директив «приходилось руководствоваться случайно попадавшими номерами газеты «Известия ЦИК», но поступали они очень нерегулярно»⁶².

Первое заседание трибунала состоялось 15 января 1918 г.: в нем принимали участие председатель трибунала Г.И. Софронов, его заместитель И.И. Рогалев, секретарь В.И. Лалетин, товарищ его М.Н. Златоверхников и 15 заседателей⁶³. На заседании была разъяснена инструкция «О революционном трибунале», избрана хозяйственная комиссия, казначей⁶⁴. В этот же день прошли и выборы заседателей закрытой жеребьевкой⁶⁵.

Говоря о выборах в революционный трибунал, отметим, что его члены и члены следственной комиссии избирались на заседаниях Вятского Совета РСД. Краткий срок полномочий председателя трибунала и его заместителей (три месяца) и особенно заседателей (один месяц), установленный Инструкцией от 19 декабря 1918 г. оказывался в отдельных случаях помехой в его работе. Так, 18 марта 1918 г. секретарь ревтрибунала сообщал в Вятский городской Совет РСД о том, что необходимо избрать новый состав трибунала, ибо дела поступают, а он бездействует, так как старый состав, согласно инструкции, не может их рассматривать⁶⁶. Меры были приняты, уже 20 марта 1918 г. трибунал был

⁶¹ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства (1917-1918гг.). С. 348.

⁶² Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. С. 43.

⁶³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 10, Л. 1(об).

⁶⁴ Там же. Л. 3.

⁶⁵ Там же. Л. 2.

⁶⁶ Палкин К.А. К истории строительства. С. 39. (машинопись)

переизбран⁶⁷. В течение 1918 года персональный состав трибунала и следственной комиссии при нем менялся регулярно, иногда с некоторым опозданием и избирался на общем собрании Вятского городского Совета РСД (со второй половины 1918 г. – Губисполкома) по представлению ячейки РКП (б).

С января 1918 г. в трибунале осуществлялась регистрация (опись) дел, поступавших в производство, функционирующей при нем следственной комиссии. На основании заявлений граждан в период с конца декабря 1917 г. по январь 1918 г. включительно таковых было заведено около 130. Большинство из них были либо переданы в комиссию при губернском комиссаре юстиции (вариант – в народный окружной суд после его появления), либо прекращены. Лишь единичные дела оставались в производстве самого трибунала. Так, в январе поступило 15 дел, из которых только по двум были приняты решения с вынесением обвинительного приговора.

Обращает на себя внимание тот факт, что даже те 15 дел, которые были приняты трибуналом к производству, не относились к перечню составов преступлений, подсудных трибуналу, а носили уголовный характер. Это обстоятельство объяснялось тем, что трибунал был единственным судебным органом в Вятке в тот период, поскольку народный суд был создан только к апрелю 1918 г. По этой причине губернским комиссариатом юстиции на рассмотрение следственной комиссии трибунала были переданы и те общеуголовные дела, которые были заведены еще до установления советской власти. Все они им были прекращены с характерной резолюцией «преступление совершено еще во время буржуазного временного правительства и подлежит наказанию по законам того времени... дело прекратить»⁶⁸.

Поступление в трибунал в первые месяцы его работы большого количества заявлений наводит на мысль о том, что рядовому обывателю не была понятна специфика данного учреждения, и трибунал воспринимался как общегражданский суд. С другой стороны, следователи революционного трибунала имели

⁶⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

⁶⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 17. Л.25.

возможность заниматься расследованием дел общеуголовного характера (впрочем, как мы уже видели, не слишком усердно) и потому, что в это время в Вятке не отмечалось активных проявлений контрреволюционной деятельности.

Подобная ситуация сложилась и в Воронежской губернии: с момента организации революционного трибунала (конец января 1918 г.) по 13 марта 1918 г. было рассмотрено дел о контрреволюционных выступлениях — 10, о самогоноварении и продаже самогона — 82, о спекуляции — 66, о прочих преступлениях, в том числе о нарушении обязательных постановлений местного совета — 221⁶⁹.

Следственные дела ревтрибунала первой половины 1918 г. — отдельный источник судебно-следственного «творчества» послереволюционного времени. Первые работники следственной комиссии Вятки не имели юридического образования или опыта, более того, инструкций по ведению и оформлению судебно-следственных мероприятий не поступало, соответственно, можно предположить, что восприятие сотрудниками чрезвычайного суда идей о том, каким должно быть новое правосудие, нашло отражение в ведении делопроизводства. Дело зачастую ограничивалось признательным протоколом подозреваемого без конкретных вопросов следователя, к примеру, допрос обвиняемого солдата был выражен двумя фразами: «В первых числах апреля сего года я, не получая жалование, продал казенный полушубок за 15 рублей одному мужику, фамилии не знаю. Разрешения на продажу не получал»⁷⁰. Следствие могло быть отражено в деле как общее заявление от ряда граждан: члены исполкома слободы Кукарка составили обращение, в котором просили ревтрибунал привлечь к ответственности гражданина Баранова за контрреволюционную деятельность⁷¹. Этот документ и стал единственным аргументом следствия. Однако протоколы судебного разбирательства дела

⁶⁹ Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник Воронежского Государственного Университета, Серия: История. Политология. Социология. 2008. №1. С. 29.

⁷⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 88. Л. 5.

⁷¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 86. Л. 9.

подробны и содержат практически все речи обвинения и защиты, нередко явлением были выступления публики с комментариями по делу. Непродолжительность расследования дела путем отсутствия поиска свидетелей, допросов, напротив, расширенное судебное разбирательство с привлечением заседателей, обширные судебные прения — все это отчасти напоминает общинный суд крестьян на сходе. Данный тезис подтверждается и тем, что большинство работников ревтрибунала первой половины 1918 г. по социальному происхождению были крестьянами, которые по-своему воспринимали понятия суда и справедливости.

Дела в революционный трибунал могли поступать по личным обращениям граждан, органов и из уездных судебно-следственных комиссий. Поступление дел из последних имело место только к концу 1918 г., что было обусловлено региональными особенностями становления судебно-следственной системы на территории Вятской губернии. А именно, в течение первых месяцев 1918 г. самостоятельные революционные трибуналы были созданы в нескольких уездных городах Вятской губернии (Котельниче, Малмыже, Слободском, Ижевске, Яранске, Орлове). Желание создать ревтрибуналы появлялось даже у волостных Советов. Так, представитель Чепецкой волости Вятского уезда на заседании Вятского Уездного Исполнительного Комитета 20 марта 1918 г. сообщил, что в волости будет учрежден трибунал, а представитель Бобинской волости тогда же докладывал, что идея организации трибунала в волости находит сочувствие и когда в нем будет необходимость, он будет создан⁷². Как и в самой Вятке местные ревтрибуналы были единственными следственно-судебными органами и воспринимались как общегражданские суды.

В целях упорядочивания системы чрезвычайных судебных органов 4 мая 1918 г. СНК был принят Декрет о революционных трибуналах. По нему были упразднены низовые местные и армейские революционные трибуналы, таковые были оставлены только в столицах, губернских городах, крупных узловых

⁷² ГАКО, Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

станциях и промышленных центрах. Из ведения ревтрибуналов были изъяты все дела общеуголовного характера. На них были возложены дела по борьбе с погромами, неправомерным использованием советских документов, взяточничеством, подлогами, хулиганством, шпионажем⁷³.

Важным шагом стало образование коллегии обвинителей, которая принимала участие в заседаниях следственной комиссии, оформляла заключения последней «о подсудности дел и полноте произведенного следствия». Коллегия обвинителей возбуждала «обвинение против того или другого лица или группы лиц в преступлениях», формулировала обвинительные тезисы «по каждому делу в следственной комиссии при назначении к слушанию в Революционном Трибунале», поддерживала «публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях Революционного трибунала»⁷⁴.

Однако с началом Гражданской войны ситуация в стране начинает меняться. В мае 1918 г. вспыхнул чехословацкий мятеж, что привело к существенной дестабилизации ситуации в стране и губернии. Положение усложнялось также конфликтами местных властей с сельским населением в связи с проведением мероприятий по хлебозаготовкам. Все это вынудило их 10 июня объявить на военном положении г. Малмыж и Малмыжский уезд, 21 июня – г. Яранск⁷⁵.

Остротой ситуации было обусловлено решение Вятского губернского комиссара юстиции, вопреки декрету СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г., издать распоряжение о сохранении всех существующих на тот момент в губернии трибуналов. Он аргументировал это решение тем, что значительная часть территории региона в тот период находилась на военном положении и их ликвидация затруднила бы борьбу с контрреволюционными элементами; позволила бы последним организовать свои силы для активных действий в отдаленных уездах⁷⁶.

⁷³ Согласно декрету за это преступление привлекались к ответственности те, кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти, или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих учинит бесчинство.

⁷⁴ СУ РСФСР. 1918. №35. Ст. 471.

⁷⁵ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 168.

⁷⁶ ГАРФ, Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.

Поскольку на представление Губернского комиссара юстиции Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) ответа не давал, трибуналы в уездах продолжали существовать в противоречии с декретом от 4 мая 1918 г. Но кассационный отдел при ВЦИК стал возвращать без рассмотрения поступившие к нему по жалобам дела, рассмотренные трибуналами уездных городов, считая их неправомочными выносить приговоры⁷⁷. В результате, начался процесс сворачивания деятельности ревтрибуналов в уездах Вятской губернии.

Однако по настойчивому требованию губернского комиссара юстиций какое-то время сохранялся трибунал в Котельниче. Кроме того, по местной инициативе задержалась их ликвидация в г. Слободском (просуществовал до конца октября 1918 г.) и Малмыже⁷⁸.

Более того по представлению комиссара юстиции Вятский губисполком в заседании от 16 октября 1918 г. постановил возбудить ходатайство перед НКЮ об оставлении ревтрибунала в городе Ижевске с временным нахождением его в г. Сарапуле⁷⁹. В результате, к ноябрю 1918 г. на территории губернии продолжали функционировать три трибунала – Вятский, Малмыжский (прекратил свою деятельность в декабре 1918 г.) и Сарапульский (Ижевский), которые не зависели от Вятского трибунала и принимали самостоятельные судебные решения.

Завершение процесса оформления системы революционных трибуналов было связано с принятием 29 мая 1918 г. положения о Революционном трибунале при ВЦИК (с 1919 г. Верховный трибунал при ВЦИК) «для суждения по важным делам, которые будут изъяты из подсудности революционных трибуналов»⁸⁰. 11 июня 1918 г. вышел декрет ВЦИК и СНК об учреждении кассационного отдела при ВЦИК, который должен был рассматривать жалобы и протесты на приговоры трибуналов, вынесенных с нарушением «правил о подсудности», «установленных форм судопроизводства» или «вынесения явно несправедливого приговора». По декрету срок рассмотрения жалобы был ограничен двумя неделями. Дела,

⁷⁷ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 152. Л. 10 (об.).

⁷⁸ Палкин К.А. Указ. соч. С. 41.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 336-339.

поступившие в кассационный трибунал, передавались «для нового разбирательства в тот же революционный трибунал, откуда они поступили, но уже с иным составом заседателей и председательствующего», либо отдавалась «в иной трибунал»⁸¹.

Летом 1918 г., в связи с началом иностранной интервенции и развертыванием Гражданской войны в стране ужесточилась репрессивная политика: 16 июня 1918 г. нарком юстиции П.И. Стучка отменил ранее изданные циркуляры о революционных трибуналах. Чрезвычайные судебные органы были, как говорилось в его постановлении, «в выборе мер борьбы с контрреволюцией не связаны никакими ограничениями»⁸². В числе прочего ими могла теперь применяться и такая мера наказания, как смертная казнь⁸³.

За первые полгода деятельности наиболее суровой репрессией, использованной революционным трибуналом Вятки, стало лишение свободы сроком на 1,5 года, с выполнением общественно-принудительных работ в Вятском исправительном рабочем доме, которому был подвергнут красноармеец, растративший более 8 тысяч казённых рублей⁸⁴. С лета 1918 г. наблюдается постепенное ужесточение применяемых наказаний, что обуславливалось не только постановлением Стучки, но и появлением в реальной жизни региона новых, более серьезных преступлений. Кроме того, происходило дальнейшее усиление партийного контроля над деятельностью губернского трибунала: в конце августа 1918 г. вятский комитет партии большевиков целевым порядком командировал для работы в следственной комиссии И.И. Кауке и А.Ф. Аболина, последний из которых был избран её председателем⁸⁵.

С августа 1918 г. революционный трибунал начинает активно сотрудничать с Вятской ГубЧК. Основным направлением работы являлась борьба с одними из самых распространенных преступлений того времени — мешочничеством и

⁸¹ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 420-421.

⁸² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

⁸³ История советского уголовного права. М., 1948. С. 117.

⁸⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 254. Л. 41.

⁸⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 138, 138(об).

непосредственно связанным с ним изготовлением и использованием подложных документов, необходимых для беспрепятственного передвижения по стране, по городу в вечернее и ночное время, для получения продовольственных товаров, для убытия в воинский отпуск и т.д. Вятская губерния являлась одним из центров для скупки хлеба у крестьян и дальнейшей перепродажи в голодные районы страны⁸⁶. В течение лета и осени 1918 г. революционным трибуналом Вятки было возбуждено и рассмотрено более десятка таких дел. С августа 1918 г. в рамках сложившейся процедуры работы по такого рода материалам лица, подозреваемые в использовании подложных документов с целью перевозки хлеба, задерживались в поездах, доставлялись для проведения первичного допроса в отделение ЧК при железнодорожных станциях, где их, как правило, избивали, затем – в губернскую ЧК и далее дело переходило на рассмотрение в ревтрибунал.

Проводя анализ дел революционного трибунала за вторую половину 1918 г., мы отмечаем серьезные изменения в ведении и оформлении следственных мероприятий: допросы подозреваемого и свидетелей протоколировались в формате «вопрос-ответ», составлялся анкетный лист на подозреваемого, по окончании следствия оформлялся обвинительный акт с подробным описанием состава правонарушения. Дело включало в себя расследования ЧК или местных следственных комиссий, но, говоря об их совместной работе с ревтрибуналом, отметим недостаточную преемственность между структурами, что видно в проведении повторных допросов свидетелей, которые подвергались им на месте преступления (в уездных ЧК) и дополнительно вызывались в Вятку порой из крайне отдаленных уголков губернии.

В сентябре-октябре того же года в Вятском ревтрибунале рассмотрению подлежали 39 дел, из которых 22 были прекращены за отсутствием состава преступления. Изучение материалов остальных 17 дел свидетельствует о следующем: 6 человек были приговорены к лишению свободы сроком от 2 до 7 лет с применением общественно-принудительных работ; 5 — сроком от 2 месяцев

⁸⁶ Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918-1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 44.

до 1 года; троим в качестве наказания был присуждён штраф; один был исключен из состава Красной армии, один подлежал отправлению на фронт, еще один получил один год лишения свободы условно⁸⁷. Таким образом, анализ практики применения наказаний Вятским ревтрибуналом свидетельствует о том, что характер используемых по отношению к правонарушителям мер воздействия не может быть определён как избыточно жёсткий, либо безосновательно репрессивный. Более того, все осужденные подлежали амнистии 6-го Всероссийского Съезда Советов, примененной в Вятке 17-19 ноября 1918 г.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что действующая в то же самое время на территории г. Орлова Вятской губернии структура (подразделение) ЧК на чехословацком фронте за первую половину сентября 1918 г. вынесла приговоры о расстреле 11 человек⁸⁸. В г. Котельнич за сентябрь 1918 г. уездной ЧК был расстрелян 61 человек⁸⁹.

Единственным случаем применения высшей меры наказания в трибунале в 1918 г. было дело о бывшем начальнике уголовного отделения местной милиции В.Н. Ларионове, который обвинялся в злоупотреблениях по службе. Проработав в этой должности всего две недели, он успел за это время совершить целый «букет» преступных действий: избиение арестованных, конфискация у них вещей, денег в целях личной наживы, грубое нарушение правил ведения отчетности и др. 27 июля 1918 г. трибунал вынес приговор — расстрел⁹⁰.

Создание губернских революционных трибуналов, Верховного трибунала при ВЦИК, кассационного отдела позволило сформировать систему революционных трибуналов. Однако в ней имелись существенные пробелы. К примеру, не была четко обозначена и разграничена подсудность. Поэтому продолжали выходить дополнительные постановления, уточнявшие, вносящие ясность в принципы работы трибуналов. 6 октября 1918 г. был издан циркуляр

⁸⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 108, 167, 259, 311, 321, 327, 426, 427, 429, 430, 451, 452, 468, 471, 472, 508, 594.

⁸⁸ ГАСПИКО, Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11565, СУ-10583, СУ-10584, СУ-11658, СУ-10573, СУ-10581, СУ-10567, СУ-10571, СУ-10574, СУ-10570, СУ-11558.

⁸⁹ ГАКО, Ф. 876. Оп. 2. Д. 30. Л. 79.

⁹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 59.

Кассационного отдела ВЦИК, в котором давалась следующая градация преступлений, подсудных ревтрибуналу: «1. Контрреволюционная деятельность. 2. Саботаж. 3. Дискредитация власти. 4. Подлоги. 5. Преступления по должности. 6. Шпионаж. 7. Хулиганство»⁹¹.

Уточнение функциональных прав и обязанностей трибуналов было продолжено 1-ым съездом представителей их руководящих коллегий (проходил с 29 октября по 3 ноября 1918 г.) в принятой им инструкции «О порядке направления дел и дознания, подсудных трибуналу». В ней перечислялись составы преступлений, подсудных революционным трибуналам: контрреволюционные выступления, саботаж, подлог, контрреволюционная агитация и т.д. (всего 8 позиций)⁹².

Статистические данные о работе губернского революционного трибунала в 1918 г. весьма отрывочны. За время с января по сентябрь 1918 г. судом ревтрибунала было рассмотрено 80 дел, из которых 32 дела были частично возвращены к доследованию или переданы в другие учреждения. За этот же период в следственную комиссию поступило 403 дела, около 100 из них были не окончены к 1 октября 1918 г., что еще раз говорило о нехватке юридически подготовленных кадров, обширной подсудности ревтрибунала, неразвитости народного суда⁹³. Применение амнистии 6-го Всероссийского Съезда Советов немного сократило число неоконченных дел, к 1 января 1919 г. таковых осталось 62.

В целом процессы, происходившие в Вятке, не отличались от общероссийских: это касается времени создания ревтрибунала и проблем, с которыми он столкнулся в первый год работы. Следует еще раз подчеркнуть, что хотя революционные трибуналы с момента их создания в ноябре 1917 г. и до середины июня 1918 г. и являлись специальными судебными органами, но первоначально не были наделены чрезвычайными полномочиями.

⁹¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 2. Л. 165.

⁹² Там же. Л. 173-175.

⁹³ Палкин К.А. Указ. соч. С. 131-133.

Соответствующая перемена произошла лишь в связи с обострением обстановки в стране, началом иностранной военной интервенции, ожесточением классовой борьбы, переходящей в гражданскую войну. Вятский губернский революционный трибунал в 1918 г., даже несмотря на введение политики красного террора и имеющиеся у него полномочия использовать в отношении правонарушителей высшую меру наказания, практиковал вынесение достаточно «мягких» приговоров, что объяснялось как отсутствием массовых контрреволюционных выступлений в городе, так и достаточно либеральной политикой его руководства.

Определяющим фактором, повлиявшим на работу трибунала в 1919–1920 гг., стала эскалация масштабов ведения Гражданской войны, что оказало большое влияние на кадровое состояние данного органа. Так, с одной стороны, на протяжении всего периода происходил постоянный отток кадров ввиду мобилизации сотрудников трибунала в ряды Красной Армии, с другой стороны захват белогвардейцами в первой половине 1919 г. Урала и Сибири вызвал приток в Вятку эвакуированных партийных работников, которые в свою очередь привлекались к работе в губернском трибунале. Кадровые проблемы привели к тому, что 17 января 1920 г. в Вятский губернский комитет РКП (б) была направлена записка, в которой положение следственной комиссии при трибунале описывалось как крайне отчаянное⁹⁴. Положение осложнялось также и тем, что немалая часть дел требовала срочной командировки сотрудника к месту проведения следствия. В результате принятых мер состав комиссии удалось укрепить несколькими «партийными товарищами», что, однако, не привело к желаемой нормализации её работы, поскольку трибунал еженедельно отправлял в командировку в уезды одного или двоих сотрудников, а, следователи были перегружены не только своими делами, но и делами, поступающими из чрезвычайной комиссии. Кроме того необходимо отметить и то обстоятельство, что одной из причин возникновения кадрового голода в ревтрибунале стала практика направления местной ячейкой РКП (б) его сотрудников для дальнейшей

⁹⁴ ГАКО, Ф. Р-1322, Оп. 1, Д. 330, Л. 1.

работы в органы ЧК.

Несмотря на эскалацию Гражданской войны в Вятско-Камском регионе постепенно упорядочивается ведение делопроизводства – с середины 1919 г. работа трибунала (а именно судебные заседания) стала проходить в форме сессий. Стадии судебного разбирательства предшествовало распорядительное заседание, на котором решалась дальнейшая судьба конкретного дела (дорасследование, прекращение, передача в другие суды по подсудности, на суд трибунала). Следователь должен был делать доклад, а члены трибунала, выслушав таковой, выявляли неточности в деле, указывали на слабые места следствия и тд. Однако в условиях высокой загруженности среди следователей распорядительное заседание сводилось к главному вопросу — отправлять дело на суд трибунала или нет. Здесь также утверждался список дел, который будет рассматриваться в определенный день, в протокол вносились имена защитника и обвинителя. Несколько таких дней (обычно 1-2) и составляли сессию. Информация о них публиковалась на страницах «Известий Вятского Губернского исполнительного комитета Вятского Совета Рабочих и Солдатских депутатов»⁹⁵, что также имело целью упреждение новых преступлений. Сессии осуществлялись не только в самой Вятке, но и в уездах, где, кстати, сворачивание деятельности уездных революционных трибуналов должно было начаться сразу после выхода Декрета от 4 мая 1918 г. Однако в Вятской губернии этот процесс затянулся – в некоторых районах до 1919 г. Так, Малмыжский трибунал существовал вплоть до января 1919 г. За 9 месяцев работы на его рассмотрение поступило 64 дела (больше всего по статьям: контрреволюционная агитация, преступления по должности, неподчинение советской власти)⁹⁶.

После ликвидации уездных ревтрибуналов на местах встал вопрос о создании следственных комиссий (в замену упраздненным уездным чрезвычайным комиссиям), которые бы подчинялись Вятскому губернскому

⁹⁵ Например, в №100 газеты за 07.05.1919 г. Со второй половины 1919 г. по июнь 1920 г. на страницах газеты «Деревенский коммунист», а с июня 1920 по 1922 г. – «Вятской правды».

⁹⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.

трибуналу. Данный процесс начался в феврале 1919 г. Как говорится в телеграмме заведующему губернским отделом юстиции: «...в некоторых уездах комиссии уже организованы и приступили к работе, например в Яранске, Орлове, Малмыже, Нолинске»⁹⁷. Они не обладали судебными функциями, а только вели следствие. Решения по делам принимались во время выездных сессий трибунала, которые осуществлялись по мере необходимости. К примеру, в Яранске за вторую половину 1919 г. было проведено 4 выездные сессии⁹⁸.

17 февраля 1919 г. вышло постановление ВЦИК, уточнявшее компетенцию ВЧК в вопросе утверждения приговоров. Ревтрибуналы получили право выносить таковые по делам, возбуждавшимся в чрезвычайных комиссиях. Однако ЧК имели право внесудебной репрессии в местностях, объявленных на военном положении.

Вместе с тем, в целях усиления трибуналов они подверглись реорганизации. Теперь этот орган формировался в составе трех судей. Важным процессуальным новшеством являлось право ревтрибуналов вызывать или не вызывать свидетелей, допускать или нет защиту. Трибуналы могли с этого времени проверять следственные действия ЧК, посещать места заключения для «проверки закономерности содержания арестованных»⁹⁹.

12 апреля 1919 г. было принято новое Положение о революционных трибуналах. В первом его пункте положения подчеркивалось, что «трибуналам предоставляется ничем неограниченное право в определение меры репрессии»¹⁰⁰. В положении было также уточнено территориальное размещение трибуналов, которые теперь могли создаваться только в губернских центрах, городах с населением свыше 200 тысяч жителей. Исходя из нового положения, ревтрибунал состоял из председателя и 2-х членов. Кроме того, для функционирования выездных сессий избиралось до 15 кандидатов. Предварительное следствие по-прежнему оставалось за следственной комиссией в составе 5 человек. Большое

⁹⁷ Телеграмма заведующему губернским отделом юстиции от 4 февраля 1919 г. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 156. Л. 1, 1(об.).

⁹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 110. Л. 58(об), 68.

⁹⁹ СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

¹⁰⁰ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

значение имело право трибуналов проверять следственные действия чрезвычайных комиссий, которые предоставляли дела в трибуналы.

Как и февральское постановление ВЦИК, новое положение давало право членам трибуналов посещать места заключения в целях «проверки закономерности содержания всех арестованных под стражей, принимая решение на распорядительном заседании трибунала об освобождении или изменении меры пресечения по делам ему подсудным»¹⁰¹. Подтверждалось его право допускать или не допускать обвинителей и защитников на судебное заседание.

Важным моментом стало создание при ВЦИК Кассационного трибунала. Жалобы, поступающие в Кассационный трибунал, должны были быть рассмотрены в недельный срок. Кассационная жалоба подавалась в случае «нарушения революционным трибуналом формы и порядка рассмотрения дел и вынесения приговора явно не соответствующего деянию осужденного». Кассационный трибунал в этом случае направлял дело для рассмотрения либо в другой трибунал, либо в тот же трибунал, но в ином составе¹⁰².

Еще одним звеном в процессуальной схеме судопроизводства было вынесение обвинительного акта, которым должна была заниматься коллегия обвинителей. Руководству Вятского ревтрибунала довольно долго не удавалось решить задачу организации коллегии обвинителей, создание которой было предписано правительственным декретом еще в начале мая 1918 г. Так, 12 сентября 1918 г., на совещании при губернском комиссариате юстиции, председатель трибунала А.И. Рахлин выступил с докладом по этому вопросу, настаивая на немедленной организации коллегии. В ее состав он просил горсовет избрать трех лиц, а комиссара юстиции – «прислать одного юриста»¹⁰³. К концу октября 1918 г. данный орган был сформирован. Коллегия обвинителей стала специфичной прокурорской структурой, в функции которой входила подготовка

¹⁰¹ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 40.

обвинительных актов, представляемых подсудимым для ознакомления до начала судебного заседания.

После организации коллегии обвинителей на повестку дня встал вопрос о создании при трибунале коллегии правозаступников. Уже 9 ноября 1918 г. на совещании руководства трибунала его председатель А.И. Рахлин предложил создать данный орган, с чем и обратился в губисполком. Трудно сказать, увенчался ли успехом его демарш, ибо в доступных для изучения документах 1918 года упоминаний о создании и деятельности при губернском трибунале коллегии правозаступников нет.

В январе 1919 г. должность председателя коллегии обвинителей при губернском трибунале занял бывший председатель следственной комиссии Перми, Николай Иванович Козлов. Знакомый с ведением следствия и оформлением документации, единственный в тот период имевший высшее образование, он пытался навести порядок в ведении делопроизводства и несколько раз обращался в Юридический отдел Вятской ГубЧК с жалобами на то, что «препровожденные дела ЧК...не окончены, в них нет тех формальностей, какие требуются для предания суду, а потому ни одно дело из ЧК нельзя поставить на разбирательство»¹⁰⁴. Более того, еще в марте 1919 г. он составил инструкцию для всех следственных комиссий в уездах, где подробно описал работу следователя от возбуждения дела до предъявления следствия подозреваемому.

С мая 1919 г. коллегия обвинителей ревтрибунала вошла в создаваемую Коллегию защитников и обвинителей г. Вятки¹⁰⁵. Подразумевалось, что Коллегия пополнится и за счет новых членов, однако, фактически в ее состав никто более не вступал. Председателем данной структуры был А.Н. Сильвинский, членами – А.С. Иванов, А.И. Огородников, П.М. Гефсиманский, Н.П. Луппов, Н.И. Козлов, М.Е. Николаев (все беспартийные)¹⁰⁶. Для того чтобы обеспечить защиту и обвинение в заседаниях, революционный трибунал за несколько дней до судебной сессии

¹⁰⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 165. Л. 11.

¹⁰⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 123. Л. 532.

¹⁰⁶ Там же. Л. 532(об).

присылал в коллегии списки рассматриваемых дел и обвинительные акты по ним, составленные членами следственных комиссий или ЧК. Речь обвинителей в судебном заседании ревтрибунала зачастую сводилась к зачитыванию отдельных положений обвинительного акта. Гораздо сложнее была работа защитника. К сожалению, в следственных делах не сохранились протоколы речей защитников на судебных заседаниях, однако о некоторых из них оставил свои воспоминания К.А. Палкин (следователь военного трибунала при Уральском округе, следователь-докладчик трибунала с 1921 г.).

Так, Н.П. Луппова он называл большим «оригиналом» за неуместное цитирование басен Крылова и стихов А.С. Пушкина, а также за некую халатность в работе. К.А. Палкин вспоминает случай, когда защитник Луппов не успел ознакомиться с делом, но посчитал возможным слушать таковое и вести защиту¹⁰⁷. Неизвестно с «помощью» своего защитника или без, обвиняемые по тому делу были приговорены к высшей мере наказания. Абсолютно иное впечатление у него вызвал другой защитник из коллегии – М.Е. Николаев: «Он умел говорить. Речь его всегда была эмоциональной и заставляла задуматься...Слабые стороны следствия никогда незамеченными не оставались»¹⁰⁸.

Изначально создаваемым для борьбы с контрреволюцией ревтрибуналам в условиях Гражданской войны приходилось вести борьбу с совершенно разными преступлениями. В связи с наплывом дезертиров в стране, особенно в прифронтовой полосе, каковой являлась наша губерния, с июня 1919 г. трибунал Вятки стал расследовать дела по данной категории, несомненно, прибавив работы служащим. Близость фронта и частичная оккупация белыми территории Вятской губернии обусловили борьбу с еще одним преступлением – содействием белогвардейцам. В конце 1919 г. по постановлению СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» ревтрибуналы стали заниматься производством следствия и судебного

¹⁰⁷ Палкин К.А. О том, что запомнилось. С. 120. (машинопись)

¹⁰⁸ Там же. С. 102-103.

разбирательства в случаях, когда данный закон нарушали должностные лица. Увеличение числа дел, подсудных трибуналу Вятки, способствовало росту дел, расследуемых следственной комиссией и, соответственно, решаемых в судебном порядке членами трибунала: в 1919 г. было осуждено 638 человек, в 1920 г. – 1033¹⁰⁹.

Определенную роль в развитии системы революционных трибуналов имело издание 12 декабря 1919 г. «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР». Они содержали общую характеристику советского права (в т.ч. уголовного), определяли, что есть преступление, наказание, разъясняли выбор меры воздействия и т.д. «Руководящие начала» давали определение приготовлению к преступлению, оконченному преступлению, покушению на преступление, соучастию. Были перечислены меры наказания (16 видов) от внушения и кончая объявлением вне закона и расстрелом. В документе было отмечено, что в некоторых случаях подсудимый мог быть осужден условно (тяжелые обстоятельства жизни, совершение преступления впервые, и т.д.)¹¹⁰.

Важным шагом по смягчению репрессивной политики новой власти стала отмена смертной казни постановлением ВЦИК и СНК от 17 января 1920 г. Высшая мера наказания была отменена по приговорам ЧК и ревтрибуналов. Это объяснялось успехами Красной армии на фронтах Гражданской войны. Однако передышка 1920 г. продолжалась очень недолго. Начало весны ознаменовалось польским наступлением, затем оживился Врангель, Махно на Украине. Все эти события стали причиной принятия решения об объявлении ряда губерний на военном положении и представления ревтрибуналам неограниченного права в применении репрессии.

Об усилении роли ревтрибуналов на местах, в том числе, в Вятке говорит и то обстоятельство, что апрель–июль 1920 г. – период максимального упоминания о функционировании губернского трибунала в периодической прессе¹¹¹. Газетные

¹⁰⁹ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 7. Л. 261.; Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 485. Л. 1(об.), 2.

¹¹⁰ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

¹¹¹ На основании анализа газет «Деревенский коммунист», «Вятская правда» и «Известия Вятского Губернского исполнительного комитета» за 1918-1922 гг. Упоминаний о ревтрибунале за апрель-июль 1920 г. – 30 статей, что в 2

статьи содержали не только информацию о предстоящих судебных сессиях, но и подробное описание решенных трибуналом дел.

18 марта 1920 г. было издано новое Положение о революционных трибуналах. Частые изменения в системе ревтрибуналов можно объяснить зависимостью карательной политики в стране от смены политической ситуации: Гражданская война заставила власть быстро реагировать, принимать адекватные меры, в том числе и организационного плана. Новое положение о революционных трибуналах дополнило и уточнило предыдущее, приобрело значение основного закона о трибуналах.

Первая статья Положения определяла перечень органов, которые направляли дела для рассмотрения в революционные трибуналы. В их число входили: ЧК, особые отделы, комиссии по борьбе с дезертирством, НКЮ, губисполкомы и т. д. В категорию дел, подсудных этим чрезвычайным органам входили контрреволюционные деяния, дела по крупным должностным преступлениям, о явном дискредитировании власти, преступления спекулянтов и о дезертирах.

Трибунал, в соответствии с новым Положением, должен был состоять из трех человек; в его состав входил представитель губернской ЧК (ст. 6), причем члены трибунала избирались на один месяц с правом переизбрания (ст. 7). Предварительное следствие теперь вели не следственные комиссии при трибуналах, а ЧК, особые отделы и другие органы, направляющие дела в трибуналы (ст. 8). При суде должен был находиться особый следователь-докладчик, который оформлял заключение по делам, поступающим в трибунал. Он также мог производить дополнительные уточняющие следственные действия. Положение предоставляло ревтрибуналам право допускать защиту и обвинение, допрашивать или не допрашивать свидетелей и т. д. (ст. 19).

Положение включало в себя статьи, регулирующие деятельность Кассационного трибунала, который получил право надзора за всеми

революционными трибуналами, в том числе военными и военно-железнодорожными. В Положении было отмечено, что Верховный революционный трибунал принимал к своему производству дела по определению ВЦИК¹¹².

В апреле 1920 г. был организован II всероссийский съезд председателей революционных трибуналов. Главной темой стало обсуждение декрета от 18 марта 1920 г. Так, отдельным вопросом в резолюции, изданной по итогам работы съезда, был вопрос об осуществлении трибуналом прав судебного контроля над деятельностью чрезвычайных комиссий. Основными средствами надзора были признаны: «право проверки в распорядительном заседании трибунала правильности направления дел в Трибунал по докладу следователя», «право проверки следственных действий ЧК как по поступившим уже в Трибунал, так и по находящимся еще в производстве делам, розыскные действия по которым уже закончены», «право посещения мест заключения и поверке закономерности содержания под стражей арестованных»¹¹³.

Также на съезде была принята резолюция по докладу Н.В. Крыленко об организации следственной комиссии при революционных трибуналах по новому закону и о процессуальной стороне судопроизводства. «...Институт следователей-докладчиков должен быть поставлен в Трибунале на особую высоту... Следователям-докладчикам должно быть вменено в обязанность правильность необходимости всех выводов обвинительного заключения. Само заключение должно обязательно заключать в себе: а) историю возникновения дела; б) изложение всех доказанных фактов, вменяемых в вину; в) точное определение удельного веса, содеянного каждым из подсудимых...; г) изложение смягчающих и отягчающих обстоятельств...; д) формулировку обвинения по пунктам...»¹¹⁴. Как видно из резолюции, большое внимание уделялось грамотному расследованию дела, стремлению объективно разобраться в нем, его

¹¹² СУ РСФСР. – 1920. Ст. 115.

¹¹³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 270. Л. 47 (об.), 48.

¹¹⁴ Там же. Л. 48(об.).

обстоятельствах.

Чрезвычайность и революционность прослеживается в принятой на съезде резолюции по вопросу о мерах наказаний, налагаемых трибуналом и порядке применения частичной амнистии. «Признать создание особого уголовного кодекса и шкалы наказаний по определенным категориям преступлений для дел, рассматриваемых в трибунале, принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания...»¹¹⁵. Нам представляется, что такая формулировка связана с началом советско-польской войны.

Анализируя статистические материалы о работе Вятского революционного трибунала и следственной комиссии при нем в 1919–1920 гг., можно увидеть, что основную массу дел составляли должностные правонарушения: в 1919 г. следственная комиссия при трибунале рассмотрела 596 дел, из них более 180 – должностные. Расследование должностного правонарушения – процесс более длительный, требующий всестороннего изучения материалов, неоднократных допросов подозреваемого, свидетелей, это объясняет долгое ведение следствия. По отчету за 1919 г. «следствие шло: до 2 недель – 201, до 2 месяцев – 197, более 2 месяцев – 198, осталось неоконченными к 1920 г. – 94»¹¹⁶ (См. Приложения 5-22). С лета 1919 г. по конец 1920 г. первое место среди распространенных преступлений, расследуемых ревтрибуналом Вятки, занимали дела о дезертирах: только «с 1 декабря 1919 года по 1 января 1920 года поступило в Трибунал 18 дел, из коих 2/3 дезертирских»¹¹⁷.

Как и в 1918 г., самым распространенным наказанием в 1919–1920 гг. было лишение свободы в Вятском рабочем исправительном доме с выполнением общественно-принудительных работ сроком до 5 лет. И все же эскалация Гражданской войны привела к ужесточению наказаний: показатель расстрельных приговоров вырос с одного случая в 1918 г. до 22 в 1919 г. Репрессивная политика

¹¹⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 270. Л. 49.

¹¹⁶ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 162а. Л. 28.

¹¹⁷ Там же. Л. 33.

ревтрибунала Вятки полностью зависела от ситуации в стране и в губернии в частности. В отчете, направленном в губернский отдел юстиции 14 июня 1920 г. за период с 1 января по 1 июня 1920 г., дано четкое объяснение по вопросу применения наказаний: «Из поступивших 229 дел было Трибуналом рассмотрено 198 дел, при чем число осужденных с содержанием их под стражей вылилось в 178 человек и применено условное наказание к 97 обвиняемым, число же оправданных дошло за этот период до 65 человек, 9 обвиняемым вынесено общественное порицание и 7 обвиняемых были присуждены к отрешению от должностей и др. наказаниям. Это значительное оправдание по делам и применение условного наказания объясняется тем, что с опубликованием отмены применения высшей меры наказания, меры репрессии Трибуналом стали применяться значительно мягче и слабее. С введением же военного положения в губернии стала применяться также высшая мера наказания, которая и была применена Трибуналом к осужденным, но приговоры остались еще не приведенными в исполнение в виду отсылки дел с кассационными жалобами в Кассационный Трибунал при ВЦИК»¹¹⁸.

Изучив дела за 1919–1920 гг., мы приходим к выводу, что главной задачей наказания являлась не столько суровость и желание ограничить свободу, сколько не допустить повторения правонарушения, особенно это касается должностных преступлений. К примеру, обращает на себя внимание то, что при всей бескомпромиссности борьбы с незаконным оборотом алкоголя наказания должностных лиц, привлекавшихся к ответственности, редко оказывались суровыми. Часто при назначении наказания в виде 1 – 2 лет лишения свободы осуждённые в течение ближайших месяцев подвергались амнистированию. При этом трибуналом в качестве смягчающего вину обстоятельства учитывалось социальное происхождение осуждённого. Довольно часто в отношении привлечённых к ответственности лиц выносился оправдательный, либо крайне мягкий приговор, даже в тех случаях, когда он сопровождался формулировкой о

¹¹⁸ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 162а. Л. 33, 33 (об.).

дискредитации советской власти и партии большевиков. В этой связи напрашивается вывод о том, что отношение ревтрибунала к нарушителям антиалкогольного законодательства было весьма либеральным ввиду того, что оказываемый профилактический эффект представлялся достаточным¹¹⁹.

Тезис о воспитательном характере наказания подтверждают и воспоминания Константина Андреевича Палкина, следователя-докладчика ревтрибунала с 1921 г., нередко выступающего в роли обвинителя на суде еще с конца 1919 г. Он вспоминает случай разбирательства в суде дела о командире взвода, который заставлял принимать присягу путем «целования ягодич». Будучи обвинителем по делу, К.А. Палкин пишет в своих воспоминаниях: «Обвинительный приговор бесспорно ожидал обвиняемого, но для применения высшей меры наказания оснований, конечно, не было. Но председатель трибунала т. Москвин, очевидно, решил «проучить» обвиняемого, чтобы рассмотрение дела надолго осталось у него в памяти. Когда председательствующий прочитал приговорить подвергнуть высшей мере наказания - расстрелять, напряжение присутствующих... достигло наивысшей точки. Я видел: обвиняемый побледнел, покачнулся... Председатель сделал паузу... очевидно довольный произведенным впечатлением, продолжал: «Но принимая во внимание... и расстрел уступил место немедленному отправлению на фронт»¹²⁰.

Многие осужденные, получив сроки в один или два года после выхода постановления ВЦИК от 6 ноября 1920 г. «Об амнистии к 3-й годовщине Октябрьской Революции», были освобождены. Амнистия применялась «только к лицам, не представляющим явной опасности для Советской республики и не может применена к приговоренным или обвиняемым в заговорах или участии в организованных вооруженных выступлениях против советской власти». Она предполагала достаточное большое сокращение сроков: осужденным,

¹¹⁹ Подробнее об этом: Позднякова А.С. Работа Вятского губернского революционного трибунала по обеспечению антиалкогольного законодательства в 1920 году (на примере дел о должностных преступлениях) // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях: сб. ст. и материалов всероссийской научной конференции (г. Пермь, 17 мая 2013 г.). Пермь, 2013. С. 171-175.

¹²⁰ Палкин К.А. О том, что запомнилось. С. 100-101. (машинопись)

получившим срок более 5 лет, срок был сокращен до 5 лет, остальным сроки были уменьшены на две трети или одну треть. Впрочем, частые амнистии были связаны, в том числе, и с переполненностью мест заключения. К примеру, Вятский исправительный рабочий дом был рассчитан в среднем на 1400 человек¹²¹. К ноябрю 1920 г. в нем находилось около 1600 человек¹²². В целях разгрузки мест заключения создавались распределительные комиссии (одним из членов был представитель от трибунала), главной целью которых являлся пересмотр дел и перевод осужденных из Вятского исправительного рабочего дома на общественно-принудительные работы без содержания под стражей¹²³. Точных данных о том, сколько человек в ноябре-декабре 1920 г. было амнистировано полностью, а сколько переведено на принудительные работы, к сожалению, не имеется. Но точно можно сказать, что число заключенных снизилось: по акту ревизии Рабоче-крестьянской инспекции от 27 декабря 1920 г. в Вятском исправительном доме содержалось 1140 осужденных¹²⁴.

Применение амнистии к некоторым осужденным вызвало среди заключенных Вятского исправительного рабочего дома бурное недовольство. В Вятский губернский исполком было подано следующее заявление: «Мы ниже подписавшиеся заключенные все как один человек выражаем свой глубоко продуманный протест, вызванный следующими неправильными действиями Губревтрибунала. Первое – освобождение трибуналом из заключения при Рабочем доме граждан Мохова, Крестьянинова, Бугреева и др., и второе – об отказе в освобождении несмотря на ходатайства, возбуждаемые Распредкомиссией и учреждениями о многих заключенных, ходящий на работу без конвоя, довольно продолжительное время, как например, Овечкин, Лихачев Федор, Столбов, Шатунов, Сидоров, Власов и другие»¹²⁵. Свое возмущение они объясняют тем, что «Мохов – ярый контрреволюционер, организатор восстания в

¹²¹ Дворак Д.Ф. Уголовно-исполнительная система Кировской области. История и современность. С. 254.

¹²² ГАКО, Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 272. Л. 5.

¹²³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 1(об.).

¹²⁴ ГАКО, Ф. Р-485. Оп. 5а. Д. 107. Л. 14.

¹²⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 475. Л. 64.

Нолинске...Крестьянинов – поп эксплуататор темной массы крестьянства», ревтрибунал, по их мнению, «освобождая попов, ярых контрреволюционеров, буржуев, крайне вредных и опасных элементов в настоящее тяжелое время, переживаемое Республикой, он оставляет лиц...сочувствующих советской власти»¹²⁶. К сожалению, обратившиеся в губисполком заключенные не указали, за какие преступления они отбывали сроки, что не дает нам возможность оценить данное обращение с правовой точки зрения.

Некоторые заключенные, к которым амнистия не была применена (в основном уголовники), объявляли голодовки¹²⁷. Отказывались от еды (ненадолго) и те, кто хотел тем самым ускорить следственное производство или добиться освобождения. Изучив материалы дел ревтрибунала Вятки по борьбе с контрреволюцией и должностными правонарушениями, можно определенно сказать, что в Вятке амнистия применялась буквально ко всем.

Выход циркуляра Кассационного трибунала от 16 октября 1920 года дал начало новому направлению в работе ревтрибуналов. Революционным трибуналам в губерниях предписывалось «считаясь с тем, что преступления и нарушения в продовольственной кампании приняли массовый характер, что возможно быстрое искоренение их является насущной потребностью политического момента», интенсивнее развить борьбу с преступлениями, тормозившими продовольственную кампанию¹²⁸. Уже в начале ноября 1920 г. в Вятке обсуждалась организация проведения выездных сессий совместно с губернским продовольственным комитетом¹²⁹.

Практика продовольственных заготовок показала массовые правонарушения со стороны представителей власти. Постановлением НКЮ от 26 февраля 1921 г. на рассмотрение трибуналов были переданы дела о превышении власти продовольственными агентами, о применении насильственных действий при выполнении продрозверстки, о преступной бесхозяйственности, имевшей

¹²⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 475. Л. 64.

¹²⁷ ГАКО, Ф. Р-484. Оп. 1. Д. 152. Л. 8, 19.

¹²⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 269. Л. 28.

¹²⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 378. Л. 195.

следствием порчу или гибель значительного числа заготовленных продуктов. Выездные сессии трибунала Вятки не только проводили судебные разбирательства по оконченным делам, но и на местах выявляли данных нарушителей еще с весны 1920 г. Будучи в Яранске в мае 1920 г. Арон Израилевич Рахлин, член трибунала, заявлял: «При Трибунале имеются ревизоры Рабоче-крестьянской инспекции и следователь ГубЧК, коим нужно направлять жалобы и претензии на должностные лица и учреждения, проявлявшие злоупотребления при проведении разверстки»¹³⁰.

В июле 1920 г. ревтрибуналом Вятки было рассмотрено дело по обвинению И.М. Зыкова, П.Ф. Попова, К.Ф. Гирдюка и А.И. Гурова, обвинявшихся в превышении власти и целом ряде противозаконных поступков, допущенных при выполнении хлебной разверстки. В феврале 1920 г. в пределах Малмыжского уезда работал экспедиционный отряд по проведению в жизнь хлебной разверстки под командой Зыкова. Экспедиция была послана потому, что крестьяне отдельных волостей после выполнения 30% хлебной разверстки от выполнения остальных 70% отказались, а потому для отчуждения хлеба у крестьян требовались экстраординарные меры.

За все время своей работы в Малмыжском уезде Зыков применял аресты, сажал арестованных в холодные амбары без одежды и обуви. При арестах Зыков совершенно не руководствовался имущественным положением (половина из арестованных совершенно не имели хлеба). Обо всех этих поступках обвиняемый до сведения руководства не доводил, а скрывал их.

Учитывая обстановку Гражданской войны, а именно тяжелый продовольственный кризис, революционный трибунал постановил подвергнуть И.М. Зыкова заключению в Вятский исправительный рабочий дом сроком на один год с применением общественных принудительных работ, лишив его права на все время Гражданской войны работы по продовольствию и занимать ответственные советские посты на все время после отбытия наказания. П.Ф. Попова, К.Ф.

¹³⁰ ГАРФ, Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 44. Л. 35.

Гирдюка и А.И. Гурова лишить права на один год работы по продовольствию, занимать ответственные посты и направить в распоряжение Вятского уездного военкомата для отправки их на Западный фронт¹³¹.

Проведение продовольственных сессий на местах обозначило новые трудности для революционных трибуналов, а именно: длительные командировки сотрудников в уезды при относительно небольшом кадровом составе (с января по июль 1921 г. – 2 члена трибунала, 2 следователя-докладчика), постоянное взаимодействие с губернскими и местными органами продовольствия, что также отнимало немало времени. Немного облегчается работа в ревтрибунале в связи с передачей дезертирских дел в народные суды в виду принятия декрета СНК «О борьбе с дезертирством» от 2 февраля 1921 г.

Постепенный переход к НЭПу не мог не сказаться на системе революционных трибуналов. Удаление фронтов Гражданской войны от Вятки, увеличение сети народных судов, кадровая стабильность основного состава привели к некоторому «успокоению» в делопроизводстве, да и в целом. В документах можно обнаружить появление систематических отчетов о деятельности трибунала. За период с 1 апреля по 1 июля 1921 г. в следственную комиссию поступило 148 дел, а судом революционного трибунала было рассмотрено 44 дела¹³². О внимании к работе ревтрибуналов говорит не только запрашиваемая отчетность, но и проводимые со стороны НКЮ ревизии, коих за 3 месяца были прислано две.

Переход к мирной жизни ставил под вопрос целесообразность существования разветвленной сети военных ревтрибуналов. Так, в Вятке параллельно существовал гражданский губернский ревтрибунал и военный – Вятский отдел окружного военно-революционного трибунала. С началом 1921 г. происходит трансформация системы революционных трибуналов. Циркуляр Президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г. указывал: «до получения нового положения об объединенных трибуналах... Коллегиям военных трибуналов полностью войти

¹³¹ Вятская правда. 1920. №63. С. 4.

¹³² ГАКО, Ф.Р-1322. Оп. 1. Д. 475. Л. 279-281.

в состав коллегий губревтрибуналов...» Объединенный трибунал должен был функционировать в составе четырех отделений: «1) Общеуголовного, сохраняющего высшую меру наказания в местностях военного положения; 2) военного — располагающего таковой всюду; 3) продовольственного — по делам о невыплате натуралога...; 4) выездного отделения на правах как общеуголовного, так и военного в зависимости от дел»¹³³.

Заключительным актом реформы системы трибуналов стало принятие ВЦИК 23 июня 1921 г. постановления «Об объединении всех революционных трибуналов Республики», по которому был учрежден единый орган надзора для всех трибуналов — Верховный трибунал ВЦИК, и сокращалось число военных трибуналов¹³⁴. Одним из дополнений к постановлению стал циркуляр № 53, в котором указывалось, что ЧК являются следственными органами ревтрибуналов. Вновь было указано, что в состав президиума трибунала входили председатель трибунала, председатель военного отделения и член местной ЧК¹³⁵.

Главной задачей нового положения была реорганизация губернских ревтрибуналов, которые учреждались в составе коллегии из 9 членов (ранее председатель и 2 члена), следственного отдела и секретариата. Ревтрибуналы должны были состоять из 4 отделений: основного, военного, налогового и выездного. Рассмотрением уголовных и политических дел занималось основное отделение, делами о злостных дезертирах, шпионаже, крупных контрреволюционных заговорах, хищениях с государственных складов — военное, о нарушении законов и постановлений о натуральном налоге, как плательщиками, так и должностными лицами — налоговое. Выездное отделение образовывало выездные сессии для разбора дел подсудных трибуналу за исключением дел, подсудных налоговому отделению. С 12 июля 1921 г. в Вятке

¹³³ Декреты Советской власти. Т. XVI. С. 385-387.

¹³⁴ СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

¹³⁵ Титов Ю.П. Система советских революционных трибуналов первые годы нэпа // Сборник научных трудов. Вопросы истории органов борьбы с преступностью. С. 115.

заработал объединенный ревтрибунал. Он состоял из 7 членов коллегии, председателя трибунала, заместителя и 7 следователей-докладчиков¹³⁶.

В мае 1921 г. из Москвы в Вятку был направлен циркуляр, в котором было указано о прекращении дел «о нарушениях разверстки и неплатежа чрезвычайного налога». Внимание чрезвычайных судебных органов должно было перейти на продналоговую кампанию: рассмотрение дел, связанных с неуплатой продналога и нарушениями в ходе данной кампании. Продовольственные сессии учреждались по циркуляру Верховного трибунала ВЦИК от 12 июля 1921 г., регламент проведения был утвержден 15 августа 1921 г. По нему ревтрибуналам и губисполкомам поручалось «образовать на местах губернии выездные налоговые сессии», оговаривался состав сессии — председатель назначался президиумом трибунала, 2 члена — один от уездного исполкома, второй — от уездного продовольственного комитета. Согласно Циркуляру предварительное следствие по данным делам производилось продовольственными органами, при поступлении таковых в Трибунал они оформлялись в течение 24 часов, затем в срочном порядке слушались в распорядительном заседании для вынесения постановления о слушании дела или обращении его к доследованию¹³⁷.

В дополнение 3 октября 1921 г. СНК была принята инструкция «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене и порядке возбуждения и направления дел об этих правонарушениях». В документе был указан перечень налоговых правонарушений, особо отмечено, что рассмотрению в ревтрибуналах подлежат дела о только массовом характере проступков, предъявлению к сдаче явно недоброкачественных продуктов, остальные же могут быть переданы на суд особой сессии нарсуда¹³⁸. Это было объяснимо тем, что характер правонарушений среди крестьян был довольно примитивен и не способствовал открытым крупным выступлениям против власти. Так, на собрании села Рождественского Нолинского уезда Вятской губернии

¹³⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 464. Л. 68.

¹³⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 453. Л. 1.

¹³⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 459. Л. 13.

Алексей Елин заявил, что «он платить продналог не будет и другим не велит...всех коммунистов паразитов надо передушить вместе с Лениным и Троцким»¹³⁹. Житель Орловского уезда Гаврила Зверев открыто вел в своей деревне пропаганду, говоря, что «нужно обязательно знать каждого коммуниста, которых мы обязательно уничтожим», призывал не идти на лесозаготовку, он, например, «никогда не пойдет на лесозаготовку, а лучше будет сидеть в тюрьме в Орлове»¹⁴⁰. Крестьянин постоянно рассказывал соседям, что хранит портреты царя и его жены и обязательно получит за это вознаграждение. К сожалению, оценить условия Орловского исправительного рабочего дома ему не удалось – ревтрибунал дал ему условный срок.

Как видно из примеров, крестьяне не спешили расставаться с плодами своего труда, искали способы не платить налог, не исполнять трудовые наряды, этим желанием пользовались должностные лица, предлагавшие за взятку «помочь». Секретарь Сочневского волисполкома Вятского уезда Гасников произвел сокращение пахотной и сенокосной земли у Федора Пономарева, за что и получил вознаграждение 2 пуда муки. Своим умышленным сокращением пашни он способствовал уклониться от обложения и уменьшил ставку Государственного налога на хлебопродукты и фураж¹⁴¹.

Помимо взяточничества распространенной разновидностью должностного преступления в сфере реализации продовольственной политики советской власти была халатность при проведении продналога в деревне. Члены Климковского волисполкома на своем собрании сами решили снять продналог с их волости из-за засухи, «не ведут никакой компании по проведению продналога», не поставили в известность уездное начальство и полностью сорвали план по своему району¹⁴². Член исполкома Бурданов был приговорен к расстрелу с заменой на 5 лет общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, уже в 1922 году был условно-досрочно отпущен.

¹³⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3627. Л. 2.

¹⁴⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3656. Л. 3.

¹⁴¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4329. Л. 3.

¹⁴² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4354. Л. 2.

Результативность продовольственных сессий губернского трибунала Вятки была отражена в статье «Вятской правды» за 21 октября 1921 г. Губернским продовольственным комитетом были зафиксированы данные по выполнению налога до отправления судебных сессий в уезды (до 14 сентября) и на 11 октября 1921 г.: рожь – 11195 пудов (на 11 октября – 86754 пудов), овес – 10683 пудов (180097 пудов), ячмень – 110 пудов (2380 пудов), масло семян 221 пуд (15439 пуда), крупный скот – 243 головы (1619 головы), шерсть – 400 пудов (1885 пудов), огородные овощи – 13 пудов (2197 пудов). Автор статьи констатировал, что «высылка выездных сессий трибунала дала хорошие результаты и те, кто думали увернуться от выполнения продналога, увидев ожидающую их кару пролетарского революционного возмездия, начали вносить налог самостоятельно»¹⁴³.

С осени 1921 г. губернский ревтрибунал Вятки начинает активно контролироваться со стороны Верховного трибунала ВЦИК. Одним из проявлений данного явления было регулярное отправление различных уточняющих инструкций и распоряжений. Как показала практика, ревтрибуналы зачастую применяли конфискацию имущества, что приводило к разорению крестьянских хозяйств. Для изменения ситуации 12 ноября 1921 г. Верховным трибуналом ВЦИК был издан циркуляр, в котором указывалось, что «конфискацию живого инвентаря применять исключительно в случае установления злостности неплательщика налога», повторялось, что необходимо принимать дела не все, а лишь в случаях «массового отказа неплательщиков, после применения органами наркомпрода мер административного воздействия, в случае повторного предъявления недоброкачественной продукции»¹⁴⁴. В Вятке была составлена собственная инструкция о порядке и случаях конфискации по текущему законодательству¹⁴⁵.

Циркуляром Верховного трибунала ВЦИК от 3 декабря 1921 г. ревтрибуналам было запрещено высылать неплательщиков из их

¹⁴³ Вятская правда. 1921. № 238. С. 2.

¹⁴⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 453. Л. 34.

¹⁴⁵ «Правила о порядке и случаях конфискации по судебным приговорам» (сводка действующего законодательства). Составитель – следователь-докладчик Палкин К.А. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 455. Л. 7-9.

местожительства. Данная мера наказания указывалась, как неприемлемая, поскольку главная цель наказания — исправление преступника и приучение его к трудовой деятельности¹⁴⁶. Более того, 26 декабря 1921 г. Верховный трибунал ВЦИК постановил всем трибуналам доносить обо всех случаях присуждения к высшей мере наказания.

Усиление контроля Верховного трибунала ВЦИК проявлялось в требовании постоянной отчетности. С августа по октябрь 1921 г. ревтрибунал Вятки рассмотрел в судебном заседании 78 дел с общим количеством осужденных в 238 человек. По видам преступлений дела распределились следующим образом: должностные преступления — 21 дело (25%); преступления против порядка управления (уклонение от государственных повинностей, нарушение декрета о продналоге) — 18 дел (20%), преступления против государственного строя — 18 дел (20%), остальные общеуголовного характера — 11 дел (15%) (отчетную ведомость за январь-май 1921 г. см. в Приложении 23).¹⁴⁷ Особое внимание уделялось правонарушениям в сфере хищения с государственных складов, дела по ним по постановлению СНК и ВЦИК от 1 июня 1921 г. рассматривались ревтрибуналами в упрощенном порядке¹⁴⁸. В отчете говорилось: «...дел о хищениях народного достояния в отчетный период рассмотрено 5, из них 2 дела о хищениях продовольственного фонда (муки) и 3 дела о хищениях имущества государственных учреждений»¹⁴⁹. Столь пристальное внимание правительства к таким делам объясняло и суровость наказаний: «по 2 делам — высшая мера наказания (расстрел) и по остальным делам долгосрочное лишение свободы (от 3-х до 5-ти лет)»¹⁵⁰.

Отдельной темой в отчете представлены дела о невыполнении продналога, где указано, что «полных сведений на 1 ноября не имеется, так как дела находятся на местах»¹⁵¹. По принадлежности к социальным слоям осужденные

¹⁴⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 453. Л. 26.

¹⁴⁷ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 178. Л. 317.

¹⁴⁸ СУ РСФСР 1921. №49. Ст. 262.

¹⁴⁹ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 178. Л.317.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

принадлежали: к крестьянам 160 человек (70%), к рабочим и ремесленникам — 27 (10%), к интеллигентам – 25 (10%). По различным видам наказания осужденные распределялись так: высшая мера наказания — 6 человек, лишение свободы до 1 года — 16 человек, до 2 лет — 44, до 3 — 36, до 5 – 30, условно — 72¹⁵². Такие отчеты были информативны, но недостаточно структурированы, и 7 сентября 1921 г. Верховный трибунал при ВЦИК выслал инструкцию о порядке ведения отчетности, которая впредь состояла из ведомостей по нескольким формам, представляемых из губерний каждый месяц. Первая форма давала сведения о движении дел в каждом отделении, вторая в форме таблицы – о личном составе осужденных и наложенных репрессиях, при этом подразделяя их по категориям преступлений (против государственного строя РСФСР, против установленного порядка управления, военные преступления, должностные, общеуголовные)¹⁵³.

Отчеты в данном формате появились в Вятке с января 1922 г. Каждые две недели в Верховный трибунал ВЦИК уходили ведомости с показателями по двум важным направлениям работы трибунала – хищения с государственных складов и нарушения в ходе продналоговой кампании. Помимо двухнедельных ведомостей в Москву отправлялись отчеты по данной тематике и за длительные периоды. В архиве ревтрибунала сохранились два отчета по делам о хищениях с государственных складов: один за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г., второй – с 1 апреля 1922 г. по 1 октября 1922 г. За отчетный год (с октября 1921 по октябрь 1922 г.) рассмотрению в судебных заседаниях подлежали 40 дел, из них по 21 делу предметом хищения служил продовольственный фонд, по 18 делам – товарообменный, по одному – товаро-продовольственный фонд¹⁵⁴. В отличие от двухнедельных ведомостей в данных отчетах давалось краткое описание дел и указывались наиболее важные из них.

Одним из характерных случаев являлось дело о хищении мяса и соли из Верхошижемской районной продовольственной конторы. Суть дела заключалась в

¹⁵² ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 178. Л. 319.

¹⁵³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 453. Л. 6, 6 (об.).

¹⁵⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 647. Л. 87, Л. 167.

том, что Орловской уездной рабоче-крестьянской инспекцией осенью 1921 г. был составлен акт о порче мяса в Верхошижемской Райпродконторе, которая явилась результатом хищения соли и плохой засолки мясных продуктов. Следствием было установлено, что заведующий засолкой мяса данной конторы А.Б. Стародубов вследствие небрежного отношения к служебным обязанностям со стороны заведующего конторой М.Я. Богаева при засолке мяса и укладке его в бочки, похищал значительное количество соли, «экономя таковую на крепости засола»¹⁵⁵. При указанных операциях было похищено несколько сот пудов мяса, причем вес бочек восполнялся тем, что в бочки добавлялись кирпичи, различные мясные отбросы и т.д. По судебному решению трибунала Вятки от 29 декабря 1921 г. А.Б. Стародубов был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, М.Я. Богаев получил лишение свободы на один год. Также в отчетах после описаний дел обязательно указывался размер понесенного убытка, и удалось ли возратить утраченное.

Крайне редко в архивных материалах ревтрибунала Вятки можно встретить отчеты о выездных сессиях по разбору дел о преступлениях, связанных с нарушением закона о продовольственных и иных натуральных налогах. Об одной из первых таких сессий сохранил свои воспоминания в докладе член коллегии трибунала А.Н. Трапицын, командированный в г. Слободской 13 сентября 1921 г. Он вспоминает, что «первоначально для сессии никаких материалов не было, несмотря на то, что Губернский продовольственный комитет ссылался на большое скопление протоколов, говорящих о массовой неуплате продналога», впрочем, спустя 4 дня поступили несколько актов по Селезневской волости, которые требовали расследования на месте, поскольку в актах не было указано, какие лица персонально должны быть привлечены к ответственности. Хотя данные дела были подсудны народному суду, было решено рассмотреть их в сессии с целью «морально воздействовать на население волости судебными процессами и наложением судебных взысканий»¹⁵⁶. Цель действительно была достигнута –

¹⁵⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 647. Л. 87.

¹⁵⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 642. Л. 60.

«наступление налога увеличилось до такой степени, что не успевали принимать и ссыпать»¹⁵⁷. Совершенно по-другому обстояло дело в Вагинской волости, которая, по заключению члена коллегии ревтрибунала, была «совершенно не инструктирована в области проведения и выполнения налогов», в чем он обвиняет местный волисполком. Разъясняющие беседы среди должностных лиц об ответственности за халатность при проведении кампании, объединенные заседания волисполкома и сессии, и «работа Исполкома стала подниматься на должную высоту и поступление продналога пошло удовлетворительно»¹⁵⁸. По итогам всей сессии в Слободском уезде было осуждено 88 человек: 56 человек получили условное наказание, 11 – имущественное взыскание, 6 – имущественное взыскание в 2 кратном размере, 2 – лишение свободы сроком от 2 до 5, 1 – выговор, 12 – другие наказания. Большое количество условных приговоров подтверждает мысль члена коллегии трибунала о профилактическом характере сессии, желании «припугнуть» крестьян и, тем самым, стимулировать выполнение продналога самостоятельно. Исходя из доклада, можно отметить и еще одну не менее важную цель выездных сессий – изучение деятельности всех органов власти на местах и контроль над выполнением распоряжений центра.

Постоянно включаясь в расследование и судебное разбирательство дел, актуальных для безопасности власти, с выходом циркуляра Верховного трибунала ВЦИК от 21 февраля 1922 г., ревтрибуналам «ввиду чрезвычайной государственной важности для всего населения РСФСР своевременной заготовки, доставки и раздачи посевного материала» стали подсудны дела о преступлениях должностных лиц (небрежное хранение семян; задержка в доставке семян на места их сосредоточения; употребление семян на иные надобности; отсутствие надлежащей отчетности по приходу-расходу семян)¹⁵⁹.

Также ревтрибуналы с осени 1922 г. включились в кампанию по борьбе с взяточничеством: исходя из циркуляра НКЮ от 25 сентября 1922 г. «О мерах по

¹⁵⁷ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 642. Л. 60.

¹⁵⁸ Там же. Л. 64.

¹⁵⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 619. Л. 3

борьбе с взяточничеством» было предложено рассматривать данные дела в упрощенном порядке в скорейшем времени¹⁶⁰. Уже к концу октября 1922 г. в следственной части Вятского губернского революционного трибунала находились дела по обвинению во взяточничестве следующих лиц: народного судьи Зубарева, председателя особой сессий народных судей г. Нолинска Нелюбина, старшего милиционера Милотского и др.¹⁶¹.

Сохранив сквозь годы основную черту своей деятельности, – участие в борьбе с самыми важными проблемами в новом государстве, ревтрибунал Вятки, к сожалению «унаследовал» из прошлого и все старые проблемы. Одной из них являлись взаимоотношения с ГубЧК в части ведения делопроизводства. Напомним, что после принятия Декрета СНК от 18 марта 1920 г. все следственные функции были переданы ЧК, при ревтрибуналах утверждалась должность следователя-докладчика, которому было необходимо на распорядительном заседании утвердить дело к слушанию или отправить на доследование. Жалобы со стороны Вятского губернского ревтрибунала в адрес ГубЧК по вопросу оформления следственных дел отправлялись и ранее, которые, очевидно, были проигнорированы. В конце декабря 1921 г. таковая вновь была составлена Вятским губернским революционным трибуналом: «большинство дел не удовлетворяют тем требованиям, которые должны к ним предъявляться»¹⁶². Среди 16 пунктов были указаны и самые элементарные, но, к сожалению, не выполняемые ГубЧК: «дело должно быть пронумеровано», «весь материал...должен подшиваться в строго хронологическом порядке», «на протоколах должно отмечаться, в качестве кого допрашивается то или иное лицо»¹⁶³.

Упразднение ЧК и создание ГПУ никак не изменило ситуацию, в мае 1922 г. в Верховный трибунал ВЦИК была направлена записка, где вновь читаем: «орган

¹⁶⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 625. Л. 166.

¹⁶¹ Вятская правда. 1922. № 242. С. 3.

¹⁶² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 618. Л. 1.

¹⁶³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 625. Л. 1(об.).

ГПУ...направляет в Трибунал дела неоконченные следствием»¹⁶⁴. В данном обращении были подняты еще несколько проблем, имевших давние корни: «Трибунал вынужден направлять следователей-докладчиков в командировки, поручая несколько дел разных уездов, такие командировки бывают связаны с большой продолжительностью времени – месяца 2-3, что ставит трибунал с финансовой стороны в безвыходное положение»¹⁶⁵. Председатель трибунала Сулопаров предлагал «разбить штат следователей-докладчиков по уездам с тем, чтобы следователь проживал в уездном городе, ведая порученным ему районом»¹⁶⁶. Подобные проекты являлись еще одним свидетельством слабой работы следственных органов не только в губернском центре, но и на местах.

Собственно, усиление контроля в уездах за существующими органами правосудия и исполкомами не помешало бы. «Наиболее ярко бросающимся в глаза является тот факт, что на местах следствие ведется крайне одностороннее и пристрастно...Мало того в некоторых случаях сами обвиняемые не допрашивались...», – пишет член выездной сессии ревтрибунала П.Г. Фалалеев¹⁶⁷. Обращаясь в Вятский Губисполком, он резюмирует: «Следствие часто ведется неполно и неаккуратно. Трибунал превращается в низшую судебную инстанцию, разбирая все дела (имеется в виде мелкие, общеуголовные, не относимые к подсудности ревтрибунала), чем теряет свой авторитет и значение»¹⁶⁸.

Безалаберность в следственном производстве в 1919–1920 гг. еще могла быть объяснима Гражданской войной, но в условиях относительно мирной жизни такая ситуация была недопустимой. Тем более что в 1922 г. контроль со стороны Верховного трибунала ВЦИК еще более возрастает. Впервые за историю существования Вятского революционного трибунала в ответ на отправленный отчет о деятельности органа за вторую половину 1921 г., из Верховного трибунала ВЦИК приходит циркуляр с критическими замечаниями: «выяснилось, что

¹⁶⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 621. Л. 26.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 659. Л. 429.

¹⁶⁸ Там же. Л. 429 (об.).

некоторые цифры, показанные трибуналом в ведомости формы II, явно не соответствуют действительности»¹⁶⁹. В продолжение к циркуляру прилагалась дополнительная инструкция по заполнению отдельных граф таблицы.

Если данные замечания непосредственно не касались судебной деятельности трибунала, то со второй половины 1922 г. Верховный трибунал ВЦИК начинает активно проверять все приговоры и присылать свои поправки. Связано это было с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов и впредь каждое преступление подлежало классификации по УК. В соответствии с УПК революционным трибуналам были подсудны дела: «а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. ст. 57–73 и 119 Угол. Кодекса; б) о преступлениях против порядка управления, предусмотренных ст. ст. 74–78, 80; 2 ч. 81-й, 82–86, 91; 2 ч. 97 Угол. Кодекса», а также ряд статей из группы воинских преступлений, преступлений должностных, которые «имели особо тяжелые последствия» и «об особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях»¹⁷⁰.

Обвинительные акты и приговоры стали звучать несколько иначе, например: «Градобоев виновен в том, что 1 августа 1921 г. во время допроса его милиционером...в присутствии граждан высказал свои антисоветские взгляды...преступное деяние предусматривается ст. 73 УК, что 1 августа с.г. Градобоев избил 16-летнего мальчика...предусматривается ст. 67 УК...находясь под стражей...сбежал и подговаривал к побегу дезертира Вахрушева, предусматривается ст. 95 УК».

Как было сказано, все приговоры Вятского губернского революционного трибунала высылались в Верховный трибунал ВЦИК, который их просматривал и находил различные ошибки: неправильную квалификацию преступлений, назначение наказаний и пр. Например, «по делу за № 46 подсудимый Комвзвод 6 роты 602 полка Лузянин признан виновным по 12 и 3 ч. 85 ст. УК в виду обнаружения у него чистых бланков со штампом и печатью 6-ой роты 602 полка в

¹⁶⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 621. Л. 15.

¹⁷⁰ СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

то время, как он находился в кратковременном отпуске, из которого в срок не явился»¹⁷¹. Верховный трибунал ВЦИК разъяснял, «что обнаружение чистых бланков со штампами и печатями должностных лиц и учреждений у лиц, прежде находившихся на службе в государственных учреждениях и в свое время имевших право пользоваться обнаруженными у них документами на занимаемых в учреждениях должностях, или лиц, находящихся в отпуску или командировке, если эти бланки не должны были находиться у них по обязанностям службы, квалифицируется по аналогии (ст. 10 УК) по ст. 108 УК, составляя «упущения по службе», а обнаружение бланков у лиц прежде не имевших ими пользоваться квалифицируется по аналогии по ст. 92 УК, как похищение или сокрытие документов государственных учреждений»¹⁷².

Циркулярно отправлялись и такие разъяснения для губернских революционных трибуналов: «Побег военнослужащего с составлением для этой цели подложного документа составляет два преступных деяния: самовольную отлучку (ст. 205 УК) и подлог (ст. 116 или 85 или 189 УК)»¹⁷³. Конечно, такие юридические тонкости уже мало напоминают тезис о революционном правосознании в определении меры наказания в работе ревтрибуналов.

Изучение УК И УПК в Вятке проходило на занятиях в Кружке по изучению советского права, который был создан по инициативе работников трибунала в апреле 1922 г. Более того, следователи-докладчики составили алфавитно-предметный указатель к УК РСФСР, одобренный заведующим отделом юстиции И. П. Злобиным и напечатанный в 1000 экземпляров¹⁷⁴.

Изменения происходили не только извне, но и внутри самого трибунала Вятки. После объединения с военным трибуналом летом 1921 г. вся следственная часть губернского ревтрибунала представлена работниками с высшим юридическим образованием. Подтверждением высокой правовой подготовленности служат немногочисленные заключения по каким-либо

¹⁷¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 622. Л. 150.

¹⁷² Там же. Л. 150 (об.).

¹⁷³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 624. Л. 52.

¹⁷⁴ Палкин К.А. О том, что запомнилось. С. 143–145. (машинопись)

профессиональным вопросам. В качестве примера можно привести разъяснения следователя-докладчика К.А. Палкина. К нему с просьбой обратилась семья Чупраковых, у которых в качестве вещественного доказательства была конфискована лошадь. Оказалось, что младший брат занимался извозом и был нанят злоумышленниками для езды. Последние были задержаны при совершении кражи, а лошадь была конфискована ГубЧК как вещественное доказательство.

Следователь-докладчик обратился в ГубЧК с просьбой вернуть лошадь, объяснив свое намерение тем, что «хотя в современном законодательстве не имеется прямых указаний, что должно пониматься под вещественными доказательствами, но практикой это понятие определяется в достаточной мере...те предметы, которые сохранили следы преступления или служили орудием его учинения или на которые было направлено преступление, такие, которые могут служить средством к обнаружению преступления или к улике»¹⁷⁵.

Сокращение количества дел, относительная мирная и спокойная жизнь внесли изменения в сами заседания ревтрибунала. К.А. Палкин так вспоминает о распорядительных заседаниях: «На так называемых подготовительных заседаниях трибунала члены коллегии предъявляли к следователям-докладчикам серьезные требования, были даже придирчивы и если следователь не мог объяснить пусть самого незначительного обстоятельства, дело снималось с рассмотрения. Такие заседания проводились раз в неделю и были отличной проверкой работы следователей-докладчиков и, если хотите, экзаменом для них»¹⁷⁶.

Как видно, к концу 1922 г. революционный трибунал Вятки перестал быть чрезвычайным судебным органом, что было обосновано политикой государства (введение кодексов, строго регламентирующих ведение суда и следствия), отсутствием открытых масштабных выступлений против власти в регионе и кадровой ситуацией в самом ревтрибунале. Это и объясняло упразднение данных судебно-следственных органов в 1923 г.

Необходимо также отметить, что на протяжении всего периода работы

¹⁷⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 659. Л. 167.

¹⁷⁶ Палкин К.А. О том, что запомнилось. С. 124. (машинопись)

Вятского трибунала одним из неизменных направлений деятельности являлась борьба с общеуголовными преступлениями. Составляя большую половину дел в 1918 г., данная категория, конечно, сократилась до двух-трех десятков в 1919–1922 гг. К примеру, 21 июня 1920 г. в трибунале слушалось дело о воре-рецидивисте Уржумского уезда Масленникове, отбывавшем наказания до этого уже 6 раз. Он занимался вооруженным разбоем и грабежом, был приговорен к 3 годам строгой изоляции при Вятском исправительном рабочем доме¹⁷⁷. В 1921 г. трибунал Вятки рассмотрел дело о небольшой банде из 8 человек, ограбившей и убившей семью (5 человек) бывшего сотрудника ГубЧК Степана Хохрякова. Один из преступников был расстрелян, остальные получили по 5 лет общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме¹⁷⁸. Расследование и судебное разбирательство крупных общеуголовных преступлений в революционном трибунале Вятки с последующей публикацией таковых в периодической прессе, несомненно, помогало упрочнению власти большевиков в регионе.

Таким образом, проанализировав процессы создания, деятельности Вятского губернского ревтрибунала в течение 1918–1922 гг., можно сделать ряд выводов:

1) Изменения в системе революционных трибуналов производились постоянно. При этом четко видна зависимость данного чрезвычайного судебного органа от ситуации в стране: с обострением ситуации на фронтах Гражданской войны расширялась подсудность ревтрибунала (дезертирские дела, борьба с пьянством, переход на сторону врага), происходило увеличение его прав, упрощение порядка деятельности.

2) Говоря о показателях деятельности Вятского губернского трибунала, важно заметить, учитывая сложную социально-экономическую ситуацию и гражданскую войну, что высшая мера наказания применялась только в случаях злостного дезертирства, организации восстаний, бандитизма, тяжких

¹⁷⁷ Вятская правда. 1920. № 6. С. 3.

¹⁷⁸ Вятская правда. 1921. № 191. С. 2.

должностных преступлений.

3) В целом процессы, происходившие в губернском трибунале Вятки не отличались от общероссийских: это касается проведения в жизнь законодательных положений о данном чрезвычайном судебном органе, участия в борьбе именно с теми правонарушениями, которые дестабилизировали обстановку и в стране в целом, и в регионе. Впрочем, изменения в деятельности губернского трибунала Вятки, связанные с ежегодными поправками в законодательство об этих чрезвычайных судах, реализовывались с небольшими опозданиями в силу и «кадрового голода», и прифронтового расположения губернии.

4) Рассмотрев процесс следственного и судебного производства в революционном трибунале Вятки, можно увидеть сложную процессуальную схему ведения дела, которое зачастую велось, как было выяснено, более 2 месяцев, что дополнительно свидетельствует о том, что революционный трибунал, хотя и являлся чрезвычайным, но все же при этом оставался судебно-следственным органом.

§2. Характеристика кадров трибунала Вятки в 1918–1922 гг.

Одной из главных проблем, с которой столкнулось местное руководство, стал поиск кадров для работы в новом судебном органе. Поскольку революционные трибуналы организовывались для борьбы с контрреволюцией, в контексте психологии решительного разрыва с прошлым, атрибутом которого представлялась и прежняя правоохранительная система, соответственно, бывшие судьи для работы в них не привлекались. Свою роль сыграл и саботаж первых месяцев существования советской власти, в который активно включилась большая часть судейского корпуса страны. По указанным причинам Вятский губернский комитет РКП (б) и губисполком были заинтересованы в том, чтобы в данном суде работали ответственные, желательно партийные товарищи, разделяющие идеологию обновляемой государственности. В Вятке таковых было крайне немного, что обусловило кадровый «голод» в ревтрибунале, по крайней мере, до середины 1920 г. Те же сотрудники этого органа, кто активно поддерживал советскую власть в 1918–1919 гг. не имели юридического образования и опыта государственной службы.

Первым председателем революционного трибунала Вятки стал Г.И. Софронов. В течение первых месяцев следственную комиссию при этом чрезвычайном судебном органе возглавил Тимофей Тимофеевич Никифоров, следователями работали Василий Никитич Сидоркин, Иван Степанович Паршков, Михаил Осипович Иркин, Илья Александрович Рылов, Александр Степанович Тронин¹⁷⁹. В марте 1918 г. новым председателем ревтрибунала был избран 31-летний Михаил Михайлович Попов. Несмотря на молодой возраст, он являлся одним из самых видных советских работников того времени. До революции Михаил Михайлович не имел ни опыта государственной службы, ни управленческой деятельности, а работал землемером. С января по апрель 1918 г. М.М. Попов был председателем Вятского губисполкома, с августа по октябрь

¹⁷⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.

занимал должность руководителя губкома РКП (б)¹⁸⁰.

Совмещать несколько ведущих должностей в то время было крайне непросто, и уже в середине мая 1918 г. новым председателем стал Арон Израилевич Рахлин, юноша 19 лет. Он являлся представителем еврейской секции партии большевиков и был командирован из Москвы в Вятку. Несмотря на свой молодой возраст, новый председатель трибунала подошел к работе со знанием дела. Он издал инструкцию для следственной комиссии, где были еще раз изложены основные рекомендации по их работе, разъяснены основные категории дел, которые подсудны ревтрибуналу; именно он приводил в действие декрет от 4 мая, посвященный работе данных судебных органов. Под его руководством была создана коллегия обвинителей, укреплен состав следственной комиссии, которая пополнилась новыми членами, были составлены и отправлены в Москву первые отчеты о деятельности трибунала за год (к ноябрю 1918 г.), полностью налажена схема судопроизводства.

В следственной комиссии при трибунале с мая по август 1918 г. председательствовал Андрей Иванович Хренов, о котором, к сожалению, сведений не сохранилось, кроме того, что он был членом РКП(б). Его сменил Александр Федорович Аболин, направленный туда вместе с Иваном Ивановичем Кауке комитетом партии большевиков¹⁸¹. К октябрю-ноябрю 1918 г. утвердился состав работников комиссии. В нее входили: А.Ф. Аболин, Г.Я. Кипст, И.И. Кауке, А.П. Гринвальд, А.Д. Иост, Г.Д. Берзин, А.С. Запольский¹⁸². Нам известны сведения об их семейном положении: Рахлин, Аболин, Кауке, Кипст, Запольский, Иост были холостяками и только Берзин и Гринвальд – женаты¹⁸³, что косвенным образом указывает и на преобладающий отнюдь не преклонный возраст перечисленных выше сотрудников.

Информация о служащих трибунала в 1918 г. крайне скудна, порою

¹⁸⁰ Коробец А.С. Первые руководители Вятского Губкома РКП (б): штрихи к биографиям // Россия советская и современная: опыт прошлого в построении будущего. Материалы научно-теоретической конференции. С. 53, 54.

¹⁸¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.

¹⁸² Там же. Л. 65.

¹⁸³ Там же.

невозможно даже узнать полное имя работника. В анкете сотрудника того времени, которые стали составляться только во второй половине 1918 г., основным был вопрос о партийной принадлежности, что являлось, несомненно, важным показателем и условием для его работы в одном из важнейших судебных органов страны. Так, октябрьский состав Вятского губернского ревтрибунала был полностью партийным (в данном случае в расчет принимаются председатель трибунала, руководитель следственной комиссии и сотрудники последней).

Характерная деталь: за всю историю ревтрибунала Вятки следователями при нем работали исключительно мужчины. За одним редчайшим исключением. В августе 1918 г. Уральская областная чрезвычайная следственная комиссия прислала в Вятку для работы Фанни Соломоновну Приворотскую. Про нее нам известно, что в свое время она являлась членом московской организации коммунистической партии большевиков¹⁸⁴. Проработала Ф.С. Приворотская в Вятке около месяца – до конца сентября 1918 г. Сведений о ее дальнейшей судьбе в фондах Государственного архива Кировской области, к сожалению, не обнаружилось.

С конца 1918 г., в связи с началом Гражданской войны, началась мобилизация на фронт некоторых сотрудников трибунала. В декабре 1918 г. в действующую армию был призван председатель трибунала А.И. Рахлин, его сменил на этом посту 21-летний Иван Алексеевич Фарафонов, выходец из крестьян Вятской губернии. Биография последнего довольно типична для тех лет. В годы Первой мировой войны он был призван на службу в армию и отправлен на Юго-Западный фронт. В апреле 1917 г. вступил в ряды большевиков. В октябре 1917 г. – делегат съезда солдатских депутатов и член 5-го армейского Ревкома, образованного этим съездом. В январе 1918 г. Фарафонов вернулся в Вятку. В апреле 1918 г. на втором губернном съезде Советов Иван Алексеевич был избран членом Вятского губернского исполкома Советов и губернским комиссаром юстиции¹⁸⁵.

¹⁸⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 75.

¹⁸⁵ Палкин К.А. Комиссары юстиции // Советская юстиция. 1967. № 21. С. 18.

Конец 1918 г. был ознаменован большими кадровыми потерями в следственной комиссии Вятского губернского ревтрибунала. Так, 17 декабря 1918 г. председатель следственной комиссии ревтрибунала А.Ф. Аболин и 2 её члена И.И. Кауке и А.Д. Иост, как ответственные партийные работники, были направлены Латышской секцией РКП (б) в оккупированные противником области для агитации¹⁸⁶. Вслед за ними в конце января 1919 г. были командированы по «партийной линии» в Латвию следователи Г.Д. Берзин и А.П. Гринвальд¹⁸⁷. Председателем следственной комиссии в конце 1918 г. стал повышенный в должности 24-летний Герман Янович Кипст. Он состоял в партии с ноября 1917 г., с апреля 1918 г. работал в военном комиссариате Москвы, в августе 1918 г. «по мобилизации центрального комитета партии направлен в Вятку»¹⁸⁸. Именно Г.Я. Кипст оказался во главе следственного аппарата ревтрибунала в самый сложный в военном отношении для страны в целом и Вятской губернии в частности период, с конца 1918 г. по ноябрь 1919 г.

Одной из главных забот обоих председателей было восполнение кадровых потерь в следственной комиссии. В ее составе с января 1919 г. месяца началась «чехарда»: люди менялись буквально каждую неделю, что не могло не сказываться самым негативным образом на делопроизводстве и судебном рассмотрении дел. После ухода из трибунала Г.Д. Берзина и А.П. Гринвальда в комиссии «остро ощущается недостаток в работниках»¹⁸⁹. На замену ушедшим следователям в конце декабря 1918 г. на работу был принят Евгений Антонович Оше, который в предшествующий период – с 27 апреля по 1 декабря 1918 г. – работал агентом вятского бюро уголовного розыска. В начале февраля в качестве следователей были оформлены также Николай Григорьевич Глушков и Александр Григорьевич Бандурин. Но уже через неделю Н.Г. Глушкова по личной просьбе председателя Вятского губернского Военно-революционного комитета А. Г.

¹⁸⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

¹⁸⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 50,51.

¹⁸⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 81.

¹⁸⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 66.

Белобородова освободили от должности для отправки его на фронт¹⁹⁰.

Оба председателя, Кипст и Фарафонов, столкнулись также с массой хозяйственных проблем (нехваткой дров, отсутствием у работников теплой одежды, продовольствия). В Вятку с началом 1919 г. начали прибывать эвакуированные партийные работники с Урала, часть из них была направлена на работу в губернский трибунал. Так, уже 13 января 1919 г. на работу в качестве помощника секретаря был принят Николай Михайлович Рябов¹⁹¹. Спустя две недели на должность члена коллегии обвинителей был взят Николай Иванович Козлов, бывший председатель следственной комиссии революционного трибунала г. Перми¹⁹². Вскоре он стал председателем обвинительной коллегии.

К апрелю 1919 г. сформировался основной состав работников трибунала. Это были: председатель И.А. Фарафонов (22 года), его помощник Н.М. Рябов (30 лет), председатель следственной комиссии Г.Я. Кипст (24 года), его товарищ А. Г. Бандурин (27 лет), члены следственной комиссии Е.А. Оше (21 год), И.Я. Бауман (21 год) и А.С. Запольский (24 года)¹⁹³. Остальные 4 следователя-сотрудника менялись каждый месяц по распоряжениям губкома партии, который, то присылал их для работы в ревтрибунал, то отзывал.

С 1919 г. личные дела сотрудников в обязательном порядке содержали информацию об их возрасте, партийной принадлежности, семейном положении, работе и положении до революции. Как видно из сведений, указанных ранее, возраст работника губернского трибунала в первой половине 1919 г., как правило, не превышал 30 лет. Большая половина из них не были женаты, в том числе и оба председателя (следственной комиссии и ревтрибунала) – Г.Я. Кипст и И.А. Фарафонов. Особый интерес для нас представляют материалы по уровню образования членов ревтрибунала: высшее образование было только у председателя коллегии обвинителей – Н.М. Козлова, Г.Я. Кипст, Е.А. Оше, И.Я. Бауман имели среднее, И.А. Фарафонов, А.Г. Бандурин, А.С. Запольский –

¹⁹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 89.

¹⁹¹ Там же. Л. 39.

¹⁹² Там же. Л. 56.

¹⁹³ Там же. Л. 120.

начальное¹⁹⁴.

Тем временем кадровая «чехарда» продолжалась. На заседании отдела юстиции Вятского губисполкома от 25 апреля 1919 г. новыми членами губернского ревтрибунала были утверждены Николай Павлович Сушков и Роберт Криштьянович Лепсис, бывшие работники Вятской губЧК¹⁹⁵. Через несколько дней И.А. Фарафонов, председатель трибунала, написал заявление о добровольном желании уйти на фронт, которое было удовлетворено, а Н.П. Сушкову было поручено принять все дела от Ивана Алексеевича¹⁹⁶. Помимо Н.П. Сушкова (вскоре был избран председателем) в трибунал в апреле – июне 1919 г. входили Роберт Криштьянович Лепсис, Григорий Федорович Москвин, Зиновий Борисович Кацнельсон, Григорий Маркович Приворотский¹⁹⁷.

Следственная комиссия в середине 1919 г. не претерпела серьезных изменений. За весь период 1918–1919 гг. именно этот летний состав оказался самым солидным в возрастном отношении (диаграмма по возрастному показателю среди работников трибунала представлена в Приложении 3): председателю Н.П. Сушкову было 32 года, Г.Ф. Москвину – 33 года, Г.М. Приворотскому – 30, самым молодым являлся Р.К. Лепсис, которому исполнилось 23 года, при этом он выступал среди прочих самым опытным работником. Его послужной список выглядел следующим образом: с декабря 1917 по май 1918 г. – член следственной комиссии Омского ревтрибунала, с мая по июль 1918 г. – член следственной комиссии Ялуторовского трибунала, с июля по декабрь 1918 — секретарь Пермской ГубЧК, с января по апрель — член Вятской ГубЧК¹⁹⁸. Ввиду того, что оба они имели опыт чекистской работы ими в короткое время было налажено взаимопонимание и тесное взаимодействие, столь необходимое для осуществления данными ведомствами качественного следственного производства.

Позитивную роль в этом сыграл и переход на работу из ЧК в ревтрибунал

¹⁹⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 211. Л. 18(об.).

¹⁹⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 146.

¹⁹⁶ Там же. Л. 155.

¹⁹⁷ Там же. Л. 179 (об.).

¹⁹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 10.

Григория Марковича Приворотского. Думается, он был интересной личностью: с 1913 г. состоял в киевской организации большевиков, в период с 1914 по октябрьскую революцию отбывал ссылку в Тобольской губернии. В конце 1917 г. Григорий Маркович вернулся на родину и работал в Гомельском исполкоме. После эвакуации из Украины работал в Московском революционном трибунале. По настоянию партии, как ответственный работник, был отправлен на Урал и возглавил Следственную комиссию Уральской Областной ЧК. По эвакуации Перми Приворотский приехал в Вятку и до апреля 1919 г. участвовал в деятельности Вятской ГубЧК, причем, цитируя его анкету, «с уральской местностью ничем не связан»¹⁹⁹. В июле 1919 г. эвакуированные отправлялись домой на Урал, он же уехал на несколько месяцев на Южный фронт²⁰⁰. Впрочем, в Вятку он вернулся в конце 1919 г. как руководитель ГубЧК²⁰¹.

В связи с восстановлением советской власти в Пермской губернии к лету 1919 г., часть сотрудников ревтрибунала была направлена губкомом РКП(б) на Урал. Вятку покинули Н.П. Сушков, З.Б. Кацнельсон, Н.М. Рябов, следователи А.Г. Бандурин, Вотинцев, Миков²⁰². В сентябре 1919 г. в Сибирь отбыл Р. К. Лепсис (руководил трибуналом с конца июля по конец сентября 1919 г.). Он передал свою должность Григорию Федоровичу Москвину²⁰³.

Осенью 1919 г. произошли изменения и в составе следственной комиссии. В середине октября 1919 г. один из старейших ее сотрудников Г.Я. Кипст был мобилизован в ряды Красной армии²⁰⁴. Его обязанности временно стал исполнять Евгений Антонович Оше. Положение в комиссии после ухода Германа Яновича было крайне тяжелым. Об этом свидетельствует отказ на прошение А.С. Запольского отправить его на фронт: «...в комиссии осталось два члена... у

¹⁹⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 3 (об.), 4.

²⁰⁰ Там же. Л. 338.

²⁰¹ Бакулин В.И., Вычугжанина (Позднякова) А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918–1922 гг. // Вестник ВятГГУ. 2011. № 2 (5). С. 93.

²⁰² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 261.

²⁰³ Москвин Григорий Федорович – крестьянин, 6 лет служил в лесничестве. В январе-феврале 1918 г. Был бухгалтером Слудского волостного совета Орловского уезда. В мае, июне, июле волостного земского отдела. В июле 1918 г. Работал народным судьей. С 16 июля 1918 г. Работал членом революционного трибунала г. Вятки. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 370.

²⁰⁴ Там же. Л. 261.

каждого следователя не менее 50 дел...»²⁰⁵. Вскоре же он был назначен председателем следственной комиссии²⁰⁶.

В декабре 1919 г. председателем трибунала был назначен Василий Иванович Балыбердин, членами – Семен Устинович Морозов и Николай Александрович Бабалов²⁰⁷. В составе следственной комиссии фигурировали Александр Степанович Запольских, Иван Яковлевич Бауман, Евгений Антонович Оше. В течение всего 1919 г. менялась заработная плата сотрудников ревтрибунала: в январе она составляла 750 рублей, в мае – 1430 рублей, к сентябрю достигла 2640 рублей²⁰⁸.

Новый 1920 год в работе губернского трибунала начался с кадровых проблем. Уже 17 января в Вятский губернский комитет РКП(б) была направлена записка, в которой положение следственной комиссии при трибунале было описано так: «...до мобилизации товарища Кипста комиссия состояла из четырех человек... Этот состав уже являлся ненормальным, ибо по штату Следственная комиссия Губернского трибунала должна состоять из Председателя, четырех членов, 7 сотрудников...на каждого следователя приходилось около 50 дел и больше. ...до мобилизации товарища Кипста в комиссии фактически работало только 3 человека, так как член комиссии Запольский находился в командировке, а когда мобилизовали председателя, то комиссия состояла из 2 работников. ...по инициативе Губисполкома был срочно командирован в Малмыжский уезд член комиссии тов. Оше. И только с 8 декабря работа в комиссии снова начала налаживаться. В комиссии в настоящее время насчитывается около 100 дел, из которых часть требует срочной командировки следователя...более того тов. Запольский одновременно с работой в комиссии является заведующим юридическим отделом в Губчрезкоме.

...комиссия настаивает перед Губернским комитетом партии принять все зависящее от него меры к пополнению в комиссии тремя или двумя партийными

²⁰⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 263.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. Л. 372.

²⁰⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 211. Л. 15, 38, 53.

товарищами»²⁰⁹.

Меры были приняты: на работу в трибунал уже в январе взяты Аким Кондратьевич Новоселов (как член самого трибунала) и Яков Филиппович Коровкин в качестве сотрудника следственной комиссии²¹⁰. В самом трибунале оставались работать председатель В.И. Балыбердин, его заместитель Н.А. Бабалов, С.У. Морозов, Д.А. Авакумов (как запасной член для выездных сессий). Но и этого состава было недостаточно для организации работы, поскольку, во-первых, еженедельно трибунал отправлял в командировку в уезды одного или двоих сотрудников, во-вторых, следователи были перегружены не только своими делами, но и делами, поступавшими из чрезвычайных комиссий.

После выхода декрета ВЦИК «О революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г. работа в революционном трибунале была полностью реорганизована: в ГубЧК на должность заместителя председателя уходит Евгений Антонович Оше, прослуживший здесь с декабря 1918 г., следственная комиссия сдает дела в другие следственные учреждения. Председателем трибунала становится Александр Степанович Запольский, одновременно с этим работая в должности заведующего юридическим отделом ГубЧК. Он, 26-летний коммунист, холостой, выходец из рабочих, с февраля по июль 1918 г. являлся председателем Слободского уездного Совета, с октября 1918 г. состоял в следственной комиссии при ревтрибунале, с конца 1919 г., совмещал две должности, ни разу за 1918–1920 гг. не уходя в отпуск.

Весной и летом 1920 г. при революционном трибунале в качестве членов такового работали А.К. Новоселов, И.П. Деришев, В.И. Балыбердин (проработал только первую половину месяца), которого сменил вернувшийся с фронта А.И. Рахлин, параллельно состоявший членом коллегии ГубЧК²¹¹. Единственным следователем-докладчиком при ревтрибунале работал 22-летний Иван Яковлевич Бауман, которому, судя по тому, что он уже второй месяц получал доплату за

²⁰⁹ ГАКО, Ф. Р-1322, Оп. 1, Д. 330, Л. 1.

²¹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322, Оп. 1, Д. 366, Л. 1(об.).

²¹¹ Арон Израилевич был председателем трибунала Вятки с мая по декабрь 1918 г.

сверхурочные работы, приходилось крайне нелегко²¹². Биография молодого коммуниста была довольно типичной для того времени: учащийся в Петрограде до революции октября 1917 г., с декабря 1917 г. по март 1918 г. – работник комитета по продовольствию, с апреля по август 1918 г. состоял в продовольственной управе 1-го Коломенского подрайона Петрограда, с августа по сентябрь 1918 г. – в Бюро статистики²¹³. В конце 1918 г. по указанию РКП (б) Иван Яковлевич был командирован в Вятку, после ухода из трибунала в конце 1920 г. служил в ГубЧК, в 1921 г. отправлен для работ в Москву. Также с апреля 1920 г. к службе в трибунале Вятки по партийной линии был привлечен тов. Бирзгал²¹⁴. Арон Израилевич Рахлин ненадолго остался в Вятке: 5 июня он был откомандирован на Польский фронт²¹⁵. Только в сентябре 1920 г. следователями-докладчиками в помощь были взяты члены РКП (б) Владимир Сергеевич Курбановский (29 лет, начальное образование) и Николай Степанович Запольских (24 года, 3 классное училище)²¹⁶.

Осенью 1920 г. происходит отток кадров из трибунала Вятки в ГубЧК: на должность председателя уходит один из старейших работников – А. С. Запольский. В своем письме в Верховный трибунал при ВЦИК он указывал, что «устал два года работать в одном заведении, это скверно отражается на психологическом состоянии... в Вятке оставаться не могу», просил перевести его на Западный фронт или в Москву²¹⁷. Вместе с тем, недостаток местных ответственных работников не позволил удовлетворить данное ходатайство и Александр Степанович остался в Вятке. Вслед за ним в Юридическую часть ГубЧК ушли Бирзгал и Бауман. По представлению губкома РКП (б) главой ревтрибунала в ноябре 1920 г. на заседании Губисполкома был избран 26-летний Иван Петрович Злобин. Он бывший конторщик на шубно-овчинном заводе, имеющий 2 класса образования, с января 1918 г. по 30 ноября 1919 г. – член

²¹² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 380. Л. 62.

²¹³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 117 (об.).

²¹⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 380. Л. 56.

²¹⁵ Там же. Л. 58.

²¹⁶ Там же. Л. 98.

²¹⁷ ГАРФ, Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 44. Л. 31.

Губисполкома, работавший в губернском финансовом отделе, отделе управления губернией, военном ревтрибунале, губернском комитете труда, губернском совете народного хозяйства, отделении Народного комиссариата государственного контроля²¹⁸.

В январе 1921 г. на заседании губисполкома был утвержден обновленный состав членов трибунала: ими стали Н.А. Бабалов, А.П. Кулигин, запасными (для выездных сессий) – И.А. Фарафонов²¹⁹, П.Г. Фалалеев, Д.А. Авакумов, А.Г. Кузовников, Ростовцев, Компалов²²⁰. Штат следователей-докладчиков остался без изменений. В таком составе ревтрибунал Вятки функционировал до лета 1921 г. Значительные изменения в кадровом вопросе были связаны с принятием декрета ВЦИК от 23 июня 1921 г., по которому сокращению подлежали многие военные трибуналы. Так, Вятский отдел окружного военно-революционного трибунала (ПРИУРВО) 12 июля 1921 г. был ликвидирован и с этого времени в губернии заработал объединенный ревтрибунал. Он состоял из 7 членов коллегии, председателя, заместителя и 7 следователей-докладчиков.

На основании вышеупомянутого декрета ВЦИК ревтрибуналы должны были состоять из 4 отделений: основного, военного, налогового и выездного. На заседании губисполкома от 16 августа 1921 г. председателем трибунала был вновь утвержден Иван Петрович Злобин (26 лет), заместителем военного отделения – Иван Алексеевич Фарафонов (25 лет), продовольственного (налогового) – Дорофей Иванович Карманов (24 года), выездного – Николай Александрович Бабалов (33 года), общеуголовного – Аким Кондратьевич Новоселов (35 лет); запасными членами – Вячеслав Ефимович Арбузов (30 лет), Степан Иванович Ремизов (25 лет), Никита Степанович Запольских (25 лет), Василий Григорьевич Абашеев (35 лет), Георгий Михайлович Соколов (27 лет), Анатолий Николаевич Трапицын (24 года).²²¹

После слияния двух губернских трибуналов Вятки все военные следователи

²¹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 553. Л. 5.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 68. Л. 24 (об.).

²²¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп.1. Д. 551. Л. 53.

вошли в объединенный судебно-следственный орган в качестве следователей-докладчиков. Ими были бывшие офицеры с высшим юридическим образованием: Иван Михайлович Коханович (38 лет), Константин Алексеевич Палкин (28 лет), Анатолий Александрович Малевинский (29 лет), Александр Николаевич Сильвинский (28 лет), Владимир Иванович Николаев (34 лет) и Всеволод Григорьевич Луппов (30 лет)²²².

Этот состав чрезвычайного судебного органа практически без изменений работал до конца 1921 г. Интересным является тот факт, что именно с этого времени вся следственная часть революционного трибунала Вятки была с высшим юридическим образованием и беспартийная, а все члены самого суда – без образования, но члены РКП (б). Как нам представляется, такая ситуация не была бы возможной ранее (прием на работу бывших офицеров), и связана она с окончанием Гражданской войны, переходом к НЭПу и вследствие этого ослаблением роли трибуналов в судебной системе. Подобная ситуация сложилась и в губернском трибунале Пензы, где за все время существования ни один из членов трибунала вообще не имел высшего образования, а более половины следователей закончили юридические факультеты при университетах и были беспартийны²²³ (подробнее об уровне образования служащих ревтрибунала – см. Приложение 2).

В связи с переводом Ивана Петровича Злобина на должность заведующего губернским отделом юстиции в конце 1921 г. председателем трибунала был избран Иван Алексеевич Фарафонов, которого в апреле 1922 г. сменил бывший член коллегии ГубЧК, 25-летний коммунист – Михаил Кириллович Суслопаров²²⁴.

Постепенно со второй половины 1922 г., будто зная о скорой ликвидации чрезвычайного суда, кадровый состав трибунала «разваливается»: по линии губкома РКП (б) ушли А.Н. Трапицын и В.Е. Арбузов; В.Г. Абашеев, А.А.

²²² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 554, л. 4, 5.

²²³ Абрамов В.В. Кадровый состав Пензенского губернского революционного трибунала (1918–1922 гг.) // Актуальные проблемы исторической науки. Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 1. Пенза, 2003. С. 180–181.

²²⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 699, л. 7.

Малевинский и В.Г. Луппов были отозваны в губернский отдел юстиции, Д.И. Карманов и К.А. Палкин – в губернский народный суд, А.С. Запольских и Г.М. Соколов были отправлены в Пермский университет, остальные подали заявления по собственному желанию.

К сожалению, нам известно лишь о нескольких судьбах работников революционного трибунала Вятки. Иван Алексеевич Фарафонов в апреле 1922 г. был отправлен на Урал, где работал в советском и партийном аппарате, во время Великой Отечественной войны находился в рядах армии, умер в почетном возрасте в Омске. Намного больше сведений осталось о Константине Алексеевиче Палкине. Он в июле 1922 г. был назначен членом президиума Вятского Губернского Совета народных судей, в ноябре 1922 г. стал помощником прокурора, в 1926 г. – прокурором по гражданским делам. В 1930 г. стал работать юрисконсультom в Вятском Промысловокооперативном союзе, затем получил должность помощника Краевого прокурора. Помимо юридической работы Константину Алексеевичу довелось на протяжении всей жизни быть и педагогом, и лектором. Губернская школа младшего состава милиции, курсы повышения квалификации судебно-следственных и прокурорских работников, Кировская юридическая школа, Кировская областная партийная школа, педагогический институт им. Ленина – неполный список учреждений, где читал лекции К.А. Палкин. Он оставил заметный след в истории юстиции Вятского края, за всю свою жизнь написав 64 статьи и 8 рукописей. Прожив 92 года, Константин Алексеевич умер в 1984 г.

Таким образом, складывается облик работника (члена суда и следователя) революционного трибунала Вятки: это мужчина около 30 лет, холостой, крестьянского или рабочего происхождения, имеющий среднее или низшее образование и партийный стаж. В результате анализа кадрового состава ревтрибунала за эти годы складывается впечатление, что его сотрудники — люди-энтузиасты, молодые, работоспособные, старающиеся вникнуть в суть дела. Часть работников трибунала находилась в Вятке по направлению партии, а также была

эвакуирована с Урала и Сибири. Председатели трибунала (в больших случаях моложе 30-ти лет) начинали свой жизненный путь с рабочей или крестьянской доли, многие побывали на фронте в Первую мировую войну, где, возможно, они и познакомились с идеями большевизма (краткие биографические данные см. в Приложении 1). В последующем эти люди активно проявили себя в партийной работе.

Вопрос формирования состава ревтрибунала был одним из ключевых, дореволюционные «специалисты» к работе в классовом чрезвычайном суде не привлекались, поэтому почти сразу же его разрешение легло на плечи губкома РКП (б). Все председатели и практически все члены трибунала (суда) являлись коммунистами. Для многих из них служба в данном чрезвычайном судебном органе явилась своеобразной «школой» и помогла для дальнейшей работы в ГубЧК.

Несколько особняком стоят бывшие военные следователи, пришедшие на службу в трибунал Вятки во второй половине 1921 г.: беспартийные, бывшие офицеры с высшим образованием, опытом работы с 1918 г. они не пытались противопоставить себя коллективу или устроить саботаж и воспринимали работу в трибунале как новый юридический опыт. Впоследствии все они работали в органах юстиции.

Основными и неотъемлемыми кадровыми проблемами на протяжении всего существования трибунала Вятки являлись: нехватка юридически подготовленных работников, естественная текучесть кадров особенно в разгар Гражданской войны, недостаточная подготовленность канцелярских служащих.

§3. Взаимодействие губернского революционного трибунала Вятки с другими органами государственной власти

Кардинальное изменение политического строя после Октябрьской революции повлекло за собой преобразования на всех уровнях государственной власти. Все старые учреждения на местах, где был установлен большевистский режим, были ликвидированы и на смену им пришли новые структуры: Советы и их исполнительные комитеты (губисполкомы), губернские комитеты РКП (б) (губкомы), правоохранные и судебные органы (ревтрибуналы, ГубЧК, народные суды, милиция). В условиях Гражданской войны и сложной социально-экономической ситуации в стране от эффективности координации действий вышеперечисленных органов в огромной степени зависела политическая стабильность в регионе. Безусловно, одним из гарантов упрочнения местной власти, являлся революционный трибунал, как орган, созданный для борьбы с контрреволюцией и должностными злоупотреблениями.

Состав нового чрезвычайного органа был крайне важен для его грамотного функционирования и исполнения возложенных на него задач, поскольку ревтрибунал был классовым судом и в области вынесения наказаний руководствовался тезисом о революционном правосознании, именно поэтому его члены должны были быть приверженцами новой власти. Декрет СНК о суде и первые инструкции о ревтрибуналах указывали, что создание и кадровое обеспечение новых чрезвычайных судов возложены на Советы и их исполкомы: председатель и его заместители избирались Советом из числа его членов и утверждались губисполкомом.

На заседании Вятского городского совета РСД 13 января 1918 г. было принято решение о создании ревтрибунала Вятки, избран председатель, члены, следственная комиссия. Краткий срок полномочий председателя трибунала и его заместителей (3 месяца), установленный инструкцией от 19 декабря 1917 г., дополнительно ставил работу трибунала в зависимость от органов исполнительной власти. Так, 18 марта 1918 г. секретарь ревтрибунала сообщал в

Вятский Совет РСД о том, что необходимо избрать новый состав, ибо дела поступают, а он бездействует, так как старый состав, согласно Инструкции, не может их рассматривать²²⁵.

Откровенное административное давление губисполкома на ревтрибунал Вятки было продемонстрировано в расследовании дела о так называемом «Верховном Совете по управлению губернией» – органе, созданном 27 октября 1917 г. при Вятском губернском комиссаре Временного правительства с целью противодействия советской власти²²⁶. Следственное производство по этому делу было приостановлено неопытным и неуверенным в себе руководством трибунала, ожидавшим из Петрограда точных указаний о действиях в подобной ситуации. Такое поведение председателя чрезвычайного судебного органа вызвало недовольство у партийного и советского руководства г. Вятки, в результате чего новым председателем был избран М.М. Попов – видный региональный партийный деятель²²⁷. На состоявшемся 2 марта 1918 г. заседании трибунала был оглашен приговор – всех членов «Верховного Совета» лишили политических прав сроком на 1 год²²⁸.

С лета 1918 г. ввиду обострения политической обстановки, начала Гражданской войны и соответственно роста дел, подсудных трибуналу Вятки, в вопросы кадровой политики начинает активно вмешиваться губком РКП (б), посылая в таковой своих членов: к осени 1918 г. в чрезвычайном суде трудился абсолютно партийный состав. Уже с конца 1918 г. избрание новых членов ревтрибунала Вятки проходило так: сначала они подлежали утверждению в губкоме РКП (б), затем – на заседании губисполкома.

Вятский губернский революционный трибунал, как судебный орган, формально находился в подчинении губернского отдела юстиции, что открывало возможность последнему смело отправлять туда свои указания. Но так как губюст

²²⁵ Палкин К.А. К истории строительства. С. 39. (машинопись)

²²⁶ Бакулин В.И. Указ. соч. С. 93.

²²⁷ Коробец А.С. Социокультурный облик руководящих кадров Вятской губернии в конце 1917-1920 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2(5). С. 81.

²²⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 50(об).

входил в состав губисполкома, то трибунал Вятки отчитывался напрямую перед губисполкомом. Такая ситуация не могла устраивать отдел юстиции, который стремился сам подчинить себе данный чрезвычайный судебный орган.

В отчете председателя трибунала А.И. Рахлина осенью 1918 г. на совещании у губернского комиссара юстиции был поднят вопрос о создании коллегии обвинителей: было решено подобрать кандидатов и с этой целью обратиться в губисполком. Не понимая смысла обращения в губюст, А.И. Рахлин по вопросу об организации коллегии правозаступников ходатайствовал сразу же перед губисполкомом.

Небольшой конфликт возник между карательным отделом при губернском отделе юстиции и трибуналом в марте 1919 г. Рассмотрев в дело о злоупотреблениях бывшего начальника Вятского исправительного рабочего дома Изергина, ревтрибунал его оправдал, чем и вызвал недовольство со стороны карательного отдела – «к сожалению, все свелось к нулю»²²⁹. Обвинителем в судебном заседании выступал Н.И. Козлов, который, следуя из записки председателя трибунала Фарафонова в губернский отдел юстиции «скомпрометировал своим выступлением себя и трибунал», не сумев доказать вину подозреваемого²³⁰. Отдел юстиции на пересмотре дела не настоял, решив на будущее усилить коллегию обвинителей «своими людьми»: уже на следующий день в комитет РКП (б) была направлена телеграмма, где говорилось, что «в коллегии обвинителей нет ни одного ответственного работника (коммуниста), что недопустимо»²³¹. Однако все попытки направить такого не увенчались успехом: не было не только юридически подготовленных людей, но и «свободных» кадров вообще.

Заведующий отдела юстиции Н.С. Пятков, видимо, решив добиться замены руководства ревтрибунала Вятки, на пленуме исполкома 23 апреля 1919 г. обрисовал ситуацию в трибунале так: «...фактически в настоящее время Трибунал

²²⁹ ГАКО, Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 40. Л. 55.

²³⁰ Там же. Л. 58.

²³¹ Там же. Л. 66.

не существует, так как деятельность его, как такового, ничем не проявляется, самого председателя в Вятке нет, он работает в Слободском по эвакуации, не уведомив отдел юстиции, куда и зачем его командируют»²³². На заседании исполкома было решено реорганизовать трибунал, утвердить новый состав, где председателем был избран Н.П. Сушков, к слову, бывший заместитель Н.С. Пяткова.

Несмотря на смену составов взаимоотношения между данными двумя структурами так и не нормализовались. В докладе о деятельности губернского отдела юстиции от 21 марта 1922 г. эта тема была вновь обозначена: «...революционный трибунал, ссылаясь на судебный чрезвычайный порядок, не признает, что трибунал под контролем Губюста»²³³.

Полностью определяя кадровую политику ревтрибунала с конца 1918 г., губком партии пытался вмешаться и в судебный процесс трибунала Вятки по делам, где в роли обвиняемых выступали члены РКП (б). Официально такая практика осуждалась – В.И. Ленин в записках В.М. Молотову говорил о вредности освобождения арестованных под поручительство партии и предлагал усилить судебную ответственность коммунистов.

Формально каждый член партии подлежал ответственности и перед судом партии и ревтрибуналом. Так, после возбуждения дела о превышении власти ответственным секретарем Советского уездного комитета партии Петром Петровичем Кошкиным, таковой был исключен из партии, а затем предстал перед судом ревтрибунала. Приговор суда был относительно суров: ему было запрещено занимать ответственные должности в советских учреждениях, профессиональных, частно-правовых организациях без права выборности в течение 3 лет²³⁴.

Однако зачастую губком ограничивал работу трибунала в отношении данных правонарушителей. Самым распространенным проявлением этого были письма от членов РКП (б) с поручительствами об освобождении на поруки и с

²³² ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 56. Л. 116.

²³³ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 79. Л. 12 (об.), 13.

²³⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4211. Л. 54.

заверениями, что это ценный и незаменимый работник с отличной репутацией. Примером того является дело о тайном агенте ГубЧК, коммунисте Юнговском, признанном ревтрибуналом Вятки виновным в избиении арестованного и приговоренном к 10 годам общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме. Суровость наказания была определена временем совершения преступления (весна 1919 г. – разгар Гражданской войны) и формулировкой, что тот «дал повод врагам Советской власти распространять всевозможные слухи о Чрезкомиссиях»²³⁵. В деле остались многочисленные письма коммунистов с просьбой смягчить наказание, в том числе и прошение бывшего председателя Пермской и Уральской Областной ЧК Лукоянова. Уже через месяц после вынесения приговора Юнговский был отправлен на фронт.

Впрочем, досрочные освобождения коммунистов были, в том числе, связаны и с кадровый кризисом: любой преданный режиму сотрудник был отнюдь не лишним. К примеру, бывший народный судья Сарапульского уезда Климовских за пьянство был приговорен ревтрибуналом к 5 годам общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме, спустя месяц по амнистии отпущен на свободу, но с выполнением принудительных работ в течение года, а в качестве таковых его определили на должность помощника секретаря при этом же трибунале²³⁶.

Некоторые дела по обвинению коммунистов могли вообще не доходить до революционного трибунала Вятки, поскольку следствие вели также и органы ЧК. Более того, губком постоянно инициировал создание особых комиссий на каждое важное дело, куда входили, помимо членов партийного руководства, представители от ЧК, губисполкома и крайне редко ревтрибунала²³⁷. В дополнение в апреле 1920 г. была создана следственная комиссия «для рассмотрения некоторых дел по поручениям президиума Губкома»²³⁸.

²³⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1555. Л. 79.

²³⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1762. Л. 4.

²³⁷ Например, таковая была создана 22 мая 1920 г. для расследования дела о заведующем Нолинским Политбюро Ускиревом. ГАСПИКО, Ф. 1. Оп. 1. Д.172. Л. 69.

²³⁸ ГАСПИКО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 172. Л. 34.

Вмешательство со стороны губкома в любые следственные дела могло быть осуществлено уже после вынесения приговора и отбывания части срока как ходатайство о пересмотре дела и применении амнистии. На пленуме исполкома от 17 октября 1919 г. было рассмотрено заявление заключенного в Вятский исправительный рабочий дом члена РКП (б) Рудакова с просьбой об освобождении. Растратчик 37000 казенных рублей писал, что «понес наказание в течение полугода и имеет большую семью»²³⁹. Дело было отправлено в ревтрибунал на пересмотр.

Постановления властных структур были направлены не только на смягчение наказания, но и на ужесточение таковых. Председатель Уржумской ячейки РКП (б) Любимов оказался бывшим агентом царской охранки, чем, несомненно, дискредитировал советскую власть. К сожалению, подробностей данного судебно-следственного дела нет в архиве ревтрибунала, скорее всего оно было изъято ГубЧК. Революционный трибунал в конце июня 1920 г. вынес приговор о расстреле Любимова, но согласно законодательству осужденный составил и хотел отправить кассационную жалобу в Верховный трибунал при ВЦИК. Президиум губисполкома совместно с губкомом, воспользовавшись своим правом не пропускать кассационные жалобы по Постановлению ВЦИК от 22 мая 1920 г. «О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к высшей мере наказания...»²⁴⁰ постановили немедленно привести приговор в исполнение «в целях реабилитации партии»²⁴¹.

Диктат губкома РКП (б) по отношению к ревтрибуналу Вятки достиг своего апогея в 1922 г. и связан со смещением неугодного председателя чрезвычайного суда И.А. Фарафонова. Иван Алексеевич не согласился «замять» дело в отношении видных местных деятелей, руководителей строительства железной дороги Вятка-Слободской, которые премировали сами себя. По партийной линии Фарафонова обвинили «в голословной дискредитации губернского руководства»,

²³⁹ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 56. Л. 286.

²⁴⁰ Декреты Советской власти. Т. VIII. С. 223.

²⁴¹ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 64. Л. 26.

временный руководитель ГубЧК Е.А. Оше также выступил с предложением сменить председателя трибунала, что и было сделано²⁴².

Зависимость революционного трибунала от губернских органов власти проявлялась и в том, что с 1920 г. председатель чрезвычайного суда являлся членом исполкома и был обязан посещать все заседания такового, как и председатель ГубЧК, что было санкционировано и утверждено губкомом. Губисполком в иной степени проявлял себя в отношениях с ревтрибуналом: он старался не вмешиваться в судопроизводство как губком, а указывал приоритетные направления его работы. Так, в январе 1922 г. губисполком решил усилить работу по выполнению продналога в южных районах Слободского уезда путем отправления туда выездной сессии ревтрибунала, отдав при этом указание организационного характера – «сессия должна принимать дела исключительно в отношении злостных неплательщиков и кулаческих семейств...разобрать не более 15 дел»²⁴³.

Также губисполком привлекал руководство трибунала Вятки к составлению инструкции по борьбе с теми или иными преступлениями, хотя данный вид работы не входил в компетенцию судебно-следственного органа. Так, 16 марта 1921 г. председателю трибунала Злобину предлагалось «созвать временную комиссию в составе представителей Губкомдеза, Гублескома и Губкомтруда и разработать проект инструкции о способах борьбы с трудовым дезертирством на лесосплаве, о формах наказания за трудовое дезертирство»²⁴⁴. И все же главной функцией губисполкома во взаимоотношениях с ревтрибуналом Вятки являлась передача решений губкома. Именно на заседаниях губисполкома утверждался кадровый состав чрезвычайного судебного органа, заслушивались ходатайства по освобождению лиц, применению амнистии, ужесточению и смягчению наказаний по тем делам, которые интересовали губком РКП (б).

²⁴² Подробнее: Бакулин В.И. «Как в Вятской губернии в 1922 году боролись с коррупцией (из регионального опыта)» // Россия-XXI. 2011. № 6. С. 172-187.

²⁴³ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 83. Л. 5.

²⁴⁴ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 58. Л. 70.

Контроль над функционированием революционного трибунала Вятки осуществлялся и со стороны Кассационного трибунала ВЦИК. Он носил характер систематических отчетов (ведомостей о движении дел), отправок копий приговоров и запросов правового характера²⁴⁵.

Реальное и плодотворное взаимодействие правоохранительных и партийных структур могло быть реализовано только при четкой системе отчетности, где были бы исключены все споры о главенстве одного органа над другим. По законодательству, все судебные-следственные органы губернии не имели единого руководящего центра. Это и порождало разногласия по поводу верховенства. В реальной жизни схема подчинения правоохранительных органов была замкнута на губкоме и губисполкоме, поэтому каждый из них отправлял свои запросы и жалобы именно в эти структуры.

Смешение полномочий и следовавшие за этим споры были особо заметны во взаимоотношениях между ЧК и ревтрибуналом²⁴⁶. Обе структуры были созданы для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями. Зачастую случалось так, что возбужденное по конкретному факту дело рассматривалось и разрешалось трибуналом, после чего через некоторое время дело по тому же факту заводилось и в ЧК, что, очевидно, являлось следствием отсутствия четкого разграничения полномочий данных чрезвычайных органов.

Тема взаимоотношений ЧК и ревтрибуналов была затронута на Московской общегородской конференции РКП (б), проходившей 30 января 1919 г. Н.В. Крыленко выступил с критикой основного аргумента защитников ЧК, обвинявших ревтрибуналы в медлительности. Он указал, что «одни и те же дела разбирались ЧК и революционным Трибуналом одинаково быстро, с той только разницей, что революционные трибуналы успели за это время заслушать целый ряд свидетелей...»²⁴⁷. По мнению главного оппонента Н.В. Крыленко – Ф.Э.

²⁴⁵ ГАРФ, Ф. Р-1005, Оп. 67. Д. 15. Л. 2-30.

²⁴⁶ Портнов В.П. ВЧК 1917-1922 гг. С. 63-64.

²⁴⁷ Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 157.

Дзержинского, трибуналы занимаются «бумагомаранием»²⁴⁸. Он предлагал «соединить с нашими органами орган революционного Трибунала и такой экономией сил создать орган борьбы с контрреволюцией при ЧК, которые являются более решительными, чем Революционные трибуналы»²⁴⁹. По результатам данной конференции была принята резолюция, где указывалось, что «право вынесения каких-либо решений судебного характера должно быть изъято от Чрезвычайных Комиссий и передано Революционным Трибуналам», что и было произведено по постановлению ВЦИК от 17 февраля 1919 г. «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами» – из полномочий первой была выведена судебная функция, а ревтрибуналы получали право вынесения приговоров по всем делам, находящимся в производстве чрезвычайной комиссии²⁵⁰.

Таким образом, в 1919 г. в Вятской губернии работали два следственных аппарата, занимавшихся делами государственной важности. Однако после ухода работников-уральцев летом 1919 г. в кадровом отношении «обеднели» и те, и другие. Поэтому в Вятке появилась идея слияния двух органов. Председатель ГубЧК Г.М. Приворотский, сам проработавший в ревтрибунале около полугода, просил на заседании исполкома от 5 декабря 1919 г. «объединить Юридический отдел ЧК и следственную комиссию [при ревтрибунале], так как недостаток опытных следователей отражается на производительности и правильности работы ГубЧК, имеющиеся при следственной комиссии [трибунала] 2 следователя совершенно неправомочны решать вопрос о направлении дел. Таким образом, неработоспособны ни следственная комиссия, ни Юридический отдел»²⁵¹. Доводы председателя ГубЧК были настолько убедительны, что губисполком чуть было не решил одобрить данное предложение. Однако заведующий губернским отделом юстиции Васенев выступил категорически против данного слияния: «правосудие

²⁴⁸ Феликс Эдмундович Дзержинский – председатель ВЧК с 1917 по 1922 гг.

²⁴⁹ Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 158.

²⁵⁰ Там же. С. 161.

²⁵¹ ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 56. Л. 351 (об.).

трибунала сведется к нулю, уничтожится самостоятельность следственной комиссии и ревтрибунала, они встанут в зависимость от ЧК»²⁵². Данный вопрос было решено отложить до получения утверждения из центра, которое получено не было.

Чуть позже в начале 1920 г. такая же идея появилась у председателя революционного трибунала Вятки. Так, в материалах рабочей переписки председателя губернского ревтрибунала с сотрудниками следственной комиссии для устранения вредного параллелизма в работе чрезвычайных органов предлагается «создать один следственный аппарат, распространяющий свою деятельность на всю Губернию. Существующие до настоящего времени два следственных органа порождали массу недоразумений. Вышеуказанные явления...говорят за то, что необходимо изъять следственные функции от Губчрезкома, оставив последней функции розыска и предварительного дознания...или ограничить работу Следственной комиссии»²⁵³. Решением этой проблемы явился Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О Революционных Трибуналах», по которому следственные функции были полностью переданы чрезвычайным комиссиям²⁵⁴. По декрету за ревтрибуналом были закреплены следователи-докладчики для составления заключений по поступающим делам и проверки материалов следствия ЧК. Трибунал в исключительных случаях мог поручить им исследование дела без отправления такого в ЧК или Особые отделы. Впрочем, на практике такие исключительные случаи встречались довольно часто, что мало изменило процесс судопроизводства в ревтрибунале в 1920 г. и качественно не снизило нагрузку среди следователей.

Взаимодействие двух структур происходило и в кадровом вопросе. Григорий Маркович Приворотский, проработавший в трибунале до лета 1919 г., затем

²⁵² ГАКО, Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 56. Л. 368.

²⁵³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 329. Л. 46.

²⁵⁴ Ст. 8 Декрета гласит: «Предварительное расследование по делам, должностным...поступить на рассмотрение Трибунала, производится Чрезвычайными Комиссиями, Особыми Отделами и иными органами, коим принадлежит право направления дел в Трибуналы. В случае если дела, поступившие в Трибуналы, требуют дополнительного следствия, они передаются Трибуналом для исследования...в Чрезвычайные Комиссии, Особые Отделы, Транспортные Чрезвычайные Комиссии, Комиссии по борьбе с дезертирством, или в те органы, от коих данное дело поступило». СУ РСФСР, 1920, № 22 — 23, ст. 115.

ушедший на южный фронт, вернулся в Вятку в конце 1919 г., но уже в качестве председателя ГубЧК. Александр Степанович Запольский, служивший в трибунале с осени 1918 г., в конце 1920 г. покинул должность председателя революционного трибунала Вятки и занял таковую в ГубЧК.

Управление делами ревтрибунала было своеобразной школой для будущих председателей ГубЧК. Данный вывод подтверждается и тем фактом, что после ухода А.С. Запольского с должности председателя ГубЧК в июле 1921 г., президиум исполкома с согласия губкома на заседании решил «временно утвердить [в должности председателя ГубЧК] И.П. Злобина, освободив от должности председателя ревтрибунала». В кадровой политике губисполкома и губкома в отношении чрезвычайных органов приоритет, несомненно, был отдан ГубЧК, нежели ревтрибуналу. Многие следователи ревтрибунала Вятки были привлечены для работы в ГубЧК: одним из них являлся Евгений Антонович Оше, ушедший из трибунала в марте 1920 г. и ставший заместителем председателя ГубЧК.

Таким образом, революционный трибунал Вятки являлся зависимой структурой и от социально-экономической и политической обстановки в стране, и от действий местного руководства. Нечеткость в вопросах подчинения породила то, что свою отчетность трибунал отправлял и в губисполком, и в губернский отдел юстиции, и в Кассационный трибунал ВЦИК. Все эти органы могли влиять на функционирование такового, что в свою очередь зависело от конкретной ситуации в регионе и стране в целом. Формально трибунал должен быть подчиняться губернскому отделу юстиции, однако наибольшее давление на чрезвычайный суд в кадровом вопросе, иногда вмешиваясь в следственные дела (досрочное освобождение, поручительство), оказывал губком РКП (б), действуя не самостоятельно, а через губисполком. Впрочем, нами не было зафиксировано систематического вмешательства губкома РКП (б) в судебно-следственные дела чрезвычайного суда.

Наибольшие проблемы во взаимоотношениях возникали между

революционным трибуналом Вятки и ГубЧК, что объяснялось сходными целями и задачами данных органов. Однако тесного товарищеского сотрудничества между чрезвычайным судом и внесудебной структурой не получилось. Связано это, в том числе и с тем, что ГубЧК подчинялась ВЧК, а не местным органам, что всегда «возвышало» ее над другими судебными-следственными учреждениями. Более того, чекисты Вятки особенно в 1918–1919 гг. чаще всего не были связаны с Вятской губернией, что определяло и отсутствие личных контактов между сотрудниками двух органов. Лишь с конца 1919 г., когда часть работников ревтрибунала поступила на службу в ГубЧК, снижается количество жалоб трибунала по ведению следствия чекистами и даже появляются идеи о слиянии двух структур. Однако с введением НЭПа роль революционных трибуналов постепенно снижается, что приводит к сокращению взаимодействия между двумя органами.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА В 1918–1922 ГГ.

§1 Контрреволюционная тематика в работе Вятского губернского ревтрибунала

Когда в первой половине 1918 г. конфликт между приверженцами советской власти и защитниками старого режима приобрел характер Гражданской войны, стало понятно, что победа будет за теми силами, которые смогут создать жизнеспособную модель государства и подавить сопротивление противника. Образование новой судебной системы являлось одной из первоочередных задач советской власти, поскольку суд рассматривался большевистскими лидерами как орган классовой борьбы, изначально направленный против политических врагов режима. Исследователи 1920–1980-х гг. сходились на том, что ключевой задачей такового было «проведение борьбы с контрреволюционными элементами, организующими заговоры против Советской власти, саботирующими ее мероприятия»²⁵⁵. Соответственно главным инструментом борьбы с сопротивлением большевистскому режиму в губерниях рассматривались революционные трибуналы, создававшиеся, согласно Декрету СНК «О суде», именно как органы борьбы с контрреволюцией²⁵⁶. Данная трактовка деятельности ревтрибуналов позволила некоторым уже современным исследователям поставить эти чрезвычайные судебные органы в один ряд с ВЧК, обозначая их как проводников «красного террора» в годы установления советской власти и Гражданской войны²⁵⁷. Однако, необходимо понять, насколько такие представления могут быть обоснованными в отношении Вятского губернского революционного трибунала, и в чем в реальной жизни выражалась его борьба с контрреволюционными силами в губернии.

Еще на стадии своего начального становления ревтрибуналы уже столкнулись с необходимостью ответа на такие вопросы, как: какие преступления

²⁵⁵ Цит. по: Кожевников М.В. История советского суда: 1917–1956 гг. С. 42.

²⁵⁶ Декреты советской власти. Т. 1. С. 125.

²⁵⁷ См.: Колотков М.Б. Репрессивная правоприменительная деятельность Советской власти в 1917–1922 гг. (на материалах центрально-черноземного района). Курск. 2010.

считать контрреволюционными, насколько суровым или мягким должно быть наказание за такие правонарушения. Исследователь деятельности трибуналов в 1920-е гг. Я. Л. Берман подчеркивал «отсутствие точного определения того, что следует разуметь под преступной контрреволюционностью»²⁵⁸. Постановление Кассационного отдела ВЦИК от 6 ноября 1918 г. не указывало каких-либо точных признаков факта контрреволюции; к таковой были отнесены «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов, или отдельных советских учреждений»²⁵⁹. Четкое определение понятия «контрреволюция» было сформулировано лишь в ст. 58.1 УК РСФСР 1926 г.: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-крестьянских Советов... и Рабоче-крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.»²⁶⁰.

Нечеткость законодательства нередко приводила к «самодеятельности» на местах: сотрудники судебно-следственных органов на свое усмотрение определяли, является ли то или иное деяние контрреволюционным и как за него наказывать. К примеру, Смоленский ревтрибунал к разряду контрреволюционных преступлений относил дезертирство и злоупотребление властью²⁶¹.

В Вятской губернии контрреволюцией могли именоваться: принадлежность гражданина к старому строю (термин «контрреволюционный элемент»), агитация и пропаганда против власти, распространение провокационных слухов, непризнание советского правительства, участие в антибольшевистских восстаниях, митингах и мятежах, шпионаж. С началом Гражданской войны в эту группу дел стали входить преступления, связанные с взаимодействием местного

²⁵⁸ Берман Я.Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1(11). С. 59.

²⁵⁹ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁶⁰ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

²⁶¹ Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. С. 36.

населения с белогвардейцами. В связи с этим мы выделяем две большие группы контрреволюционных дел: противоправные деяния, связанные с «белым» движением, и преступления, независимые от вмешательства белогвардейцев.

Дела по обвинению в контрреволюции стали поступать в ревтрибунал Вятки практически с момента его открытия. К примеру, 18 января 1918 г. в следственной комиссии при трибунале было возбуждено дело о редакторе газеты «Кукарская жизнь» Н.В. Баранове, обвиняемом в непризнании власти Советов, чья позиция была отражена в заметках и статьях на страницах вышеупомянутой газеты. В судебном заседании от 14 февраля 1918 г. ревтрибунал постановил вынести В.Н. Баранову общественное порицание, лишить права выступления в общественных собраниях на полгода, права издавать, редактировать органы печати на год²⁶². В марте 1918 г. на расследование и суд трибунала Вятки поступило дело о крестьянине Вятского уезда Н.Н. Кузнецове, также обвиняемом в непризнании советской власти. В данном случае непризнание выразилось в высказывании «среди мужиков», что те «забыли Бога и бросили церковь», а большевики – «обиратели, грабители, острожники»²⁶³. Губернский трибунал 3 июля 1918 г. приговорил 64-летнего Кузнецова к одному году общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме с заменой данного наказания на штраф в размере 3000 рублей²⁶⁴. В 1992 г. Н.Н. Кузнецов был реабилитирован, как жертва политических репрессий.

Продовольственный кризис молодого государства вызвал необходимость к посылке летом 1918 г. в уезды губернии продовольственных отрядов, занимавшихся принудительной реквизицией хлеба. Вкупе с другими непопулярными мерами (наложение чрезвычайного налога, политика большевиков в отношении церкви) это являлось почвой для крестьянских волнений, которые в понятиях того времени руководством губернии были восприняты как контрреволюционные. Только в Глазовском уезде летом 1918 г.

²⁶² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 86. Л. 13.

²⁶³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 257. Л. 4.

²⁶⁴ Там же. Л. 25.

произошло около 80 выступлений²⁶⁵. Однако в судебной-следственной практике ревтрибунала Вятки данные происшествия не были отражены. Связано это было с тем, что в 1918 г. губернский трибунал Вятки занимался исключительно делами самого города Вятки и Вятского уезда, остальные уезды, как было указано ранее, имели свои местные трибуналы. К примеру, дело о вооруженном сопротивлении властям и красноармейцам крестьян Сердежской волости при реквизиции хлеба в деревне Шахайки Яранского уезда было заведено и расследовалось как контрреволюционное, в Яранской следственной комиссии. Следствие по данному делу было затянато в связи с большим числом пострадавших и свидетелей, в 1919 г. было передано в ревтрибунал Вятки, где по амнистии было прекращено²⁶⁶.

Продовольственная проблема Советского государства являлась причиной распространения различных слухов на данную тему, что могло способствовать формированию как панических, так и антисоветских настроений среди граждан и тем самым дестабилизировать ситуацию в губернии. Во избежание городских волнений любые спекуляции на продовольственную тему подлежали пресечению. Так, в середине июня 1918 г. в губернском трибунале Вятки было заведено дело о помощнике брандмейстера пожарной команды М.Ф. Смольникове, который среди сослуживцев говорил, что в Москве, Петрограде и Пскове население морят голодом, а весь хлеб запасают для немцев. Мещанин по социальному происхождению, уроженец Петрограда Смольников по заявлению сослуживцев к тому же «не признавал слова товарищ»²⁶⁷. Отнеся данное дело к контрреволюционным, Вятский ревтрибунал, тем не менее, 26 октября 1918 г. вынес достаточно мягкий приговор по делу – год общественно-принудительных работ условно. В этой же плоскости было возбуждено дело в отношении редакторов газеты «Вятский голос» Н.К. Морозова и Н.А. Кролюницкого, поместивших в издании статью «Практические перспективы продовольственного похода», в которой, по мнению губернского совета по снабжению, власть Советов

²⁶⁵ Вятский край с древности до наших дней. С. 224.

²⁶⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 557. Л. 34.

²⁶⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 427. Л. 37.

была совершенно скомпрометирована. По приговору трибунала от 22 июня 1918 г. газета была закрыта, Морозов и Кролюницкий получили штраф в размере 10000 рублей²⁶⁸.

Волна прокатившихся по Вятской губернии летом 1918 г. масштабных вооруженных выступлений (Ижевско-Воткинское восстание, Степановский мятеж, возмущения в Нолинске, Яранске) повлекла за собой усиление работы эвакуированной из Екатеринбурга в августе 1918 г. Уральской Областной ЧК, которая в большей мере, чем созданная в мае 1918 г. Вятская ГубЧК и революционный трибунал, занялась выявлением любых проявлений недовольства властью²⁶⁹. Поводом для возбуждения дел по обвинению в контрреволюции в ЧК служили доносы граждан и агентурные сведения. Именно из ЧК в ревтрибунал поступали на расследование и судебное разбирательство некоторые дела о недовольстве советской властью и распространении провокационных слухов. Это отразилось и на работе трибунала – с конца лета 1918 г. отмечается некоторое увеличение дел контрреволюционной тематики. В августе 1918 г. в следственную комиссию ревтрибунала Вятки из Уральской Областной ЧК поступило дело по обвинению жителя г. Слободской, доверенного лица общества «Мазут» И.С. Тихомирова в агитации против советской власти. Из материалов следствия выяснилось, что Тихомиров на палубе парохода собрал около себя толпу человек 30-50 и открыто критиковал политику большевиков – «арестовывают попов и купцов ни за что», «разоряют хозяев фабрик и рабочих», говоря о продовольственном кризисе, утверждал, что «было бы у нас старое правительство, был бы хлеб»²⁷⁰. Вятский губернский ревтрибунал в приговоре от 25 октября 1918 г. постановил осудить Тихомирова к одному году общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, однако, уже 17 ноября 1918 г. он был амнистирован²⁷¹.

Важно отметить, что, несмотря на вооруженные выступления на территории

²⁶⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 325. Л. 28.

²⁶⁹ В конце августа 1918 г. данные структуры были объединены.

²⁷⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 452. Л. 26.

²⁷¹ Там же. Л. 39-40.

губернии летом-осенью 1918 г. ужесточения наказаний, применяемых ревтрибуналов не произошло. Не повлияло на таковое и введение политики «красного террора» в сентябре 1918 г. – Вятский губернский революционный трибунал за всю осень 1918 г. не вынес ни одного смертного приговора²⁷². Более половины дел по обвинению в контрреволюции во второй половине 1918 г. трибуналом были вовсе прекращены.

Но все же, процессы, происходившие в губернии, несомненно, накладывали свой отпечаток на состав дел, расследуемых трибуналом. К концу лета 1918 г. со стороны Архангельска началось продвижение английских войск в направлении Котласа. Наступление белогвардейцев на севере губернии имело следствием появление нового типа дел в следственно-судебной практике Вятского трибунала – сотрудничество с белогвардейцами. Одним из первых дел в данной категории являлось дело крестьянина Архангельской губернии И.П. Поздеева, обвиняемого в том, что он «примкнул к белой гвардии»²⁷³. Свой поступок обвиняемый объяснил тем, что за службу у «белых» хорошо платили. По приговору ревтрибунала от 25 ноября 1918 г. Поздеев был отправлен на службу в Красную армию²⁷⁴.

В конце 1918 – начале 1919 гг. военные действия охватили восточные районы губернии. Войска под командованием А.В. Колчака заняли Глазовский, Сарапульский, Елабужский уезды, а также часть Уржумского, Малмыжского и Слободского уездов. После изгнания белогвардейских войск в судебно-следственной практике трибунала появляется целый «букет» дел о сотрудничестве с белогвардейцами. За 1918–1922 гг. в архиве трибунала имеются 187 подобных дел: за 1918 г. – 2 дела, за 1919 г. – 69, 1920 г. – 67, 1921 г. – 39, 1922 г. – 10. Данные дела неоднородны и имеют разный состав преступлений, поэтому было бы разумно попытаться классифицировать эти дела. При первом приближении к проблеме, можно выделить 4 категории: содействие белогвардейцам (материальное, моральное) без тяжких последствий для односельчан (расстрел,

²⁷² По данным анализа архивных дел ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1-597.

²⁷³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 385. Л. 24.

²⁷⁴ Там же.

избиение, расхищение имущества); содействие, сопровождаемое насильственными действиями; невыдача оправдательного приговора односельчанину; участие в военных действиях на стороне белогвардейцев.

Нами были вынесены в отдельную категорию преступления (всего 23 случая), связанные с содействием белогвардейцам (материальным или моральным) без тяжких последствий для односельчан, имея в виду в последнем случае расстрел, избиение, расхищение имущества. Приходя в деревню, «белые» искали помощи и поддержки, и, прежде всего, находили ее в лице ярых противников советской власти. Нередко это были те, кто ранее участвовал в антибольшевистских восстаниях. Крестьянин Глазовского уезда Дюкин в 1918 году выступал против власти Советов в Святогорской волости, укрывал двоих контрреволюционеров, а после прихода белогвардейцев старался активно им помочь: давал хлеб для солдат и лошадей, вел агитацию среди соседей²⁷⁵. Дюкин по приговору Вятского губернского революционного трибунала от 12 февраля 1920 г. получил один год общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме²⁷⁶. Житель Нолинского уезда крестьянин Небогатиков – участник восстания в Нолинске в августе 1918 г., за что был посажен в тюрьму, после отбытия наказания примкнул к белогвардейцам, которые к тому времени заняли его деревню, и активно агитировал население вступить в ряды «белых». По решению губернского трибунала Вятки 24 июня 1919 г. Небогатиков был отправлен в концлагерь до окончания Гражданской войны на Урале, впрочем, уже 13 октября 1919 г. он был амнистирован²⁷⁷.

Среди тех кто проходил по этой категории были и священнослужители. При занятии села Каби-Шикья Малмыжского уезда белогвардейцами священник Никольский, по утверждению жителей, постоянно находился при штабе «белых», помогал налаживать контакты с местным населением²⁷⁸. Священник села Вавож Попов на собрании жителей волости, устроенного для помощи народной армии,

²⁷⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 786. Л. 7.

²⁷⁶ Там же. Л. 34.

²⁷⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1141. Л. 18.

²⁷⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1145. Л. 26.

пожертвовал на содержание белогвардейцев 40 рублей, чем ускорил дальнейший сбор денег²⁷⁹. По амнистии оба дела трибуналом были прекращены.

Помощь белогвардейцам могла оказываться и путем предоставления им полезной военной информации. Житель Песковского завода Глазовского уезда, бывший артиллерист, Костылев, «сидя у себя дома с подпоручиком белых рассказывал последнему о прямой дороге на Холуницкий завод, сообщал о численности красных войск и орудий, находящихся в Омутнинском заводе»²⁸⁰. Сам Костылев, по мнению соседей, состоял с белогвардейцами в дружеских отношениях – «стояли у него на квартире, занимали его амбар под склад, раненых угощал молоком». За такую «помощь» ревтрибунал Вятки 11 ноября 1919 г. приговорил обвиняемого к пяти годам общественно-принудительных работ, но условно²⁸¹.

Встречались и курьезные случаи содействия белогвардейцам: были и те, кто под видом помощи наживался. Гражданин Мосунов из Уржумского уезда в 1918 г. продавал «белым» хлеб в Казань «целыми возами»²⁸². С сентября 1918 г. по август 1919 г., проживая в «царстве Колчака», также занимался продовольственными вопросами, вероятно, закупая хлеб у тех же крестьян, и продавая его белогвардейцам втридорога. В декабре 1920 г. в связи с амнистией дело в отношении Мосунова было прекращено²⁸³.

Контрреволюцией (содействием белым) считалось укрытие оставленным белогвардейцами вещей. Весной 1919 г. при эвакуации колчаковцев с территории Сарапульского уезда крестьянин Максим Яковлевич Кувалдин предоставил им амбар для 108 пар сапог. После занятия деревни «красными» он «об означенных вещах не заявил»²⁸⁴. Интересно, что об этом в Сарапульский уездный военкомат доложил сын Кувалдина, сторонник большевиков, записавшийся в ряды красноармейцев. Впрочем, дело было прекращено по амнистии.

²⁷⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1163. Л. 10.

²⁸⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 913. Л. 1в.

²⁸¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 912. Л. 1в.

²⁸² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2475. Л. 72.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2189. Л. 5.

Сотрудничество с «белыми» по принуждению могло быть не поставлено в вину подсудимого и закончиться вынесением оправдательного приговора в процессе судебного заседания. К примеру, житель Елабужского уезда Махначев по прибытии белых в деревню был избран сельским старостой, «при сем в должности таковой непосредственного участия в конфискации имущества не принимал», т.е. безучастно относился к происходящему, также «был взят белыми в подводы для раненых...добровольно вернулся на родину»²⁸⁵. Содействие белогвардейцам было оправдано и в случае угрозы: председатель комбеда Касаткин при взятии колчаковцами Малмыжского уезда «под угрозой расстрела указал белым направление, в котором уехала красноармейская разведка»; при этом они забрали у него лошадь и тарантас²⁸⁶.

В целом, дела о содействии белогвардейцам без тяжких последствий для односельчан или Красной армии были характерны для периода с конца 1918 г. до конца лета 1919 г., когда территория Вятской губернии была полностью освобождена от «белых».

В иную категорию нами были выделены расследования о содействии белогвардейцам, сопровождавшиеся насильственными действиями (84 случая). Данные дела обладают сходным составом преступления: крестьянин, обиженный местным руководством, по приходу белогвардейцев в свой край указывал им на семьи коммунистов и красноармейцев, рассказывая при этом о притеснениях с их стороны. Нередко это сопровождалось насильственными действиями в отношении советских работников — угрозами, избиением, расстрелом и разграблением имущества. Зачастую от такой «мести» страдали не сами коммунисты, а их жены и родители. В постсоветские годы при рассмотрении органами Прокуратуры России этих уголовных дел, лица, осуждённые за коллаборационизм с «белыми», при доказанности их вины материалами следствия, и если их действия повлекли за собой тяжкие последствия, как правило, реабилитации не подлежали (см. Приложение 4).

²⁸⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2404. Л. 4.

²⁸⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2190. Л. 5.

В сентябре 1918 г., когда колчаковцы заняли Малмыжский уезд, двое его жителей крестьяне Кудрявцев и Петров вступили в белогвардейский отряд и, будучи в нетрезвом виде, решили арестовать отца председателя Малмыжской ЧК. Дома последнего не оказалось; подумав, что жена может его укрывать, они ударили ее несколько раз прикладом винтовки. Выходя из дома, Кудрявцев и Петров встретили отца коммуниста и забрали его в штаб белых, откуда тот бежал. В 1919 г. дело по амнистии было прекращено²⁸⁷.

Крестьяне Глазовского уезда братья Кузовлевы указали белогвардейцам на А. П. Гостюхину, как на жену коммуниста, в результате чего «белые» избили ее до потери сознания, разграбили ее имущество. Николай Кузовлев «лично зарезал ее последнюю овцу, мясо отдал белогвардейским солдатам, а шкуру взял себе»²⁸⁸. По приговору трибунала от 11 ноября 1919 г. братья получили 10 лет общественно-принудительных работ каждый при Вятском исправительном рабочем доме, но уже 17 ноября 1919 г. по амнистии срок был сокращен до двух лет, а в ноябре 1920 г. они были освобождены²⁸⁹. В обоих случаях обвиняемые не были реабилитированы.

Особым цинизмом отличаются дела о выдаче приверженцев советской власти за деньги. Крестьянин Сям-Можгинской волости Малмыжского уезда 45-летний Иосиф Игнатьев 7 мая 1919 г. явился в штаб белых и сообщил, что «в доме его соседа скрываются 3 учителя-коммуниста», которые были сразу же расстреляны. Следствием было установлено и доказано, что за донос Игнатьев получил 250 рублей. Революционный трибунал Вятки 3 июня 1920 г. приговорил его к 5 годам общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, но уже 20 ноября 1920 г. по амнистии срок был сокращен до 1 года и 8 месяцев²⁹⁰.

Неизвестна мотивация 27-летней Анны Ивановны Максимовой, жительницы Сюмсинской волости Малмыжского уезда, указавшей «белым» на

²⁸⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 894. Л. 52.

²⁸⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 930. Л. 40.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2102. Л. 35.

семьи красноармейцев. Интересен и уникален тот факт, что она до осени 1919 г. ушла в Сибирь с белогвардейцами (обычно уходили мужчины); 20 ноября 1920 г. была осуждена на 3 года условно²⁹¹.

Некоторые жители Елабужского уезда во время присутствия «белых» в регионе также отличились жестокостью. Граждане Ажмяковы в сентябре 1918 г. задержали двух отступающих красноармейцев, «собрали сход жителей деревни Ново-Котляково и настояли на вынесении сходом решения о расстреле»²⁹². Передает атмосферу того времени и тот факт, что с одного солдата были сняты брюки, а с другого – гимнастерка. Кроме того, Ажмяковы выдали офицеру «белой» армии секретаря сельского Совета и больного красноармейца, который впоследствии был избит до потери сознания шомполом от винтовки. Ревтрибунал Вятки 2 февраля 1921 г. приговорил братьев Ажмяковых к 10 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, по амнистии срок был сокращен до 5 лет.²⁹³

Объектами насилия со стороны «белых» и сочувствующих им крестьян являлись не только члены партии, работники органов власти, красноармейцы и их семьи. Братья Коньковы из Глазовского уезда Бисеровской волости выдали белогвардейцам учителя Коробейникова за то, что он рассказывал о коммунизме, «разъяснял крестьянам декрет об отделении церкви от государства и церкви от школы»²⁹⁴. Испугавшись «красных», братья ушли с колчаковцами и вернулись на родину только в 1920 г. Поскольку учитель Коробейников не пострадал, ревтрибунал Вятки 5 марта 1921 г. приговорил Коньковых к одному году общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, по амнистии – условно²⁹⁵.

Не реабилитированы в 1991–1992 гг. были и те, чьи действия привели к военному поражению «красных». А именно: крестьяне Кайгородской волости

²⁹¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2495. Л. 3.

²⁹² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4308. Л. 86.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4309. Л. 51.

²⁹⁵ Там же. Л. 2.

Слободского уезда Караваяв и Пospelов выдали колчаковцам расположение заставы, «вследствие чего она была захвачена в плен, и большинство красноармейцев было расстреляно»²⁹⁶. Приговором трибунала от 5 октября 1921 г. они были осуждены на 3 года общественно-принудительных работ, по амнистии срок сокращен до 2 лет, в 1922 г. – условно-досрочно освобождены²⁹⁷.

Был выявлен и тот факт, что выдавали не только местных коммунистов, которые каким-либо образом досадили жителям, но и иногородних. Зажиточный старик Мальцев из деревни Орловка Малмыжского уезда, находясь в лавке, показал белогвардейцам на коммуниста и его жену. Оказалось, что они, будучи жителями Осинского уезда Пермской губернии, не успели эвакуироваться вместе с другими коммунистами и скрывались в деревне, а после выдачи были расстреляны. Ревтрибунал Вятки 7 июня 1920 г. приговорил Мальцева к 10 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, сократив срок по амнистии до 5 лет²⁹⁸.

Нами была выявлена еще одна форма содействия белым – это невыдача оправдательного приговора (10 случаев)²⁹⁹. Для того чтобы арестованный белогвардейцами крестьянин был отпущен, родственники собирали подписи в его защиту или «белыми» проводился сход, где они выслушивали мнение граждан села. Например, в Малмыжском уезде после ареста членов волостного исполкома крестьянин Загуменнов единственный не захотел подписывать оправдательного приговора мотивировав это тем, что на него был наложен налог и отобрана корова для нужд Красной армии³⁰⁰. В деревне Пермской Глазовского уезда после занятия ее «белыми» состоялся сход, на котором судили членов местного исполкома Совета. Противник советской власти Смагин обличал бывшего военрука в том, что последний отбирал ружья, а когда члены исполкома начали просить помилования, выругался: «Какое же вам, сволочи, одобрение»³⁰¹. Трибуналом оба

²⁹⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3690. Л. 69.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2402. Л. 69

²⁹⁹ В документах революционного трибунала Вятки в оригинале носит название одобрительный

³⁰⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 835. Л. 31.

³⁰¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1316. Л. 25.

были осуждены условно.

При тех же условиях (невыдача оправдательного приговора) поплатился жизнью бывший милиционер деревни Кизнер Малмыжского уезда Дьяконов, отбиравший в 1918 г., как показали крестьяне, «хлеб бесплатно». Трех крестьян из числа судившего Дьяконова трибунал Вятки приговорил к 8 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме. По амнистии срок был сокращен до 2 лет³⁰².

Еще одним видом содействия белогвардейцам являлось участие в военных действиях на их стороне (13 случаев). Кулебакин, бывший офицер, в марте 1919 г. перешел на сторону красных, вместе с другими перебежчиками был направлен в Уфу, после этого послан на работы на Муромскую железную дорогу. Не желая более работать, Кулебакин и еще один перебежчик Зуев «решили вернуться в царство Колчака», однако были задержаны Яранской ЧК. В показаниях они объясняли свой поступок желанием увидеть родных, проживающих на Урале, и невыносимым голодом в лагере. Кулебакин и Зуев по приговору Вятского губернского революционного трибунала были отправлены в штрафную роту³⁰³.

Революционным трибуналом Вятки в каждом отдельном случае выяснялись причины, побудившие обвиняемых к сотрудничеству с врагом. В большинстве случаев основной мотивацией для оказания помощи белогвардейцам служили экономические причины (обложение чрезвычайным налогом, реквизиции хлеба, скота). Бывший торговец Арасланов, как он пояснил в показаниях, был «лично заинтересован в приходе «белых» на территорию Глазовского уезда». В 1918 г. он, был обложен чрезвычайным налогом в 60000 рублей: «15000 он отдал деньгами, остальные товаром и имуществом»³⁰⁴. По приходу колчаковцев Арасланов вместе с ними ходил к семьям советских работников с обыском, пытаясь найти конфискованное имущество. Ревтрибуналом Вятки 27 октября 1920 г. он был заключен в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны, в апреле

³⁰² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2032. Л. 43.

³⁰³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1580. Л. 25.

³⁰⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1660. Л. 3.

1921 г условно-досрочно освобожден³⁰⁵. Подобным образом обосновал свои действия и житель Слободского уезда Шутов, также обложенный чрезвычайным налогом в размере 40000 рублей. Именно это обстоятельство побудило его скрыться из своего села Кай в конце декабря 1918 г. Воспользовавшись тем, что к селу подходили белогвардейцы, он «перешел на нелегальное жительство». Впоследствии Шутов оказался в первых рядах, кто вступил в село Кай уже вместе с «белыми» в апреле 1919 г., при них служил комендантом района, проводил аресты совработников, вместе с белогвардейцами ушел в Сибирь³⁰⁶. Ревтрибунал Вятки на заседании от 20 сентября 1921 г. приговорил перебежчика к 5 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ, сократив этот срок по амнистии до 1 года и 8 месяцев. Шутов был условно-досрочно освобожден в 1922 г.³⁰⁷.

Было выявлено, что ревтрибунал при вынесении приговора все-таки обращал внимание на причины сотрудничества с белогвардейцами. Особо строго наказывались идейные сторонники «белого движения». К примеру, братья Куракины, как сыновья бывшего торговца, участвовали в восстании в Нолинске в августе 1918 г. После атаки «красных» бежали из города и скрывались в лесах, затем направились в Ижевский завод с целью примкнуть к восставшим. Не успев уйти с ними из пределов Вятской губернии, братья с поддельными документами пробирались на территорию Северо-Двинской губернии, видимо разыскивая белогвардейцев. 6 апреля 1920 г. трибунал Вятки приговорил Куракиных к 10 годам лишения свободы при концентрационном лагере, по амнистии сократив этот срок до 5 лет³⁰⁸. Иначе были осуждены ревтрибуналом те, кто вступили в ряды белогвардейцев не из идейных соображений. Будучи дезертирами, проживая дома и не желая воевать, Лепихин и Подшивалов были взяты (вероятно, принудительно) в «белую» армию и прослужили в таковой до конца 1919 года, перешли на сторону Красной армии. Дела в отношении них были прекращены по

³⁰⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1660. Л. 3.

³⁰⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4132. Л. 3.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2215. Л. 107.

амнистии³⁰⁹.

Дела о сотрудничестве с «белыми» возбуждались, в большинстве своем, по доносу односельчан. Нередко такой повод мог использоваться для сведения личных счетов с обвиняемым. Революционный трибунал Вятки старался проверять и такую версию событий. Ефремов, будучи учеником мастера Конова, в январе 1919 г. написал заявление в ЧК на последнего, где указал, что Конов хочет перейти к белым и с этой целью отправлял ученика в разведку, чтобы узнать месторасположение белогвардейских войск. В ходе следствия выяснилось, что Ефремов решил занять место мастера и за этим оклеветал его³¹⁰.

В конце 1919 г. в ревтрибунал из Вятской ГубЧК поступило дело по обвинению гражданки Сычевой в контрреволюции, выразившейся в обнаружении в ее квартире письма антисоветского содержания. Сычева была арестована, во время допросов было выяснено, что у нее был сожитель Наумов, который собирался на ней жениться. Однако противницей свадьбы являлась бывшая подруга Наумова – Михалевская. Последняя была допрошена следователями трибунала и созналась в том, что хотела помешать союзу: написала письмо Сычевой от якобы белогвардейского агента. За данные действия 6 апреля 1920 г. в судебном заседании Вятского ревтрибунала Михалевская была признана виновной по обвинению в ложном доносе и приговорена к 5 годам общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме. В том числе и с целью профилактики ложных доносов заметка о подробностях дела и суде над Михалевской была помещена на страницы «Вятской правды»³¹¹.

Дела о сотрудничестве с белогвардейцами, расследуемые ревтрибуналом Вятки характерны для жителей, занятых врагом деревень и сел, соответственно, основными подсудимыми по данной категории дел были крестьяне. Жители города Вятки и территорий, свободных от «белых», в этот процесс не были втянуты. Однако присутствие в регионе белогвардейцев и в этом случае

³⁰⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3853. Л. 37; Д. 4865. Л. 87.

³¹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 996. Л. 18.

³¹¹ Вятская правда. 1920. № 89. С. 89.

отражалось на судебном-следственной практике трибунала и составе дел.

Взятие белогвардейскими войсками Перми 24 декабря 1918 г. создало опасность для Вятки, куда в январе 1919 г. прибыла комиссия из И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского для усиления обороны города. Вятка как важнейший транспортный узел при ее занятии открывала дорогу и на север – в Котлас, и на Москву. В этих сложных условиях распространение слухов о приближении войск А.В. Колчака могло играть роль катализатора для антисоветски настроенных жителей Вятки и губернии в целом, и привести к волнениям на этой почве. Благодаря развитой агентурной сети в ГубЧК поступали донесения о тех, кто обсуждает приближение белогвардейских войск и рад их приближению. Из Вятской ГубЧК данные дела предавались на доследование и суд в ревтрибунал. К примеру, уже 13 января 1919 г. было заведено дело на жителя Вятки Косинского, который в разговоре упомянул, что Пермь сдана и скоро придут белогвардейцы, а «в Слободском уезде уже всю гуляют разведчики»³¹². Дело за недоказанностью было прекращено. Большую опасность представляли подобные разговоры в прифронтовой зоне: рабочий Омутнинского завода И.П. Запольских среди жителей завода в конце декабря 1918 г. – январе 1919 г. распускал слухи, что села Пермское и Песковка взяты, со дня на день должны прийти белогвардейцы и «перевешают всех, кто в бога не верит». Впрочем, дело было прекращено³¹³.

В апреле 1919 г. наблюдается увеличение подобных дел, связано это с наступлением А.В. Колчака, которые к тому времени заняли около половины Глазовского, Малымжского, Уржумского уездов и полностью Ижевско-Воткинский район. К примеру, учитель семинарии в Советске Пинегин в апреле 1919 г. распространял слухи среди семинаристов, что «белые окружили Вятку и скоро сюда придут и дадут нам хлеба». По приговору революционного трибунала от 20 августа 1919 г. он был лишен свободы с выполнением общественно-принудительных работ на 1 год при Вятском исправительном рабочем доме³¹⁴.

³¹² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 968. Л. 2.

³¹³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 840. Л. 24.

³¹⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1162. Л. 5.

Возможность прихода в Вятку «белых» была вполне реальной. Отдельные граждане уже представляли и рассказывали знакомым, как они будут сотрудничать с белогвардейцами по их приходу. Начальник почтово-телеграфного отделения при ст. Великая П.Г. Стариков в апреле 1919 г. между рабочими и крестьянами при станции говорил, что уже скоро здесь будут белогвардейцы и перевешают коммунистов, а он станет им помогать – показывать, кто сочувствовал советской власти. Ревтрибунал в заседании от 9 августа 1919 г. приговорил Старикова к 2 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме³¹⁵. Подобные мысли высказывал в апреле 1919 г. среди рабочих и счетовод Долгушинского завода А.И. Семаков. По приговору трибунала от 28 июля 1919 г. он был осужден на 3 года общественно-принудительных работ, но условно³¹⁶. Делопроизводитель Страховой кассы при Орловском совете народного хозяйства Шубин весной 1919 г. между служащими не раз говорил, что «с заслуженным генералом воевать стыдно, у Красной армии ничего нет, а у Колчака всего вдоволь». Трибунал 22 ноября 1919 г. отсудил его на 5 лет условно³¹⁷.

В Вятке также ждали А.В. Колчака: в мае 1919 г. в ГубЧК поступили сведения, что гражданка Федорова, бывшая собственница торгового предприятия, среди жильцов дома неоднократно жаловалась, что «раньше жилось лучше, придут вот-вот белые, красных прогонят, принесут хлеба и порядок будет лучше». По приговору трибунала от 29 июля 1919 г. Федорова была осуждена на 6 месяцев общественно-принудительных работ условно³¹⁸.

Житель Вятки, делопроизводитель Швецов в письмах к отцу и братьям в Казань, которая на то время была занята «белыми», весной 1919 г. высказывал такие лозунги: «Долой Ленина с кобылой, да здравствуют белые с хлебом и свининой!». Также он писал, что в Петрограде бунт, в Слободском уезде едят кошек и собак, идут массовые расстрелы, а «власть падет сегодня или завтра». По

³¹⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1326. Л. 2.

³¹⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1329. Л. 5.

³¹⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1505. Л. 34

³¹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 51

приговору революционного трибунала от 8 июля 1919 г. он был лишен свободы до конца Гражданской войны, в ноябре 1919 г. по амнистии был отпущен³¹⁹.

Представители советской власти боялись, что излишние разговоры про весеннее наступление А.В. Колчака могут привести к негативным последствиям – волнениям, вооруженным восстаниям. К примеру, слова политического комиссара Кузоваткина, произнесенные в июне 1919 г., что «Вятке угрожает опасность...белые повсюду», сказанные рабочим при строительстве окопных сооружений были расценены как провокация, а на него было заведено дело по статье контрреволюция. В ходе следствия было выяснено, что Кузоваткин произнес слова без злого умысла, желая ускорить работы, и дело было прекращено³²⁰.

В деревне также шли разговоры о приближении войск под командованием А.В. Колчака, но носили немного другой характер – они были связаны с продовольственным вопросом. В конце декабря 1918 г. на собрании жителей деревни Котельничского уезда Ф.Г. Жеребцов призвал всех бороться с советской властью, продразверсткой и бесконечными нарядами, тем более что скоро придут белогвардейцы. Это привело к незначительным волнениям в деревне уже через 2 дня. Трибуналом 19 мая 1919 г. по амнистии дело было прекращено³²¹. Крестьянин деревни Кобели Глазовского уезда П.С. Коротаев на собрании жителей в июне 1919 года выкрикивал, что «Советы – преступники и тираны, обируют крестьян, фронт уже близко...скоро разберемся с коммунистами». По приговору от 12 сентября 1919 г. он был заключен в концлагерь до окончания Гражданской войны, амнистирован 19 декабря 1919 г., отправлен на общественно-принудительные работы при деревенском волостной исполкоме³²².

Некоторые крестьяне искренне верили, что если их деревню займут белогвардейцы, то их хлеб никто не реквизирует, более того, их жизнь намного улучшится. Председатель сельского совета деревни Гори в Нолинском уезде П.Ф.

³¹⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1506. Л. 23.

³²⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 990. Л. 23.

³²¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 811. Л. 2.

³²² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 733. Л. 9.

Холстинин в апреле 1919 г. не сдал хлеб, вслед за ним все население деревни также не сдало хлеб. Между крестьян он говорил, что «Глазов уже взят, Вятка эвакуируется...хлеб можно будет сдать по лучшей цене уже при белых». Трибуналом 24 июня 1919 г. дело было прекращено по амнистии³²³.

Как видно из примеров, несмотря на военные условия, оккупацию части губернии в революционном трибунале Вятки ужесточения наказаний по контрреволюционным делам в первой половине 1919 г. не наблюдалось.

Участие в Первой мировой войне, вслед за ней в Гражданской войне несомненно приводило к усталости всего населения от военных действий и породило такой тип контрреволюционных дел, как агитация против войны и коммунистов, которые в представлении солдат выступали зачинщиками войны. К примеру, командир судовой охраны Г.М. Тарабакин в июне 1919 г. в кругу нескольких красноармейцев говорил, что «нас они тащат воевать не знаем за что, а посмотрите-ка сами комиссары гуляют по саду, чисто одетые, а на фронт не едут...отбирают у крестьян последнюю лошадь, а сами имеют по 6 лошадей». Ревтрибунал на заседании 25 августа 1919 г. приговорил его к принудительным работам до окончания Гражданской войны, а уже 13 ноября 1919 г. освободил по амнистии³²⁴.

Подобные разговоры шли и в 1920 г.: красноармеец Иванов, проезжая по железной дороге в январе 1920 г., завел разговоры о Советах. Он высказал свои мысли, что «коммунисты на фронте сдаются первыми, остальные окапываются в тылу...хулиганы и взяточники», а «вожди Ленин, Троцкий и Зиновьев вообще не идейные». По приговору революционного трибунала от 10 марта 1920 года он был лишен свободы с выполнением общественно-принудительных работ на 1 год, в октябре 1920 г. освобожден условно досрочно и отправлен на фронт³²⁵.

В октябре 1920 г. красноармеец Ф.П. Куимов, возвращаясь домой с фронта в отпуск, в разговоре с другими красноармейцами делился своими планами, что он

³²³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1421. Л. 32.

³²⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1398. Л. 5.

³²⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2108. Л. 4.

будет дезертировать, «пусть воюют коммунисты, поступлю в банду дезертиров». Ревтрибунал в заседании от 4 января 1921 г. приговорил Куимова к 2 годам общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, но условно³²⁶.

Против войны выступали не только солдаты. К примеру, в июне 1920 г. рабочий П.С. Рублев Долгушинского завода на собрании заявил, что «Долой войну, ее затеяли коммунисты, пусть сами и воюют». Трибунал Вятки осудил его на 2 года общественно-принудительных работ, но по амнистии условно³²⁷.

Разворачивание советско-польской войны в 1920 г. также отразилось на составе дел, расследуемых трибуналом. К ответственности стали привлекаться поляки, жители Вятки, замеченные в контрреволюционной деятельности. Машинист водокачки Матецкий в конце января 1920 г. среди рабочих повторял, что «русские – дураки...скоро уйду в Польшу»³²⁸. Инвалид Первой мировой войны поляк Янковский весной 1920 г среди жителей дома говорил, что если бы он был сейчас Польше, то «даже безрукий пошел бы воевать против власти жидов». Оба были осуждены трибуналом в июле 1920 г. на 1 год общественно-принудительных работ, но условно³²⁹.

Жестче был наказан за контрреволюционные разговоры поляк И.Ф. Куликовский, который в своей лавке делился «новостями» с покупателями: «Зиновьева избили...нашли у него в квартире пуд бриллиантов». По приговору ревтрибунала Вятки от 30 апреля 1920 г. Куликовский был изгнан в Польшу³³⁰.

Весной-летом 1921 г. в Вятке активно обсуждали события Кронштадтского восстания марта 1921 г. Слесарь Долгушинского завода Р.Я. Пискальгт в апреле 1921 г. среди рабочих распространял слух, что «в Вятку приехали матросы...ведут беседы с рабочими, дабы возбудить восстание и свергнуть власть». Трибунал 25 октября 1921 г. постановил заключить Пискальгта на 2 года в Вятский

³²⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2218. Л. 70.

³²⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2747. Л. 2.

³²⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2421. Л. 67.

³²⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3147. Л. 51.

³³⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2119. Л. 26.

исправительный рабочий доме с применением общественно-принудительных работ.

Отреагировали на мятеж и красноармейцы 17 стрелкового запасного полка: в марте 1921 г. в беседах с политруком они довольно резко высказывали недовольство властью и сочувствие кронштадтским матросам. Около 30 красноармейцев были сразу же арестованы Вятской ГубЧК, а уже 1 апреля 1921 г. состоялось судебное заседание ревтрибунала. Двое красноармейцев по приговору трибунала были расстреляны, еще трое получили 10 лет лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ, остальные – разные сроки от 2 до 5 лет³³¹.

В деревне в 1920–1921 гг. самой популярной причиной недовольства среди сельского населения по-прежнему являлась продовольственная политика большевиков. Пономарев, будучи в сельском совете, вел агитацию против хлебной разверстки среди крестьян и восстановил присутствующих против продовольственной политики: «нас обобрали, оставили без земли, оставили земли не засеянными». По приговору революционного трибунала от 1 ноября 1920 г. он был лишен свободы с выполнением общественно-принудительных работ на 4 года, уже 4 декабря 1920 г. по амнистии срок был сокращен до 1 года, а 22 мая 1921 г. он был условно-досрочно отпущен³³².

В отдельную категорию контрреволюционных деяний был выделен саботаж. Продотрядник Никитин писал своим друзьям: «Бросайте оружие, не слушайте начальников... поедем обратно в Москву». 5 октября 1920 г. ревтрибунал Вятки постановил осудить Никитина на 2 года лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ, по «малосознательности» срок был сокращен до 8 месяцев, 25 ноября 1920 г. был амнистирован вовсе³³³.

Меньшую часть контрреволюционных дел составляют правонарушения, представляющие реальную угрозу для власти: восстания (волнения, митинги),

³³¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3462. Л. 45.

³³² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2636. Л. 2.

³³³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2555. Л. 51.

вооруженный бандитизм, создание антисоветских обществ.

К примеру, в деревне Лопыши Котельничского уезда во время ареста дезертира собралась толпа человек 30, которая оказывала сопротивление членам волисполкома «путем заграждения дороги» и призывами к расправе³³⁴. Дело по амнистии было прекращено. В этом же уезде создал свою банду из дезертиров 18-летний Вылегжанин. Он более года находился в лесах, агитировал не служить в Красной армии на железнодорожных станциях, в итоге, в его банду входило около 500 человек, частично вооруженных, было установлено, что некоторые из них помогали белогвардейцам. По приговору трибунала Вятки 12 августа 1920 г. Вылегжанин был осужден к 5 годам лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ, уже в ноябре этого года был амнистирован³³⁵.

В Уржумском уезде в 1920 г. был зафиксирован случай создания общества имени Л.Н. Толстого. В деревне Пичанур Марисолинской волости Михаил Иванович Егошин, «считая себя последователем религиозно-философского течения Л. Н. Толстого», в октябре 1919 г. решил проводить собрания и беседы и агитировать крестьян не исполнять приказы властей, не служить в Красной армии. Следствием того стало то, что в ту местность стали стекаться дезертиры, которым Егошин объяснял, что «можно освободиться от военной службы по религиозным убеждениям». Следствие по делу шло более года, в феврале 1921 г. был вынесен приговор: Егошину – 5 лет лишения свободы с выполнением общественно-принудительных работ, остальным сподвижникам не более 3 лет³³⁶.

Большинство дел о контрреволюции заводилось по личным обращениям граждан – доносам, впрочем, работала и агентурная сеть ГубЧК (с 1922 г. – ГПУ). Секретный сотрудник Вятской ГПУ в Орловском уезде Сергей Александрович Шулятиков, 38 лет, «с мая по июнь 1922 года представил целый ряд сводок, в которых указывал, что имеются организации правых социалистов-

³³⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2310. Л. 66.

³³⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1843. Л. 7.

³³⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3155. Л. 149.

революционеров в Орлове, Котельниче, Вятке, на ст. Мураши и Свеча (всего около 100 человек)»³³⁷. Бывший школьный работник, агент ГубЧК, Шулятиков предоставлял в ГПУ материалы переписки, воззвания и пр. материалы деятельности правых эсеров. Было решено арестовать всех указанных членов, при задержании выяснилось, что «граждане не только не состояли в партии эсеров...некоторые были членами РКП (б)»³³⁸. Выяснилось, что вся эта организация была выдумана Шулятиковым из своих корыстных побуждений, поскольку, сотрудничая с органами ГПУ, он получил «28 пудов муки, 300 миллионов рублей, новые сапоги, два костюма, масла 20 фунтов, сахара 10 фунтов, рыбы и мяса по пуду». Приговор революционного трибунала от 30 июля 1922 г. был суров – расстрел. По кассационной жалобе высшая мера наказания была заменена на 5-летнее лишение свободы, в конце 1923 г. он был отпущен³³⁹.

Проанализировав контрреволюционные дела трибунала Вятки за период с 1918 по 1922 гг., мы отмечаем, что в губернии основным видом этого направления являлась агитация против Советской власти. При подробном рассмотрении данного термина (агитация против советской власти) можно прийти к выводу, что он включал в себя и реальные призывы к свержению власти, и повседневные разговоры между людьми о недовольстве жизненными условиями, в чем, конечно, обвиняли власть, но к ее свержению не стремились. Дела последней категории возбуждались в основном ЧК, которые постоянно следили за настроениями граждан. Это было обусловлено Гражданской войной, интервенцией, проблемами новой власти: продовольственный вопрос, дезертирство, коррупция. В этих сложных условиях большевики использовали превентивные меры: любые разговоры, высказывания против Советов, их вождей, внутренней политики подлежали немедленному пресечению в целях профилактики более серьезных последствий (вооруженных выступлений).

Проанализировав судебную практику трибунала в отношении

³³⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 5029. Л. 3.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же.

контрреволюционных дел, мы отмечаем, что основным видом наказания являлось лишение свободы на срок до 3 лет с выполнением общественно-принудительных работ, зачастую условно. Такая довольно «мягкая» позиция чрезвычайного судебного органа, на наш взгляд, может быть связана с такого рода обстоятельствами:

1) подавляющее большинство нарушителей являлось необразованными крестьянами (формулировки «представитель бедноты», «преступление совершено по малосознательности», «в связи с низким уровнем развития» и пр.), для которых, как нам представляется, сам факт привлечения к суду уже давал определенный воспитательно-профилактический эффект;

2) свою роль играло крестьянское происхождение и судей и подсудимых, порождавшее сострадание к землякам, понимание крестьянских бед и причин недовольства; и те и другие выступали носителями крестьянского сознания, которое еще не было основательно вытеснено классовой идеологией воинствующего (в условиях военного противостояния), вульгаризированного марксизма;

3) как было выяснено, возраст сотрудника (следователя, судьи) трибунала был около 25 лет, к суду же ревтрибунала привлекались лица старше данного возрастного показателя (старше 30), поэтому не исключается влияние фактора уважения к старшим, характерного для крестьянской ментальности;

4) свою роль, несомненно, играло и то обстоятельство, что основное место заключения – Вятский исправительный рабочий дом уже с середины 1919 г. был переполнен;

5) имело место опасение чрезмерно жесткими решениями, излишне суровыми приговорами (причем определение степени суровости в контексте преимущественно практикуемого традиционного права было во многом субъективным) спровоцировать всплеск недовольства властью в среде сельского и городского рабочего населения.

§2. Борьба с должностными преступлениями

Коррупция как негативное социальное явление сопровождало российское государство издавна. Приход к власти большевиков не искоренил данный порок: взятки и хищения с самых первых дней стали своеобразным атрибутом деятельности отдельных представителей власти большевиков. В этой связи на специально учрежденные по всей стране для борьбы с контрреволюционными проявлениями судебные органы – революционные трибуналы была дополнительно возложена и функция пресечения должностных преступлений советских работников. Анализ доступных для рассмотрения материалов его деятельности свидетельствует о том, что первые выявленные факты превышения должностными лицами в Вятке своих полномочий имели место с самых первых дней установления советской власти в регионе³⁴⁰.

Несомненный интерес представляют материалы нескольких расследований злоупотреблений руководящих сотрудников советских органов. Так, представитель 8 роты 106 пехотного запасного полка в Вятском Совете Рабочих и Солдатских депутатов Владимир Никанорович Ларионов (предположительно из нижних чинов указанной воинской части, малограмотный), назначенный 6 декабря 1917 г. председателем вятского уголовного отделения, успел проработать на этой должности лишь до 20 декабря 1917 г. В этот период Ларионов «...постоянно приставал с нахальными предложениями к арестованным женщинам, приводил с собой массу женщин, с которыми засиживался допоздна, а потом оставался с ними на ночь»³⁴¹, поощрял избиение арестованных, присваивал конфискованные у них деньги и ценные вещи. В ряде случаев Ларионов позволял себе поступки совершенно возмутительного свойства, – «... находясь в нижнем белье в своём кабинете требовал доставить [к нему] арестованную Плотникову для допроса»³⁴². Кроме того, Ларионов совершенно не занимался ведением текущего делопроизводства во вверенном ему отделении: не осуществлялась

³⁴⁰ Подробнее: Позднякова А.С. Судебная практика Вятского губернского революционного трибунала по делам о должностных преступлениях в 1918 г. // Развитие отечественной исторической науки в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2013. С. 27-31.

³⁴¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 1об.

³⁴² Там же.

регистрация происшествий и преступлений, не велась опись вещественных доказательств с мест преступлений, отсутствовал реестр арестованных лиц, учёт изъятых у них вещей и ценностей. В ходе следствия предъявленное Ларионову обвинение «в злоупотреблениях по службе и должности» было доказано показаниями свидетелей и признанием самого обвиняемого. При этом Ларионов частично оправдывал свое поведение тем, что ему ранее никто не объяснил, как вести делопроизводство. Судебное заседание по данному делу состоялось 27 июля 1918 г., на котором губернский ревтрибунал вынес приговор о расстреле виновного лица.

К той же мере наказания был приговорен милиционер станции Лянгасово, Николай Тимофеевич Спиридонов (24 лет, уроженец Костромской губернии), который, находясь ежедневно в нетрезвом состоянии, «...устраивал дебоши на станции и в близлежащих деревнях»³⁴³. Так, 28 мая 1918 г. им был задержан рабочий станции, который отказался предъявить свой документ. Под угрозой расстрела Спиридонов стал требовать у задержанного «...один пуд муки и четыре пуда картошек»³⁴⁴. В тот же день обвиняемый задержал на станции двух австрийцев, у которых незаконно изъяс музыкальный инструмент – скрипку. В ходе следствия выяснилось, что милиционер неоднократно проводил обыски в соседних деревнях с целью поиска для себя кумышки (разновидность самогона) и продовольствия. Несмотря на вынесение судом приговора о расстреле, приведён в исполнение он не был в связи с тем, что трибунал принял во внимание социальное происхождение Спиридонова (бедняк) и заменил высшую меру наказания на десять лет общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме. Примечательно, что и это наказание Спиридонов в полной мере не отбыл – 15 ноября 1919 г. он был амнистирован в связи с празднованием второй годовщины Октябрьской революции.

Обращают на себя внимание факты совершения должностных преступлений

³⁴³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 428. Л. 1а.

³⁴⁴ Там же.

в составе организованной группы. В начале июля 1918 г. революционным трибуналом Вятки было возбуждено дело в отношении представителей администрации г. Слободского³⁴⁵. В качестве обвиняемых по делу проходили председатель городского исполкома А.С. Запольский, начальник слободского отделения народной милиции А.В. Черных, казначей слободской кассы М.П. Драничников, народный комиссар по управлению слободским уездом И.И. Деришев, комиссар труда М.Н. Алпатов, комиссар здравоохранения И.И. Зорин, городской врач В.А. Сухих. Практически одновременно было возбуждено дело в отношении членов продовольственного отдела слободского исполкома. По итогам судебного разбирательства Запольский был обвинён «помимо пьянства в умышленном расхищении вина, реквизированного у торговцев и бывшего на учёте Исполнительного Комитета», «...превышении и злоупотреблении властью, вручённой ему революционным народом и выразившейся в незаконном и в неурочное время взимании контрибуции [чрезвычайный налог, облагаемый классово чуждые революционным массам слои населения] в Ильинской волости, Слободском уезде»³⁴⁶. Начальнику милиции Черных вменялось совместное с Запольских, Зориным и Сухих расхищение реквизированных вин, разбойные нападения с целью завладения чужим имуществом («похищение принадлежавшего торговцу табаку под угрозой оружия»)³⁴⁷. Было установлено, что в пьянстве принимали участие комиссары Деришев и Алпатов³⁴⁸. Последний, однако, этим не ограничился и «стараясь внести ещё одну лепту в организационную работу власти и не имея не то никаких полномочий, обложил местные слободские монастыри сбором в пользу красноармейцев, благодаря чему получилась масса незаслуженного недовольства и нарекания на Советскую власть»³⁴⁹. Деришев, в свою очередь, был также обвинён в присвоении и растрате денежных средств, полученных при взимании «налога за собак, принадлежащих

³⁴⁵ Слободской – уездный город, с населением в 1913 г. около 11 тыс. человек.

³⁴⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 1об.

³⁴⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 3.

³⁴⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 3 об.

³⁴⁹ Там же. Л. 4.

гражданам города Слободского» (действия обоих квалифицированы как «преступное превышение власти»)³⁵⁰.

Суд по данному делу состоялся 3 октября 1918 г., в приговоре было особо отмечено, что «в обстановке Гражданской войны, когда за каждым шагом ответственных представителей советской власти следят многочисленные враги, дабы использовать их ошибки в целях агитации и возбуждении масс против власти рабочих и крестьян — преступления по должности и хулиганские выходки ответственных советских работников заслуживают строжайшей кары. Но принимая во внимание, что обвиняемые вышли из рядов рабочих и крестьян, интеллектуально мало развиты, что их работа протекала в напряженной атмосфере вражды окружающего кулацкого населения и в обстановке общей разрухи и признавая эти обстоятельства смягчающими вину обвиняемых», суд вынес решение: Черных приговорен к бессрочным принудительным работам (22.11.1918г. по амнистии срок сокращен до трех лет), Зорин и Алпатов к пяти и трем годам принудительных работ соответственно (22.11.1918г. оба амнистированы)³⁵¹. Драничникову запрещено занимать общественные должности в течение пяти лет, Запольскому высказано общественное порицание (примечателен тот факт, что он с сентября 1918 г. работал следователем в трибунале, вынесшем приговор по данному делу).

В целом, в течение всего 1918 г. революционным трибуналом Вятки было рассмотрено 45 дел по должностным преступлениям. При этом только по 11 делам были вынесены обвинительные приговоры, остальные были прекращены за недоказанностью или по амнистии. Из 11 дел: один был приговорен к расстрелу, девятеро к срокам заключения от 6 месяцев до 12 лет с применением общественно-принудительных работ, одно лицо — к штрафу. Примечательно, что все лица, приговоренные к лишению свободы с применением общественно-принудительных работ, были амнистированы в конце ноября 1918 г.

В 1919 г. количество должностных преступлений, принятых к рассмотрению

³⁵⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 5.

³⁵¹ Там же. Л. 342.

судом ревтрибунала увеличилось с 45 до 180, в 1920 г. – 225, в 1921г. – 149, в 1922 г. – 378. В годы Гражданской войны и перехода к НЭПу одним из важнейших предметов его деятельности, наряду с преследованием лиц, причастных к контрреволюционной деятельности, стало расследование должностных преступлений сотрудников новообразованных советских органов. В том числе и органов, призванных «встать на защиту завоеваний революции», – т.е. советской милиции, органов ВЧК и комиссий по борьбе с дезертирством, которые по роду своей деятельности также тесно взаимодействовали с ревтрибуналом.

На примере данных дел, мы решили показать разные категории и виды должностных преступлений. В рассматриваемый период для сотрудников названных органов были характерны должностные правонарушения (всего зарегистрировано 84 факта), состав которых можно разделить на три условные группы: корыстные преступления, преступления против интересов службы (без признаков корыстных проявлений) и преступления, совершённые в связи с превышением должностных полномочий («неправильные действия по службе»).

Последние встречались наиболее часто (38 случая). Значительная часть в этой группе правонарушений представлена противоправными деяниями, в ходе которых должностные лица «органов» признавались по итогам судебного разбирательства виновными в оказании неправомерного насильственного воздействия как физического, так и вербального характера (убийства, нанесение побоев, насилие, связанное с нарушением половой неприкосновенности, оскорбления и пр.). Представляется целесообразным привести ряд довольно характерных примеров.

Комиссар по особым поручениям Вятской губЧК А.Г. Иванов (24 года, выходец из крестьян, коммунист), командированный в Яранский уезд для помощи в работе уездной ЧК, при производстве обыска и ареста избил гражданина Подузова, обвиняемого в уклонении от мобилизации, сокрытии оружия, связи с контрреволюционными бандами. После неоднократного нанесения побоев в ходе допроса Подузов был убит «при попытке бегства». Ревтрибунал привлёк Иванова

к ответственности «за избиение арестованных и несоблюдение формальностей при обыске». В приговоре по делу было указано, что «действия Иванова... подрывают авторитет советской власти и должны караться по всем строгостям революционного времени, но принимая во внимание, что гр. Иванов избил Подузова при вызывающем поведении самого Подузова, который являлся организатором контрреволюционной банды, хранителем оружия этой банды и что Подузов бывший полицейский стражник...», суд постановил приговорить Иванова к лишению свободы с применением общественно-принудительных работ на 5 лет условно³⁵².

Обращает на себя внимание тот факт, что совершение такого рода преступлений, как правило, происходило на фоне употребления спиртных напитков, дополнительно стимулировавших хулиганские проявления, склонность к дебошам и пр. у соответствующих должностных лиц. К этой же группе правонарушений, квалифицированных как «неправильные действия по службе», можно отнести незаконное проведение обысков и конфискации, а также наложение штрафов. В отдельных случаях незаконные насильственные действия правоохранителей дополнительно провоцировались «некорректными» действиями самих потерпевших.

Агенты Уральской областной ЧК Кусакин и Пестов прибыли по служебной необходимости к председателю комитета деревенской бедноты Вшивцеву, владевшему тремя двухэтажными домами с флигелями, и обнаружив на стене в помещении одного из них портрет бывшего царя и его жены, взяли в ЧК ордер на обыск всех квартир в домах указанного лица. При обыске, в ходе проведения которого жене Вшивцева нанесли оскорбление действием (толкнули), было обнаружено значительное количество мануфактуры, сахара, муки и др. товаров. Чекисты сделали вывод, что «сокрытие в таком большом количестве продуктов, когда ощущается острый продовольственный кризис, хранение портретов царя на стене служит доказательством сочувствия монархизму» и оштрафовали Вшивцева

³⁵² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 893. Л. 29.

на 5000 рублей³⁵³. На основании поданной оштрафованным жалобы в отношении чекистов было возбуждено дело с обвинением в «неправильных действиях по службе». Следственная комиссия революционного трибунала, однако, уголовное преследование Кусакина и Пестова прекратила за отсутствием с их стороны признаков преступления.

Имели место случаи «присвоения судебных функций», приводившие к незаконному лишению свободы лиц, чью вину в совершении преступлений общеуголовного характера, либо административных правонарушений отдельные сотрудники правоохранительных органов самостоятельно определяли, исходя из собственных умозаключений и представлений. Милиционеры Селезневской волости П.М. Перминов и С.В. Дресвянников арестовали группу граждан, участвовавших в драке в деревне Алтын. Нанесли им побои ногайкам и содержали под арестом две недели, не снимая с них допроса. По приговору суда обоим милиционерам было дано по 5 лет лишения свободы с применением общественно-принудительных работ при Вятском рабочем исправительном доме³⁵⁴.

Зарегистрирован также факт признания судом виновным служащего Фемиды: народный судья 2 участка Вятского уезда А.Ф. Сраевский 22 июня 1921 года был предан суду революционного трибунала за незаконный вычет денег из жалования своего секретаря для канцелярских нужд. По приговору Сраевский был лишен политических прав на полгода и обязывался возместить финансовый ущерб, причиненный им сослуживцу³⁵⁵.

Следующая по количественному критерию группа должностных преступлений (26 от общего количества 84), попавших под рассмотрение ревтрибунала, включала в себя преступления корыстной направленности. Здесь необходимо отметить, что рассматриваемый период, несомненно, оказался временем наименьшего с начала XX века социального благополучия в стране, что

³⁵³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1410. Л. 48.

³⁵⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1393. Л. 69.

³⁵⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 650. Л. 102.

и обусловило совершение особенно большого числа такого рода правонарушений, когда объектом посягательств выступали различного рода материальные ценности. Для некоторых сотрудников правоохранительных органов, в массе своей происходивших из социальных низов и изначально лишённых многих жизненных благ, испытание властью и широкими полномочиями, границы которых зачастую чётко очерчены не были и понимались индивидуально произвольно, оказалось непосильным. Революционное же правосудие, часто относившееся весьма либерально к иным категориям должностных преступлений, воровство и хищения сотрудников, как правило, карало жестоко.

Так, помощник заведующего железнодорожным отделением ЧК на станции Зуевка Н.Г. Мокеев (32 года, член РКП) в сговоре с весовщиком И.А. Боговаровым (32 года, член РКП) похитили из опечатанного хранилища шерстяной костюм, фракный костюм, суконные черные брюки, цветной жилет, прорезиненный плащ цвета хаки и белую простыню. В приговоре от 28 мая 1919 г. говорилось, «что указанным преступлением обвиняемые дискредитировали Советскую власть, ответственными сотрудниками каковой они являлись и опозорили имя коммунистической партии, членами которой они состояли»³⁵⁶. С учетом того обстоятельства, что подобные действия «в момент напряженной войны и транспортной разрухи в стране со стороны тёмных лиц, проникших в ряды коммунистов и советских работников» заслуживают «самой суровой кары», Мокеев был приговорен к расстрелу (единственный случай применения высшей меры наказания в 1919 г. по факту совершения должностного преступления), Боговаров – к 15 годам принудительных общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме.

Привлекает внимание относительно низкий уровень преступлений коррупционной направленности, ставших предметом рассмотрения трибуналом, что, в числе прочего, может свидетельствовать о высокой степени латентности данного вида правонарушений. Тем не менее, наличествующие в общей

³⁵⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 650. Л. 102.

статистике факты взяточничества и вымогательства являют собою замечательную иллюстрацию нравов и реалий эпохи. Председатель Орловской комиссии по борьбе с дезертирством П.И. Солоницын (26 лет) за взятку в виде 80 штук яиц и 3 фунтов меда помог мобилизованному на фронт Торопову остаться в Орлове в составе 4-го инженерного батальона. Во время следствия было установлено также, что Солоницын направлял сотрудника комиссариата Зубарева под видом командировки за медом в уезд. По приговору революционного трибунала Солоницын был осужден на 2 года принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, однако по амнистии был сразу же освобожден³⁵⁷. Сотрудник Нолинского политбюро Плаксин в сентябре 1922 г. за закрытие дела потребовал от гражданина «бутылку самогона и 100 пельменей»³⁵⁸. Дело в отношении Плаксина было передано в народный суд.

Значительное место в группе корыстных преступлений занимают факты проведения сотрудниками «органов» следственных действий (обысков), в ходе которых у потерпевших изымались деньги, продукты, иные материальные ценности и присваивались сотрудниками, проводившими эти самые действия, а также случаи мнимого проведения следственных действий, фактически направленных на корыстное изъятие ценностей у законных владельцев.

Милиционер Вятской уездной милиции Т.С. Рябов изъясил у гражданина без составления протокола 2 бутылки кумышки. Напиток он забрал к себе на квартиру, а затем передал помощнику начальника милиции М.С. Панишеву. Последний во время обеда распил алкоголь на рабочем месте с начальником милиции 2 района Вятского уезда П.Ф. Мышкиным. В приговоре от 21 мая 1921 г. было особо отмечено, что «состоя на службе в советской милиции они должны были особенно наблюдать за порядком в вверенном им районе, т.к. при приближении врага возникновение каких-либо беспорядков или нарушение распоряжений властей может принести неисправимый вред для Республики, сами нарушили распоряжения властей, отбирая у граждан кумышку и напиваясь до

³⁵⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1599. Л. 120.

³⁵⁸ Вятская правда. 1922. № 242. С. 3.

пьяна»³⁵⁹. Милиционеры были осуждены на 3 года принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, но на основании постановления ВЦИК от 5 ноября об амнистии были отпущены, и дело было прекращено.

Наряду с делами такого рода, ревтрибуналом рассматривались случаи должностного подлога с целью получения промышленных товаров и продуктов питания для собственного потребления. Сотрудник Сарапульской ЧК Е. Соболев без ведома своего руководства на бланке ЧК исполнил требование в уездный продовольственный комитет для выдачи ему «150 папирос, помадки 3 фунта, мыла 5 фунтов, 10 коробок спичек»³⁶⁰. По приговору ревтрибунала от 13 января 1920 г. Соболев, накануне исключенный из РКП (б), был осужден на один год принудительных общественных работ при Вятском рабочем исправительном доме. Менее чем через полгода, 18 мая 1920 г., его амнистировали и направили на работы в Комтруд.

Под рассмотрение суда попадали также случаи прямого использования служебного положения должностными лицами в целях извлечения материальной выгоды. Субъектами такого рода деяний, совершаемых без признаков насилия, либо угрозы его применения, становились, по понятным причинам, работники руководящего звена, наделённые властными полномочиями и имеющими в подчинении сотрудников, в ведении которых находились материальные ценности.

Е.И. Михалаш (42 года, эвакуированный из Перми в Глазов, а затем в Вятку), председатель Вятской губЧК, 26 июля 1919 г. обратился к заведующему хозяйственной частью Б.П. Суровцеву «со словесным требованием выдать из склада необходимые ему вещи», что и было сделано. «Неудовлетворившись полученными вещами в количестве 35 предметов, в начале августа Михалаш снова обратился к заведующему складом М.В. Ничкову, в чем ему не было отказано»³⁶¹. Таким образом, Михалаш, пользуясь своим служебным положением, «без предъявления ордера и предварительной оплаты получил около 200 аршин

³⁵⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1062. Л. 27.

³⁶⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1279. Л. 32.

³⁶¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1260. Л. 75.

разной мануфактуры и разные вещи домашнего обихода». Будучи привлеченным к суду, он признал себя виновным, заявив, что крайняя нужда побудила его совершить данное деяние, а уплатить в кассу стоимость вещей, за неимением в тот момент наличных денег, намеревался после получения жалования. В приговоре трибунала от 12 сентября 1919 г. особо отмечалось, что Михалаш «нуждался в вещах и в одежде как пострадавший от белогвардейского нашествия», что и послужило основанием его оправдания судом³⁶².

Несомненный интерес, несмотря на относительную малочисленность по сравнению с другими материалами (20 из общего количества 84), представляют дела ревтрибунала о преступлениях совершённых сотрудниками советской милиции и ВЧК против интересов своей службы. Несмотря на культивируемый в сознании последующих поколений образ чекиста, сотрудника советской милиции как образца бескомпромиссного, жертвенного служения своему делу, по крайней мере, в отдельных случаях это было не совсем так. Архив ревтрибунала содержит материалы, свидетельствующие о привлечении сотрудников названных органов к уголовной ответственности за деяния, которые в более поздний период будут квалифицироваться как измена родине в форме выдачи врагу сведений, составляющих государственную тайну³⁶³. Примечательно, что в двух из трёх приводимых ниже случаях фигурантам дел удалось уйти от ответственности. Единственное же лицо, признанное решением суда виновным, получило смехотворное по меркам недалёкой уже сталинской эпохи наказание.

Машинистка Вятской губЧК В.И. Кононенко (19 лет, беспартийная), вопреки известным ей правилам, передала по просьбе знакомой записку арестованному. Она также предоставила счетоводу финансового отдела И.В. Отруганьеву сведения о деле жены его квартирного хозяина, которому тот желал оказать любезность. Кроме того, Кононенко, несмотря на неоднократные предупреждения секретаря – члена коллегии ГубЧК, отказывалась ходить на обязательные для машинисток вечерние занятия и подговаривала к этому других

³⁶² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1260. Л. 75.

³⁶³ См. УК РСФСР, введённый 22 ноября 1926 года постановлением ВЦИК, с последующими изменениями.

машинисток. В приговоре от 4 ноября 1919 г. указывалось что «такие действия служащих в советских учреждениях, а тем паче в Чрезкомиссии, наводят беспорядок и дезорганизуют работу в учреждениях в тот момент, когда требуется высшая степень напряжения и планомерная работа...»³⁶⁴. Отруганьев по суду был оправдан, Кононенко отправлена на месяц в концлагерь.

Отдельные случаи совершения должностными лицами «органов» преступлений против интересов службы без признаков выдачи служебной тайны носят детективно-авантюрный характер. Так, начальник Советской уездной милиции А.А. Сунцов (32 года, беспартийный) явился 2 января 1919 г. в театр в пьяном виде. Задержанный красноармейцами и помещённый под арест, Сунцов 6 января бежал из дома заключения, захватив с собой 1763 рубля «народных денег». Новому аресту Сунцов подвергся лишь 6 июля 1919 г., при предъявлении подложных документов. По приговору революционного трибунала Вятки от 22 августа 1919 г. он был отправлен на один год общественных работ в тыловом ополчении при концлагере, однако уже в ноябре 1919 г. был освобожден по состоянию здоровья³⁶⁵.

В ряде случаев фигуранты дел привлекались к судебной ответственности за преступно-недобросовестное отношение к служебным обязанностям, а в отдельных случаях и за нарушение этических норм поведения на рабочем месте. Е.Е. Королёв, начальник милиции 3 участка Котельничского уезда в августе 1918 г. «в бытность свою старшим агентом на ст. Котельнич по охране железной дороги, освободил из дежурной комнаты задержанного китайца, который вез из Петрограда: табак, синку, одеколон и кокаин. На табак и синку у него имелось удостоверение на право покупки...а на остальные ничего не имелось»³⁶⁶. Приняв во внимание, что преступление Королёвым было совершено почти годом ранее, следственная комиссия ревтрибунала, вернувшаяся к этому делу в июне 1919 г., применила к Королеву амнистию 6-го Всероссийского съезда Советов.

³⁶⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 933. Л. 48.

³⁶⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1166. Л. 52.

³⁶⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 963. Л. 62.

Не избежали сотрудники «органов» и обвинений в преступной халатности, выразившейся в небрежном несении караульной службы. Вместе с тем, и в этом случае привлекаемые к ответственности сотрудники либо полностью оправдывались, либо признавались лишь косвенно виновными в произошедшем.

Милиционер-сторож [надзиратель] при арестном помещении 1 района Вятской городской милиции Я.В. Боровик (51 год) в марте 1919 г. допустил по неосторожности побег двух лиц обвиняемых в совершении уголовных преступлений. Следствием была доказана невиновность Боровика, на основании чего 26 августа 1919 г. дело за отсутствием состава преступления было прекращено³⁶⁷. Во время дежурства младшего милиционера А.С. Домнина (38 лет) при арестном помещении 1 района Вятской городской милиции был совершен побег арестованного через ватер-клозет. Комиссия для выяснения обстоятельств побега, созданная из представителей ГубЧК, губернской и городской милиции, пришла к выводу, что Домнин не является прямым виновником побега. Дело в отношении милиционера 14 августа 1919 г. было прекращено³⁶⁸.

Таким образом, анализ составов должностных преступлений среди сотрудников правоохранительных органов, рассмотренных Вятским губернским революционным трибуналом в 1918–1922 гг. свидетельствует о том, что в указанный период практика данного судебного органа оказалась достаточно многообразной, как по количественным показателям – рассмотрено 84 дел, так и по качественным – рассматривались дела связанные с превышением должностных полномочий («неправильные действия по службе»), преступлениями корыстной направленности, а также различного рода правонарушения, направленные против интересов службы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что к ответственности привлекались все категории сотрудников милиции и органов ЧК — от рядовых работников, до руководителей региональных структур. В отсутствии достаточной и единой нормативной базы к уголовной ответственности привлекались сотрудники, как за совершение тяжких преступлений, так и

³⁶⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 774. Л. 36.

³⁶⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 744. Л. 61.

виновные в деяниях находящихся не столько в правовой области, сколько в области нравственно-этической. Последнее в большинстве случаев вытекало из повышенных требований, предъявляемых к членам большевистской партии.

Высокий, относительно других выделенных категорий, уровень преступлений, связанных с превышением должностных полномочий обусловлен, как представляется, не столько упомянутым выше отсутствием нормативной базы (объективный фактор), но в гораздо большей степени низким профессиональным и культурным уровнем сотрудников, из которых лишь единицы имели образование выше начального. В меньшей степени здесь имел значение и фактор «революционной эйфории» оправдывающей употребление любых средств во имя достижения «святых» целей революции (субъективный фактор). В отдельных случаях можно говорить о психологической патологии (Ларионов).

Что же касается высокого уровня правонарушений корыстной направленности, то он в значительной мере обуславливался низким уровнем материальной обеспеченности сотрудников «органов». Подтверждением этому служит тот факт, что изблещенные в этом грехе даже руководители целых подразделений и структур, совершая преступление, преследовали цель не столько обогащения и приобретения для себя избыточного, сколько получения того жизненно необходимого, без чего было трудно обойтись. По крайней мере, это так трактовалось.

Как видно из приведенного выше материала, борьба с должностными преступлениями велась с переменным успехом. Важно то, что она носила систематический и упорный характер, не позволяя этому социальному злу перейти определенные, губительные для государства и общества пределы. Вместе с тем, эффективность ее нередко снижалась попустительством, излишне мягкими приговорами, особенно в случаях, связанных с недобросовестным исполнением служебных обязанностей и соблюдением воинской (милицейской, чекистской) дисциплины.

Еще одним направлением в рамках борьбы с должностными

правонарушениями являлась борьба с пьянством. Острейшая необходимость поддержания дисциплины и порядка в промышленности и сельском хозяйстве, в вооружённых формированиях и органах управления на контролируемых территориях, положить конец «гибельному процессу развала продовольственного дела страны» побудило власть принять в экстренном порядке ряд нормативных актов, регламентирующих вопросы предупреждения и пресечения незаконного производства и оборота алкоголя.

Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» на всей территории РСФСР вводился запрет употребления, изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ. В тех случаях, когда подозреваемыми в совершении преступлений выступали должностные лица, проведение следствия и судебного разбирательства становилось компетенцией ЧК и революционных трибуналов соответственно.

В настоящее время сложно утверждать насколько радикально поменялось отношение населения российских губерний к употреблению алкоголя по мере вступления вышеуказанного Постановления в законную силу. Вместе с тем, судебная практика вятского ревтрибунала свидетельствует о том, что даже лица, занимающие в иерархии новой власти немалые посты, выступающие во многом как лицо нового политического режима, далеко не всегда могли послужить образцом нового, «большевистского» отношения к старой пагубной страсти. Показательным является то, что из общего числа уголовных дел, связанных с должностными преступлениями, рассмотренных только в 1920 г. Вятским ревтрибуналом — 225, пятая часть (50) относилась к правонарушениям в сфере незаконного оборота алкоголя.

В самом первом приближении материалы «алкогольных» дел указывают на то, что посвящены они большей частью такому весьма банальному феномену как бытовому пьянству или его разновидности — пьянству на рабочем (служебном)

месте (всего 32 рассмотренных случая). Производит впечатление диапазон появлений, связанных с противозаконным винопитием — от тщательно законспирированного употребления зелья, до разнузданного пьянства с последующим совершением действий хулиганского, иного противоправного характера. Так, милиционер Малмыжского уезда Попов, отмечая с соседом покупку лошади, пили кумышку ночью, «чтобы не заметили»³⁶⁹. С другой стороны, заведомо народного образования Собровин, часто употребляя на работе, имел слабостью катания с учительницами на лошадях. Тех же школьных работников, кто отказывался участвовать в его загулах, переводил в другие школы без учёта их семейных и других интересов³⁷⁰. Не отставал от руководителя народного образования и председатель волисполкома Лялин, который оказавшись пьяным на деревенском празднике, пел в присутствии девиц сквернословные частушки, ругался площадной бранью, бросался на людей с кулаками и по окончании вечера уснул во дворе крестьянина на куче навоза, чем «дискредитировал советскую власть и себя как члена РКП (б)»³⁷¹.

Под судом трибунала оказывались и ответственные работники, оказавшиеся неспособными выполнять свои непосредственные обязанности вследствие злоупотребления алкоголем: народный судья Сарапульского уезда Климовских, приняв участие в распитии совместно со старшим милиционером Беляевым конфискованной кумышки, не смог провести разбор назначенных на следующий день дел³⁷². Подобным же образом отметился и экспедитор Вятского губернского совнархоза Дементьев, командированный на пристань Медведки для отправки пяти тысяч пудов льна и кудели в Сарапул. В распоряжение Дементьева местными властями было выделено триста подвод, но экспедитор смог появиться в пригодном для ведения дела виде только на следующий день. Дискредитация советской власти была налицо — крестьяне, выделявшие гужевой транспорт,

³⁶⁹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2623. Л. 6.

³⁷⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2782. Л. 8, 8(об.).

³⁷¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2366. Л. 28.

³⁷² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1762. Л. 4.

«открыто возмущались и их трудно было заставить выехать на другой день»³⁷³.

В отдельных случаях коллективные возмущения становились причиной жёстких конфликтных ситуаций, имевших самое драматическое завершение: в результате перепалки между группой продармейцев, следовавших на подводах через деревню Лажьял Сернурской волости, и её жителями, отмечавшими праздник Мари Семик (национальный марийский праздник), в числе которых находились представители местного советского актива, возникла ссора, вызванная упрёками в адрес селян в том, что они пьяны, а «кумышку ни пить, ни варить нельзя». В итоге продармейцы подверглись яростному нападению, при этом один из нападавших был застрелен, а начальник продотряда в свою очередь оказался забит местными насмерть³⁷⁴.

В условиях нестабильности товарно-денежных отношений в стране алкоголь нередко выступал в качестве средства платежа (предмета взятки) за незаконное оказание должностными лицами различного рода услуг: волостной военком Лаптев получил от обнаруженного им дезертира Кислицина откупные в виде двух пудов муки, картофеля и самогона³⁷⁵. По материалам другого дела заведующий Губмеха Миронов организовал два пикника (попойки) за р.Вяткой для сотрудников Вятской ГубЧК Леушина, Моисеева и Коршунова с целью «облегчения участи брата арестованного чекистами»³⁷⁶.

Значительное место работе ревтрибунала занимают дела о превышении должностными лицами своих полномочий, самоуправстве, халатности, растрате и вымогательстве. Безусловно, алкогольная тема нашла отражение и в этих материалах: волостной уполномоченный по продовольствию Шумилин, командированный в Нолинский уезд для проведения продразвёрстки, зашёл ночью пьяным в дом к священнику Лалетову и потребовал подать обед с жареным мясом, под угрозой оружия заставлял того пить кумышку и петь песни. Члены волисполкома Грухов, Слотин и Шумихин постоянно «спаивали Шумилина

³⁷³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1976. Л. 5, 5(об.).

³⁷⁴ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3226. Л. 75.

³⁷⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2334. Л. 7.

³⁷⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3225. Л. 3.

кумышкой» и не оказывали ему какой-либо помощи в проведении продразвёрстки. В общении с крестьянами они говорили, чтобы те «молились за то, что мы поим Шумилина, иначе весь хлеб был бы уже изъят»³⁷⁷. Классической, хрестоматийной ситуацией стало использование своего должностного положения для добывания выпивки: заведующий уездным ссыпным пунктом Осокин выдавал известному ему крестьянину по поддельному ордеру муку и требовал под угрозой расстрела на месте сварить кумышки. Полученный таким образом напиток Осокин распивал с другими служащими ссыпного пункта. Кроме того, Осокин, будучи пьяным, имел привычку заходить в дома к крестьянам и «угрожая револьвером и бомбой» требовал самогона³⁷⁸.

Обращает на себя внимание то, что при всей бескомпромиссности борьбы с незаконным оборотом алкоголя наказания лиц привлекавшихся к ответственности редко оказывались суровыми. В подавляющей массе случаев трибунал ограничивался наказанием скорее формальным, нежели действительным. Часто при назначении наказания в виде одного-двух лет лишения свободы осуждённые в течение ближайших месяцев подвергались амнистированию. При этом, трибуналом в качестве смягчающего вину обстоятельства учитывалось социальное происхождение осуждённого. Довольно часто в отношении привлечённых к ответственности лиц выносился оправдательный, либо крайне мягкий приговор, даже в тех случаях, когда он сопровождался формулировкой о дискредитации советской власти и партии большевиков. В этой связи напрашивается вывод о том, что отношение ревтрибунала к нарушителям антиалкогольного законодательства было весьма либеральным ввиду того, что оказываемый профилактический эффект представлялся достаточным, к тому же время жёстких решений в стране в отношении «своих» пока ещё не наступило.

Несмотря на введение военного положения на территории губернии отношение власти к выходцам из своих рядов было выражено либеральным: в большинстве случаев лица, совершившие неоднократные преступления, которые

³⁷⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3209. Л. 86.

³⁷⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1723. Л. 23.

оценивались как действия дискредитирующие, советскую власть, получали лишь символическое наказания. Вместе с тем с началом летом 1918 г. Гражданской войны происходит некоторое ужесточение применяемых трибуналом санкций в отношении виновных в должностных преступлениях (в 1918 г. выносится единственный в этом году «расстрельный» приговор; в 1919–1920-х гг. их количество увеличивается до 36, в 1921–1922 – 18). Однако в связи с эскалацией военных действий в стране (1919–1920), переполненностью тюрем, возникновением феномена «кадрового голода» в советских партийных органах лица, признанные виновными в превышении властных полномочий, подвергались в скорейшем времени амнистированию.

Действия привлечённых трибуналом к ответственности советских работников характеризовались их низким уровнем личной и правовой культуры. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев совершение должностных преступлений сопровождалось употреблением спиртных напитков, что в свою очередь влекло за собой соответствующего рода проступки (хулиганство, половая разнузданность и пр.).

§3. Рассмотрение дел, связанных с дезертирством военнослужащих

Изначально создаваемым для борьбы с контрреволюцией революционным трибуналам в условиях Гражданской войны приходилось расследовать совершенно разные преступления. В 1919 г. опасность для власти стала представлять проблема дезертирства. Статистические данные говорят о том, что за период с октября 1918 г. по апрель 1919 г., когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн. человек, не явилось на призывные пункты 917 тыс. человек³⁷⁹. 1919 год – это период активной фазы Гражданской войны, связанный, в том числе, и с наступлением Колчака, советскому правительству необходимо было не допустить разложения армии и дать отпор врагу.

Первые меры по борьбе с дезертирством, принятые еще в 1918–начале 1919 г. сразу не дали нужного эффекта: за весь 1919 г. число дезертиров из Красной армии составило 1 761105 человек³⁸⁰. 3 июня 1919 г. вышло новое постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны «О мерах к искоренению дезертирства», по которому дела о дезертирах переходили, в том числе, в ведение революционного трибунала (совместно с губернской комиссией по борьбе с дезертирством, полковыми судами, народным судом).

Необходимо отметить, что во время Гражданской войны понятие «дезертир» толковалось расширенно и включало в себя все формы уклонения: самовольное оставление части, неявка на призывной пункт, побег из отряда, направлявшегося в часть, уклонение другими способами (членовредительство, подделка документа). В архивных материалах такого разделения нет, поэтому количественные показатели дезертирства весьма относительны. В практике революционного трибунала Вятки существовало деление на злостных и не злостных дезертиров³⁸¹.

Вятская губерния в 1918–1919 гг. являлась прифронтовой зоной, соответственно дезертирский вопрос здесь стоял особенно остро. В Вятке еще в течение февраля 1919 г. было создано 8 военных ревтрибуналов при уездных

³⁷⁹ Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 109.

³⁸⁰ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. С. 30, 31.

³⁸¹ Злостный – тот, кто находился в отлучке более 14 дней, бежавшие 2 или более раз, оказавшие сопротивление при задержании, использовавшие подложный документ, унесшие с собой казенные вещи.

военкоматах. Для рассмотрения кассационных дел при Губернском военкомате был создан также Военный ревтрибунал³⁸². Его председателем был назначен Николай Степанович Пятков, до этого занимавший должность комиссара юстиции, одним из членов трибунала был Иван Петрович Злобин (будущий председатель ревтрибунала в 1921 г.), а секретарем – Константин Алексеевич Палкин (следователь-докладчик при ревтрибунале с июля 1921 г.). По данным В.А. Манылова, с 6 февраля по 18 апреля 1919 г. во всех уездах Вятской губернии было задержано и добровольно явилось 8732 дезертира. Этот же автор приводит статистические сведения о результативности работы Вятского военного ревтрибунала: с 5 февраля по 11 июля 1919 г. данный судебный орган рассмотрел 1892 дела, самой распространенной мерой наказания являлся штраф³⁸³. К осени 1919 г. указанные трибуналы на территории Вятской губернии прекратили свою работу. Также в это время дезертирские дела решали полковые суды, крайне редко – народные суды.

Для борьбы с уклонением от службы еще в 1919 г. была создана Губернская комиссия по борьбе с дезертирами (Губкомдезертир), а на местах – уездные комиссии. После выхода постановления от 3 июня 1919 г. «О мерах...» дела о дезертирах стали поступать в следственную комиссию при ревтрибунале Вятки: в июле – 21 дело (обвиняемых – 58), в августе – 79 (146), в сентябре – 25 (112), в октябре – 22 (59)³⁸⁴.

В 1919 г. в Вятский губернский революционный трибунал поступило около 300 дезертирских дел, для сравнения, дел о контрреволюции – 180, должностных превышениях – 200. Дезертирское дело отличалось от других и велось по упрощенной схеме: отсутствие показаний свидетелей, повторных допросов следователем ревтрибунала, судебных прений. Судебно-следственное дело включало в себя: анкету дезертира, составленную уездной комиссией, где указывались помимо биографических сведений, военная часть из которой

³⁸² Манылов В.А. Вятская Фемида: Военно-судебная система. Вып. 1. С. 30.

³⁸³ Там же. С. 31.

³⁸⁴ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Л. 228, 232, 234, 236.

совершен побег, причина побега, срок уклонения, место, где укрывался; постановление о привлечении к ответственности, где кратко описывался состав правонарушения; приговор ревтрибунала.

В конце июля 1920 г. при Губернской комиссии по борьбе с дезертирами был открыт отдел Вятского губернского революционного трибунала³⁸⁵. Председателем отделения был назначен Николай Анатольевич Бабалов, членами – Оленев и Боровиков. В отчете за 19 августа 1920 г., представленном в Вятский губернский ревтрибунал, указывается, что за период от создания отделения по 18 августа значится поступившими в производство 65 дел: 62 дела о злостных дезертирах³⁸⁶, одно дело об укрывательстве, 2 – остальные. По решению отделения трибунала 7 человек было оправдано, 80 осуждены. Из виновных к лишению свободы (на срок от 1 года до 5 лет) были приговорены 22 человека, осуждены условно с немедленным отбытием на фронт 52 человека, в штрафную роту отправлено 4 человека, двое были освобождены. Дела рассматривались в упрощенном порядке, т.е. в распорядительных заседаниях, когда же требовался вызов обвиняемых – в судебных заседаниях, но не позднее 4-7 дней с момента заведения дела³⁸⁷.

В целях усиления борьбы с дезертирством с июня 1920 г. Сарапульский революционный трибунал был реорганизован исключительно для работы с делами дезертиров. В делопроизводственных документах он стал именоваться как Сарапульское отделение Вятского губернского революционного трибунала по осуждению дезертиров. Сменился и председатель – 17 июня 1920 г. им был назначен Васильев³⁸⁸. Членами трибунала являлись Фалалеев и Дуров. Этот состав был постоянным и несменяемым³⁸⁹.

Трибунал Сарапула был связан с Уездной комиссией по борьбе с дезертирством (далее – уездкомдезертир). Комиссия вычисляла дезертиров, а также их укрывателей, расследовала их дела, а трибунал только рассматривал их в

³⁸⁵ ГАРФ, Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 44. Л. 35.

³⁸⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 311. Л. 16.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 284. Л. 4.

³⁸⁹ Там же. Л. 80.

судебном заседании и выносил приговор. После вынесения приговора и назначения наказания (оправдательных вердиктов практически не было) под конвоем дезертиры возвращались обратно в уездкомдезертир, которая отправляла их на место отбытия наказания.

Отделение по борьбе с дезертирством Вятского губернского ревтрибунала совершало выездные судебные сессии в уезды. В конце августа – начале сентября 1920 г. Н.А. Бабалов и Оленев были командированы в Котельнич, Яранск, Нолинск, Советск и Уржум³⁹⁰. В Котельниче было рассмотрено 17 дел. К лишению свободы было приговорено 14 человек (12 за дезертирство, 1 за укрывательство, 1 за пьянство и дебош)³⁹¹. В Яранске в судебном порядке было разобрано 68 дезертирских дел и 7 дел об укрывательстве. 88 человек было приговорено к лишению свободы при Вятском исправительном рабочем доме (84 за дезертирство и 4 за укрывательство), 13 дезертиров и 3 укрывателя были осуждены условно, 1 дезертир подвергся общественному порицанию³⁹². С 1 по 7 октября 1920 г. в Уржуме было рассмотрено 21 дело о 46 дезертирах и укрывателях. К лишению свободы были приговорены 33 дезертира, осуждены условно 13³⁹³. Выездные сессии нередко проводились как суды-митинги, что выполняло и воспитательную функцию³⁹⁴.

Чтобы облегчить работу отделения ревтрибунала при Вятской губкомдезертир, часть полномочий в октябре 1920 г. была передана Сарапульскому отделению. А именно, ему было отведено обслуживать районы Сарапульский, Малмыжский, Ижевска и Воткинска³⁹⁵. Постановлением распорядительного заседания Вятского губернского трибунала от 21 октября «Васильеву выдать мандат, как председателю Специальной сессии в этих уездах... вместе с имеющимися на местах 2 членами, утвержденными исполкомом и

³⁹⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 371. Л. 117, 118, 119.

³⁹¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 311. Л. 5.

³⁹² Там же. Л. 7.

³⁹³ Там же. Л. 8.

³⁹⁴ Л.Ф. Васильева. Борьба с дезертирством в годы Гражданской войны как одно из направлений укрепления морального духа РККА // Гражданская войны в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Сб. мат. науч. конф. С. 211.

³⁹⁵ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 269. Л. 25.

уездкомдезертир, разобрать дезертирские дела на месте»³⁹⁶. Известно, что Сарапульское отделение совершало ежемесячные выездные сессии для разбора дел в Малмыж³⁹⁷.

Трибунал Сарапула, в основном, приговаривал бывших дезертиров к отбытию в штрафную роту. Срок варьировался от 1 месяца до 3-х лет. Меньшей части дезертиров давали условные приговоры с отбытием их немедленно на фронт. Дела, не связанные с дезертирством, рассматривал губернский трибунал Вятки.

За период с 16 по 31 октября 1920 г. отделение трибунала при Губернской комиссии по борьбе с дезертирством рассмотрело 35 дел о 65 дезертирах и 4 укрывателях³⁹⁸. С 1 по 15 ноября 1920 г. было решено 11 дел о 22 дезертирах и 6 дел о 12 укрывателях³⁹⁹. Большинство дезертиров было приговорено к заключению в Вятский исправительный рабочий дом или осуждены условно; и те, и другие – с последующей отправкой на фронт.

После выхода постановления о ноябрьской амнистии в Вятском отделении трибунала по борьбе с дезертирством начинается работа по применению закона в жизнь. К концу ноября были освобождены от наказания и ушли на фронт 331 человек, сокращен срок 11 бывшим дезертирам⁴⁰⁰. На каждом распорядительном заседании вплоть до декабря 1920 г. практически все дезертиры были амнистированы, т.е. освобождены от наказания и должны были немедленно отправиться на фронт. Поток дезертирских дел не уменьшился и к концу 1920 г.: 29 декабря 1920 г. в судебном заседании разбору подлежали 7 дел о дезертирах, 30 декабря – 5 дел, 31 декабря – 4⁴⁰¹. Всего в 1920 г. Вятский губернский ревтрибунал и его отделение при губернской комиссии по борьбе с дезертирством рассмотрели около 500 дел⁴⁰².

Способы и формы уклонения от военной службы были различны.

³⁹⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 269. Л. 25.

³⁹⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 284. Л. 65.

³⁹⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 311. Л. 9.

³⁹⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰⁰ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 280. Л. 71.

⁴⁰¹ Вятская правда. 1920. № 204. С. 2.

⁴⁰² На основании: ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1664-3422.

Некоторые дезертиры бежали, даже не успев послужить. К примеру, Степан Сергеевич Стародумов, житель Нолинского уезда, 34 лет, 2 мая 1919 г. был мобилизован в ряды Красной армии. По пути следования в Вятку он «отстал от партии мобилизованных и, вернувшись домой через несколько дней, сообщил в исполком, что, будто он освобожден на 2 месяца». Чтобы не служить наверняка, Стародумов скрывался в лесах до 14 сентября 1919 г., пока не узнал о задержании своей жены, как родственницы дезертира⁴⁰³.

Никита Егорович Суманев, житель Котельничского уезда, был мобилизован в Красную армию в феврале 1920 года, на призыв не явился и скрывался в лесу, «продукты и продовольствие получая от матери». В июле 1920 г. ими было справлено фиктивное удостоверение, «дабы предотвратить описанное волвоенкомом и подлежащее конфискации имущество, как родственницы дезертира», с коим Никита Егорович пришел в военкомат, где и был задержан⁴⁰⁴.

Были и те красноармейцы, кто, уйдя в отпуск, искали способы более не служить. Житель Слободского уезда Якимов был уволен в краткосрочный отпуск в апреле 1920 г., в это время заболел «образовавшимся нарывом на руке». 15 мая 1920 г. он отправился в Слободской уездный военкомат, был отправлен на излечение в Полевой Запасной госпиталь, где было установлено, что красноармеец сам себе сделал рану и «залил туда керосина»⁴⁰⁵.

Крайне распространенным способом уклонения от воинской службы было внесение исправлений в документ или его потеря. Павел Дмитриевич Кашин, красноармеец, был отпущен в отпуск по болезни на 1 месяц, «стал вымышлять план неявки на службу». В личной карточке изменил срок отсрочки с 1 месяца на 11, приписал, что не годен для службы. Скрывался 2 месяца, объяснив, что во время отлучки как незаменимый работник трудился на мельнице⁴⁰⁶. Во всех вышеперечисленных примерах мерой наказания дезертира является немедленное отправление такового на фронт.

⁴⁰³ ГАКО, Ф. Р. 1322. Оп. 1а. Д. 1298. Л. 4

⁴⁰⁴ ГАКО, Ф. Р. 1322. Оп. 1а. Д. 2194. Л. 8.

⁴⁰⁵ ГАКО, Ф. Р. 1322. Оп. 1а. Д. 2128. Л. 3.

⁴⁰⁶ ГАКО, Ф. Р. 1322. Оп. 1а. Д. 906. Л. 5.

В условиях обострения Гражданской войны весной 1920 г. приговоры по дезертирам отличались особой строгостью. Так, 8 июня 1920 г. на выездной сессий в Котельниче к высшей мере наказания за дезертирство, подделку документов и выработку поддельных печатей были приговорены жители Ключевской волости Иван Иванович Глушков и Ефим Федорович Вагин⁴⁰⁷.

15 июня 1920 г. в Вятском губернском революционном трибунале слушалось дело об изготовителях подложных документов. Следствие выявило, что гражданин Машковцев, член коммунистической партии, занимавший место политического агитатора, в марте и апреля 1920 г. вместе с красноармейцем Житлухиным стали фабриковать от имени 30-го эвакуационного пункта фальшивые документы о болезни красноармейцев и направлять их в 411 военный госпиталь. Посредником между красноармейцами и Машковцевым был Житлухин. Таких красноармейцев, желавших избавиться от военной службы, нашлось 5 человек. За освобождение от военной службы они заплатили по 40 тысяч рублей. Машковцеву удалось скрыться, он был объявлен вне закона и приговорен к расстрелу. Житлухин был также приговорен к расстрелу, но за применением к нему первомайской амнистии, высшая мера была заменена ему 5-им заключением в Вятский исправительный рабочий дом. Красноармейцы, пытавшиеся уклониться от военной службы, были заключены в штрафную часть при Вятском губернском военкомате на 1,5 года каждый⁴⁰⁸.

Основной причиной уклонения от службы (более половины случаев), указанной в анкетах дезертира, являлось плохое снабжение армии («ушел за хлебом»), на втором месте – необходимость помочь дома по хозяйству, на третьем – отсутствие теплого обмундирования.

Помимо вылавливания и осуждения дезертиров советское правительство старалось привлечь к данной проблеме и самих крестьян. В «Вятской правде» в 1920 г. неоднократно публиковались статьи, призывающие вести активную борьбу с дезертирами. Например, в № 59 за 10 июля была напечатана статья «На борьбу с

⁴⁰⁷ Вятская правда. 1920. № 3. С. 4.

⁴⁰⁸ Там же. № 45. С. 4.

дезертирством»: «...дезертир является предателем вдвойне. С одной стороны он предает своих братьев и отцов, сражающихся на фронте, с другой свою семью и своих односельчан, которые должны лишаться из-за него своего имущества. ... Весь трудовой народ Советской республики должен оказывать помощь рабоче-крестьянской власти в вылавливании дезертиров»⁴⁰⁹.

В противном случае наказаниям за укрывательство дезертиров нередко подвергались целые деревни. Например, деревня Югрино Югринской волости за укрывательство дезертира Ф. Югина была подвергнута штрафу в 100000 рублей, при несостоятельности таковой штраф был заменен конфискацией трех коров⁴¹⁰.

О результативности вышеперечисленных мер говорит то, что со второй половины 1920 г. дезертирство пошло на убыль. Этому способствовала налаженная за годы войны система контроля за личным составом Красной армии, а также безусловная ответственность за дезертирство. По декрету СНК «О борьбе с дезертирством» от 2 февраля 1921 г. дезертирские дела были переданы в народный суд.

Отношение крестьянского населения к проблеме дезертирства на протяжении 1919–1920 гг. было определено разным. В газете «Вятская правда» от 30 июля 1920 г. в небольшой заметке можно прочесть просьбу крестьянина Рыбаковской волости Глазовского уезда: «Я не желаю, чтобы у нас в деревне были дезертиры, и прошу выслать отряд для задержания граждан Русаковых...»⁴¹¹

Совершенно противоположную точку зрения описали в своем отчете сотрудники ОРТЧК ст. Вятка I. Оказавшись в августе 1920 г. с обследованием на ст. Юрья, они зашли в ближайшие деревни, представившись при этом дезертирами. Как указано в отчете: «Крестьяне давали нам полное содействие во всем, как в пище, так и в указании пути следования»⁴¹². В беседе «мужики признались, что нет оружия, а то бы сделали выступление», предложили показать

⁴⁰⁹ Вятская правда. 1920. № 59. С. 3.

⁴¹⁰ Там же. №136. С. 2.

⁴¹¹ Там же. № 75. С. 3.

⁴¹² ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2199. Л. 125.

путь, где таятся целые вооруженные организации дезертиров⁴¹³.

Основным наказанием, которое применял Вятский губернский революционный трибунал и его отделение при Губернской комиссии по борьбе с дезертирством, являлось отправление нарушителя на фронт (более 80% случаев), нередко это сопровождалось условным лишением свободы, лишением свободы на несколько месяцев с последующей отправкой в Красную армию. Подобная адекватность, в некоторой степени мягкость приговоров трибунала Вятки в отношении лиц, уклонявшихся от военной службы, способствовала некой стабилизации советской власти в деревне, об этом можно судить и по тому, что активной реакции крестьян (восстаний) на действия чрезвычайного суда не наблюдалось. Однако и о полном содействии правительству большевиков в Вятской губернии говорить было рано: возмущение и недовольство крестьян, безусловно, были, и проявлялись, в основном, в разговорах контрреволюционного характера между собой.

⁴¹³ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2199. Л. 125.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приход к власти большевиков одним из своих следствий имел реорганизацию процесса управления и создание новых органов, в том числе в области следствия и судопроизводства. В условиях военного противостояния с врагами советского режима правительство пошло по пути формирования чрезвычайных судебных органов. Ими стали губернские революционные трибуналы, образованные на местах, в том числе и в Вятке, на протяжении периода конца 1917 – начала 1918 гг.

Вятский губернский трибунал был создан в январе 1918 г. Изначально главной его задачей, согласно декрету о суде и первым инструкциям о ревтрибуналах, являлась борьба с контрреволюцией. Однако на практике он занимался судом и следствием и по другим категориям дел: должностные преступления (взяточничество, растрата, хищение), воинские правонарушения (дезертирство), общеуголовные (кражи, бандитизм). Последние составляли около половины дел в 1918 г., что было обусловлено слабостью системы народных судов в губернии. При анализе отчетов о деятельности трибунала за 1918 г. выясняется, что на этом этапе основными наказаниями являлись штрафы и принуждение к общественным работам. Соответственно, нередко тиражируемый в СМИ образ революционного трибунала как свирепого судебного органа, активного субъекта «красного террора», в Вятской губернии, по крайней мере, на протяжении этого года, слабо соотносится с истинным положением дел.

За 5 лет своего существования Вятский губернский революционный трибунал рассмотрел более 3 тыс. дел, активно включившись в борьбу с теми видами преступных деяний, которые представляли особую опасность для властей региональных и федеральных. В условиях Гражданской войны особо остро стоял вопрос о дезертирах: с 1919 г. данные дела в РСФСР были отнесены к подсудности революционных трибуналов, что произошло и в Вятке. Кроме того, в губернии были созданы два отделения трибунала исключительно для разрешения дезертирских дел. Как было выяснено, мягкость приговоров трибунала Вятки в

отношении лиц, уклонявшихся от военной службы, способствовала некой стабилизации советской власти в деревне, об этом можно судить и по тому, что активной реакции крестьян (восстаний и иных явных проявлений недовольства) на действия чрезвычайного суда не наблюдалось.

1920 г. был ознаменован началом продовольственного кризиса, что в свою очередь наложило отпечаток на содержание деятельности ревтрибунала. В помощь продовольственным органам с конца 1920 г. создавались специальные продовольственные выездные судебные сессии, которые на местах решали данные дела, выполняя, в том числе, профилактическую функцию.

За весь период существования ревтрибунала Вятки первое место по количеству разобранных им дел занимают должностные правонарушения (см. Приложение 24). Коррупция, несомненно, была фактором, дестабилизирующим власть в регионе, и изнутри подрывала советский строй. Однако, наказания, применяемые ревтрибуналом Вятки к должностным лицам, совершившим такого рода преступления, носили преимущественно мягкий, воспитательный характер, что во многом было предопределено кадровым голодом в стране.

На втором месте по делам, расследуемым ревтрибуналом, находятся контрреволюционные дела. Выяснено, что в губернии основным видом этого направления являлась агитация против Советской власти, которая была неоднородна в своих проявлениях. При подробном рассмотрении данного термина (агитация против советской власти) можно прийти к выводу, что он включал в себя и реальные призывы к свержению власти, и повседневные разговоры между людьми о недовольстве жизненными условиями, в чем, конечно, обвиняли власть, но к ее свержению не стремились. Борьба с контрреволюцией велась совместно с ГубЧК, которая через разветвленную сеть агентуры и практику доносов выявляла недовольных властью. Быстрое реагирование ГубЧК и ревтрибунала Вятки способствовало снижению «инакомыслия», небольшому числу волнений в губернии и стабилизации власти большевиков в регионе.

Основным наказанием по данным делам являлось лишение свободы на срок

до 3 лет с выполнением общественно-принудительных работ, зачастую условно. Такая довольно «мягкая» позиция чрезвычайного судебного органа, на наш взгляд, может быть связана с такого рода обстоятельствами:

1) подавляющее большинство нарушителей являлось необразованными крестьянами (формулировки «представитель бедноты», «преступление совершено по малосознательности», «в связи с низким уровнем развития» и пр.), для которых, как нам представляется, сам факт привлечения к суду уже давал определенный воспитательно-профилактический эффект;

2) свою роль играло крестьянское происхождение и судей и подсудимых, порождавшее сострадание к землякам, понимание крестьянских бед и причин недовольства; и те и другие выступали носителями крестьянского сознания, которое еще не было основательно вытеснено классовой идеологией воинствующего (в условиях военного противостояния), вульгаризированного марксизма;

3) как было выяснено, возраст сотрудника (следователя, судьи) трибунала был около 25 лет, к суду же ревтрибунала привлекались лица старше данного возрастного показателя (старше 30), поэтому не исключается влияние фактора уважения к старшим, характерного для крестьянской ментальности;

4) свою роль, несомненно, играло и то обстоятельство, что основное место заключения – Вятский исправительный рабочий дом уже с середины 1919 г. был переполнен;

5) имело место опасение чрезмерно жесткими решениями, излишне суровыми приговорами (причем определение степени суровости в контексте преимущественно практикуемого традиционного права было во многом субъективным) спровоцировать всплеск недовольства властью в среде сельского и городского рабочего населения.

Во второй половине 1920 г. начался процесс сокращения полномочий трибуналов, они все более обретали черты обычных органов правосудия. Стабилизация внутренней обстановки к 1922 г. и переход к НЭПу привели к

необходимости ликвидации системы революционных трибуналов, что и было сделано в ходе судебной реформы.

Чрезвычайный характер Вятского губернского революционного трибунала как судебного органа на протяжении всех лет его существования задавался условиями иностранной военной интервенции и Гражданской войны, был обусловлен тяжелой экономической обстановкой в стране и проявлялся в широких полномочиях следователя и судьи при ведении следствия и вынесении приговора и неограниченности в выборе наказания (вплоть до смертной казни).

Порядок судопроизводства в Вятском губернском революционном трибунале также был выстроен в соответствии с его чрезвычайным статусом. Он складывался из проводимого членами следственной комиссии или ЧК расследования, предварительного рассмотрения дела, где зачитывался обвинительный акт (распорядительного заседания) и судебного разбирательства с участием обвинителей и защитников. Для всех стадий судопроизводства характерно непрофессиональное изложение фактов дела, использование разговорного, а не юридического языка. Состязательность как неукоснительный принцип судопроизводства была отвергнута: судья в некоторых случаях использовал свое полномочие – не допускать на судебное рассмотрение дела защитника, если считал вину подсудимого полностью доказанной.

Определение меры наказания зависело не только от тяжести преступления, но и от социального происхождения преступника, заслуг перед властью: представитель крестьянства и рабочих, участник военных действий в Гражданской войне мог рассчитывать на серьезное смягчение наказания. При этом основную массу обвиняемых по делам, расследованных Вятским трибуналом в 1918–1922 гг., составляли именно крестьяне и рабочие, а не представители аристократии и буржуазии, как подразумевалось при образовании чрезвычайных судов.

Революционные трибуналы не были ограничены в выборе вариантов наказания подсудимых, и перечень таковых зависел от местных властей и

работников трибунала. Вятский ревтрибунал применял к преступникам такие меры наказания, как: общественное порицание, лишение гражданских прав, запрещение работать в советских учреждениях (для коррупционеров), штраф, условное лишение свободы, отправка на фронт (для дезертиров), краткосрочное или долгосрочное лишение свободы с применением общественно-принудительных работ, заключение в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны, расстрел⁴¹⁴. ВМН применялась не часто и только за крайне серьезные правонарушения: тяжкие должностные преступления, организация восстания, злостное дезертирство и бандитизм. Наиболее распространенной мерой наказания являлось лишение свободы с применением общественно-принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме.

Структура и система контроля за деятельностью революционного трибунала были заданы в соответствующих декретах, инструкциях, распоряжениях ВЦИК, СНК и Народного комиссара юстиции. Изучение конкретных материалов источников, связанных с деятельностью Вятского ревтрибунала, показывает, что, вместе с тем, ряд вопросов организации данного органа (некоторые особенности структурной организации, подбор рядовых сотрудников и т. д.) фактически оказались в компетенции партийных органов и Советов на местах. Деятельность Вятского трибунала находилась под контролем партийного руководства губернии, характеризовалось высокой степенью зависимости от губернского комитета РКП(б). Последний не только решал организационные и кадровые вопросы (назначение и отзыв следователей и судей), но оказывал влияние и на сам процесс судопроизводства (назначал выездные сессии трибунала и задавал их направленность, порой оказывал прямое воздействие на вынесение тех или иных приговоров и т. п.) В заседаниях трибунала регулярно участвовали в роли заседателей представители губернской партийно-советской «верхушки».

⁴¹⁴ Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» смертная казнь была отменена. Уже в мае 1920 г. по Декрету ВЦИК от 22 мая 1920 г. революционные трибуналы в местностях, объявленных на военном положении, могли вновь применять смертную казнь.

Судебное законодательство периода Гражданской войны и перехода к НЭПу четко не разграничивало подсудность и компетенцию ревтрибуналов и других правоохранительных органов (ГубЧК, народные суды, революционный военный трибунал ПриУрВО). Следствием этого было дублирование их полномочий и эпизодические конфликты по вопросу подсудности того или иного дела.

Специфика комплектования кадров Вятского губернского революционного трибунала отражала особенности революционного периода. На подбор служащих, несомненно, влиял недостаток квалифицированных кадров в регионе. В условиях расширения аппарата советских учреждений требовалось все больше сотрудников, имевших определенные характеристики: лояльность к советской власти, крестьянское или пролетарское происхождение, соответствующий уровень образования. Во время Гражданской войны сотрудников, которые бы хоть как-то соответствовали заявленным требованиям, было крайне мало. Поэтому в ситуации кадрового голода состав Вятского ревтрибунала формировался из работников, которые хотя бы минимально удовлетворяли вышеперечисленным условиям. Основу штата составляли молодые люди в возрасте 20-30 лет, в основном холостые, крестьянского или рабочего происхождения, имеющие среднее или низшее образование и партийный стаж. Впрочем, среди работников классового чрезвычайного суда попадались и «специалисты»: во второй половине 1921 г. на службу в ревтрибунал Вятки были переведены бывшие военные следователи (7 человек): беспартийные, бывшие офицеры с высшим образованием⁴¹⁵.

Объем проделанной Вятским губернским революционным трибуналом работы, его оперативное реагирование на ситуацию в регионе и наиболее значимые в социально-политическом плане правонарушения, тесный контакт и взаимодействие с партийными, советскими, а также с иными правоохранительными органами позволяет считать его деятельность одним из

⁴¹⁵ Получили высшее юридическое образование еще в дореволюционной России, однако, первый опыт работы получили уже при Советской власти.

важных факторов упрочения и стабилизации в Вятской губернии
большевистского политического режима.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**I. Источники****1. Архивные документы**

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р–1005 – Верховный трибунал при ВЦИК (1918–1922 гг.)

Оп. 1а. Д. 387; Оп. 2. Д. 7, Д. 44; Оп. 67. Д. 15, 42, 102.

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Ф. Р–382 – Вятский губернский отдел юстиции (1918–1922 гг.)

Оп. 1. Д. 7, Д. 40, Д. 162а, Д. 178.

Ф. Р–483 – Карательный отдел отдела юстиции Вятского губернского исполкома (1918–1921 гг.)

Оп. 1. Д. 272.

Ф. Р–484 – Вятский исправительный трудовой рабочий дом № 2 Вятского губернского управления местами заключения

Оп. 1. Д. 152.

Ф. Р–485 – Вятский исправительный рабочий дом (1918–1922 гг.)

Оп. 5а. Д. 23, Д. 107

Ф. Р–875 – Вятский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1922 гг.)

Оп. 1. Д. 56, Д. 58, Д. 64, Д. 79, Д. 83, Д. 152.

Ф. Р–876 – Вятский губернский отдел управления исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1922 гг.)

Оп. 2. Д. 30.

Ф. Р–879 – Вятский уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1920 гг.)

Оп. 1. Д. 24.

Ф. Р–1322 – Вятский губернский революционный трибунал (1918–1922 гг.)

Оп. 1. Д. 2, Д. 10, Д. 11, Д. 13, Д. 24, Д. 37, Д. 108, Д. 110, Д. 123, Д. 144, Д. 156, Д. 159, Д. 165, Д. 167, Д. 195, Д. 198, Д. 210, Д. 211, Д. 259, Д. 269, Д. 280, Д. 284, Д. 311, Д. 327, Д. 329, Д. 330, Д. 339, Д. 366, Д. 371, Д. 378, Д. 380, Д. 426, Д. 453, Д. 459, Д. 464, Д. 475, Д. 618, Д. 619, Д. 621, Д. 622, Д. 624, Д. 625, Д. 642, Д. 647, Д. 659; Оп. 1а. Д. 2, Д. 17, Д. 18, Д. 51, Д. 86, Д. 88, Д. 108, Д. 166, Д. 167, Д. 254, Д. 257, Д. 259, Д. 279, Д. 311, Д. 321, Д. 325, Д. 327, Д. 426, Д. 427, Д. 429, Д. 430, Д. 431, Д. 451, Д. 452, Д. 468, Д. 471, Д. 472, Д. 508, Д. 557, Д. 580, Д. 594, Д. 650, Д. 727, Д. 733, Д. 786, Д. 834, Д. 835, Д. 894, Д. 906, Д. 913, Д. 921, Д. 930, Д. 933, Д. 961, Д. 996, Д. 1141, Д. 1145, Д. 1162, Д. 1163, Д. 1282, Д. 1298, Д. 1316, Д. 1398, Д. 1436, Д. 1505, Д. 1506, Д. 1555, Д. 1580, Д. 1595, Д. 1658, Д. 1660, Д. 1677, Д. 1690, Д. 1717, Д. 1723, Д. 1724, Д. 1743, Д. 1761, Д. 1762, Д. 1763, Д. 1764, Д. 1765, Д. 1789, Д. 1816, Д. 1843, Д. 1923, Д. 1926, Д. 1976, Д. 1977, Д. 2032, Д. 2095, Д. 2102, Д. 2108, Д. 2119, Д. 2128, Д. 2179, Д. 2188, Д. 2189, Д. 2190, Д. 2194, Д. 2197, Д. 2199, Д. 2215, Д. 2310, Д. 2334, Д. 2335, Д. 2366, Д. 2402, Д. 2404, Д. 2428, Д. 2475, Д. 2495, Д. 2555, Д. 2613, Д. 2616, Д. 2618, Д. 2623, Д. 2636, Д. 2763, Д. 2748, Д. 2763, Д. 2765, Д. 2782, Д. 2799, Д. 2899, Д. 2984, Д. 3039, Д. 3155, Д. 3160, Д. 3190, Д. 3209, Д. 3225, Д. 3226, Д. 3412, Д. 3413, Д. 3627, Д. 3656, Д. 3672, Д. 3690, Д. 3698, Д. 3853, Д. 3914, Д. 4132, Д. 4211, Д. 4233, Д. 4329, Д. 4354, Д. 4604, Д. 4612, Д. 4647, Д. 4670, Д. 4690, Д. 4813, Д. 4852, Д. 4884, Д. 5018, Д. 5036, Д. 5029.

Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО)

Ф. 1 – Губернский комитет РКП (б)

Оп. 1. Д. 172.

Ф. Р–6799 Судебно-следственные дела репрессированных

Оп. 9. Д. СУ-11558, Д. СУ-11565, Д. СУ-10567, Д. СУ-10570, Д. СУ-10571, Д. СУ-10573, Д. СУ-10574, Д. СУ-10581, Д. СУ-10583, Д. СУ-10584, Д. СУ-11658.

2. Периодическая печать

1. Вятская правда. – Вятка, 1918, 1920–1922.
2. Деревенский коммунист. – Вятка, 1919.
3. Известия Вятского губернского исполнительного комитета. – Вятка, 1919.
4. Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. – Петроград, 1917.

3. Нормативно-правовые акты

1. Декреты Советской власти. Т. 1 – М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
2. Декреты Советской власти. Т. 2 – М.: Политиздат, 1959. – 686 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 8 – М.: Политиздат, 1976. – 444 с.
4. Декреты Советской власти. Т. 16 – М.: РОССПЭН, 2004. – 592 с.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ РСФСР) за 1917-1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома, 1942. – 1483 с.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ РСФСР) за 1919 г. – М.: Управление делами Совнаркома, 1943. – 886 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ РСФСР) за 1920 г. – М.: Управление делами Совнаркома, 1943. – 818 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ РСФСР) за 1922 г. – М.: Управление делами Совнаркома, 1950. – 1934 с.

4. Воспоминания, дневники, личная переписка

1. Палкин К.А. Органы военной юстиции в Вятской губернии в 1918–1921 гг. / К.А. Палкин. – Киров, 1969. – 67 с. (машинопись).
2. Палкин К.А. К истории строительства советской судебной системы в Вятской губернии. Год 1917–1918 / К.А. Палкин. – Киров, 1966. – 151 с. (машинопись).
3. Палкин К.А. О том, что запомнилось. Тетрадь четвертая / К.А. Палкин. – Киров, 1963. – 154 с. (машинопись).

II. Исследования

1. Монографии

1. Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917-1918 гг. [Текст] / В.И. Бакулин. – Киров: ВятГГУ, 2008. – 229 с.
2. Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР [Текст] / Я.Л. Берман. – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. – 72 с.
3. Боффа Д. История Советского Союза. [Текст] / Д. Боффа. – М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.
4. Буков В.А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. [Текст] / В.А. Буков. – М.: Изд-во Российской правовой академии Минюста России, 1992. – 263 с.
5. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
6. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 [Текст] / Н. Верт. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
7. Вострышев М.И. Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала 1860–1920-е гг. [Текст] / М.И. Вострышев. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 316 с.
8. Геллер М.Я., Утопия у власти [Текст] / М.Я. Геллер, А.М. Некрич. – М.: МИК, 2000. – 855 с.
9. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства (1917–1918гг.) – М.: Наука, 1965. – 532 с.
10. Гороховский Н.Н. Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье (ноябрь 1917 г. – 1922 г.) [Текст] / Н.Н. Гороховский. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2004. – 102 с.
11. Гришин Д.В. Политические репрессии в Кировской области [Текст] / Д.В. Гришин. – Киров: Триада плюс, 2013. – 157 с.

12. Гусев Л.Н. Советская военная юстиция в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.) [Текст] / Л.Н. Гусев. – М.: РИО ВЮА, 1951. – 456 с.
13. Дворак Д.Ф. Уголовно-исполнительная система Кировской области. История и современность [Текст] / Дворак Д.Ф. – Киров: Кировская областная типография, 2007. – 784 с.
14. История советского уголовного права. 1917–1947 [Текст] / Науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юриздат, 1948. – 466 с.
15. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 [Текст] / Е.В. Кодин. – М.: РОССПЭН, 2011. – 272 с.
16. Кожевников М.В. История советского суда: 1917–1956 гг. [Текст] / М.В. Кожевников. – М.: Госюриздат, 1957. – 383 с.
17. Колоколов Н.А. Правоохранительная и судебная системы Курской губернии в 1917–1928 годах [Текст] / Н.А. Колоколов, В.В. Максимова. – М.: Юрист, 2005. – 224 с.
18. Колотков М.Б. Репрессивная правоприменительная деятельность Советской власти в 1917–1922 гг. (на материалах центрально-черноземного района) [Текст] / М.Б. Колотков. – Курск: Планета, 2010. – 134 с.
19. Крыленко Н.В. За пять лет, 1918–1922 гг.: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанные в Московском и Верховном ревтрибуналах [Текст] / Н.В. Крыленко. – М.: Госиздат, 1923. – 526 с.
20. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства [Текст] / Н.В. Крыленко – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. – 408 с.
21. Кудрявцев В.Н. Политическая юстиция в СССР [Текст] / В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусков. – М.: Наука, 2000. – 365 с.
22. Манылов В.А. Вятская Фемида: Военно-судебная система [Текст] / В.А. Манылов. – Киров: Лобань, 2007. – 103 с.

23. Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923 [Текст] / С.П. Мельгунов. – М.: РИССО, 1990. – 208 с.
24. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней [Текст] / В.И. Мусаев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 208 с.
25. Оликов С.П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним [Текст] / С.П. Оликов. – М.: Издание военной типографии Управления делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 1926. – 128 с.
26. Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917–середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии) [Текст] / А.Г. Поляков. – Киров: Лобань, 2007. – 203 с.
27. Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.) [Текст] / В.П. Портнов. – М.: Юридическая литература, 1987. – 207 с.
28. Пять лет Верховного суда. 1918–1923: сб. ст. [Текст] – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1923. – 32 с.
29. Стецовский Ю.И. История советских репрессий [Текст] / Ю.И. Стецовский. – Т. 1. – М.: Знак-СП, 1997. – 599 с.
30. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права [Текст] / П.И. Стучка. – М.: Государственное юридическое издательство, 1931. – 235 с.
31. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство [Текст] / Ю. Хаски. – М.: Институт права и государства РАН, 1993. – 184 с.
32. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии [Текст] / К. Бартошек, Н. Верт, С. Куруа, Ж-Л. Моргален, Ж-Л. Панне, А. Пачковский. – М.: Три века истории, 1999. – 768 с.
33. Martin E. Malia. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. – New York, 1994. – 592 p.
34. Retish A.B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914–1922) [Текст] / A.B. Retish. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 294 p.

35. Richard E. Pipes. Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924. – London, 1994. – 587 p.

36. Richard E. Pipes. The Russian Revolution. P. 2. – New York, 1990. – 412 p.

2. Учебная литература

1. Вятский край с древности до наших дней [Текст] // отв. ред. В.А. Бердинских. – Киров: Дом печати – Вятка, 2006. – 398 с.

2. Гуценко К.Ф. Ковалев М.А. Правоохранительные органы. Учебник для студентов юридических вузов [Текст] / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев. – М.: Зерцало, 2009. – 496 с.

3. Карев Д.С. Советское судоустройство. Учебник [Текст] / Д.С. Карев. – М.: Госюриздат, 1951. – 312 с.

4. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: История. Документы [Текст] / О.Е. Кутафин, Лебедев В.М. Семигин Г.Ю. В 6 т. – Т. 5. – М.: Мысль, 2003. – 829 с.

5. Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке: Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917–осенью 1918 гг.: Учеб. Пособие [Текст] / Ю.Н. Тимкин. – Киров: Частный издатель А.А. Михеев, 1998. – 98 с.

6. Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов: учеб. пособие [Текст] / Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1987. – 71 с.

7. Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов: учеб. пособие [Текст] / Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1983. – 101 с.

8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. [Текст] / Под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997. – 592 с.

3. Статьи

1. Абрамов В.В. Кадровый состав Пензенского губернского революционного трибунала (1918–1922 гг.) // Актуальные проблемы исторической науки. Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 1. – Пенза,

2003. – С. 177–188.

2. Бакулин В.И. «Как в Вятской губернии в 1922 году боролись с коррупцией (из регионального опыта)» [Текст] / В.И. Бакулин // Россия-XXI. – 2011. – № 6. – С. 172–187.

3. Бакулин В.И. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918–1922 гг. [Текст] / В.И. Бакулин, А.С. Вычугжанина (Позднякова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 2 (5). – С. 90–99.

4. Берман Я.Л. О революционных трибуналах [Текст] / Я.Л. Берман // Пролетарская революция и право. – 1919. – № 1. – С. 47–78.

5. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) [Текст] / В.П. Булдаков // Отечественная история – 1997. – № 1. – С. 42–60.

6. Васильева Л.Ф. Борьба с дезертирством в годы Гражданской войны как одно из направлений укрепления морального духа РККА [Текст] / Л.Ф. Васильева // Гражданская войны в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Сб. мат. науч. конф. – Самара, 2009. – С. 208–213.

7. Велидов А.С. На пути к террору [Текст] / А.С. Велидов // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 87–118.

8. Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы [Текст] / А.Ю. Давыдов // Вопросы истории. М., 1994. – № 3. – С. 41–54.

9. Дубков Е.К. Первые революционные трибуналы на Севере [Текст] / Е.К. Дубков // Советская юстиция. – № 21. – 1967. – С.16–17.

10. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правосудия [Текст] / Н.Н. Ефремова // Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000. – С. 62–76.

11. Залогина О.Э. Проблемы демократической и революционной законности в материалах и решениях VII Всероссийского съезда советов (декабрь 1919 г.) [Текст] / О. Э. Залогина // Укрепление социалистической законности – важнейшая

политическая задача. – М., 1990. – С. 136–148.

12. Иванова Г.М. Репрессивная система и карательная политика государства [Текст] / Г.М. Иванова // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). – М., 1999. – С. 165–192.

13. Измозик В.С. Политический контроль в Советской России 1918-1928 гг. [Текст] / В.С. Измозик // Вопросы истории. – 1997. – № 7. – С. 32–54.

14. Исаев И.А. Понятия «законность» и «целесообразность» в советской правовой теории 20-х годов [Текст] / И.А. Исаев // Советское государство и право. – 1985. – № 10. – С. 98–104.

15. Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность (опыт 1917 г.) [Текст] / И.А. Исаев // Революция и человек: социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 143–148.

16. Каменский Ф. Первый трибунал в Петрограде [Текст] / Ф. Каменский // Социалистическая законность. – 1967. – № 4. – С. 19–22.

17. Козловский М.Ю. Воспоминания [Текст] / М.Ю. Козловский // Социалистическая законность. – 1967. – № 4. – С. 17–18.

18. Коробец А.С. Первые руководители Вятского Губкома РКП (б): штрихи к биографиям [Текст] / А.С. Коробец // Россия советская и современная: опыт прошлого в построении будущего. Материалы научно-теоретической конференции. – Киров, 2010. – С.53–56.

19. Коробец А.С. Социокультурный облик руководящих кадров Вятской губернии в конце 1917–1920 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2(5). – С. 81.

20. Крыленко Н.В. Октябрь и суд [Текст] / Н.В. Крыленко // Советская юстиция. – 1937. – № 21. – С. 5–10.

21. Крыленко Н.В. Революционные трибуналы [Текст] / Н.В. Крыленко // Вестник жизни. – 1918. – № 1. – С. 81–87.

22. Крыленко Н.В. Революционные трибуналы [Текст] / Н.В. Крыленко // Советская юстиция – 1937. – № 21. – С. 38–44.

23. Кулешов С.В. Размышления о революции [Текст] / С.В. Кулешов // Отечественная история. – 1996. – № 4. – С. 110–131.
24. Курский Д.И. Народный суд [Текст] / Д.И. Курский // Вестник жизни. – № 2. – С. 73–77.
25. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 46–62.
26. Лякас А. Г. Первые пролетарские суды [Текст] / А. Г. Лякас // Социалистическая законность. – 1967. – № 7. – С. 17–19.
27. Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны [Текст] / В.В. Овечкин // Вопросы истории. – 2003. – № 3. – С. 108–115.
28. Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917–1923 гг. [Текст] / В.А. Перцев // Вестник Воронежского Государственного Университета, Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2008. – №1. – С. 28–43.
29. Позднякова А.С. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) [Текст] / А.С. Позднякова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 4 (5). – С. 79–84.
30. Позднякова А.С. Как «откосить» за 80 яиц: хроники Вятского губернского революционного трибунала [Текст] / А.С. Позднякова // Родина. – № 8. – С. 150–151.
31. Позднякова А.С. Работа Вятского губернского революционного трибунала по обеспечению антиалкогольного законодательства в 1920 году (на примере дел о должностных преступлениях) [Текст] / А.С. Позднякова // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях: сб. ст. и материалов всероссийской научной конференции. – Пермь, 2013. – С. 171–175.
32. Позднякова А.С. Судебная практика Вятского губернского революционного трибунала по делам о должностных преступлениях в 1918 г. //

Развитие отечественной исторической науки в XXI веке: мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2013. – С. 27–31.

33. Портнов В.П. Из истории советской военной юстиции [Текст] / В.П. Портнов, М.М. Славин // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 95–102.

34. Портнов В.П. Революционные трибуналы в первые годы Советской власти (1917–1920) [Текст] / В.П. Портнов // Советская юстиция. – 1966. – № 22. – С. 34–38.

35. Рахунов Р. Д. История создания одного декрета [Текст] / Р. Д. Рахунов // Советская юстиция. – 1967. – № 8. – С. 17–18.

36. Рогинский Г.К. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов [Текст] / Г.К. Рогинский // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 13. – С. 6–7.

37. Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы [Текст] / А.С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 39–42.

38. Смыкалин А.С. Судебная реформа 1922 г. [Текст] / А.С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 39–42.

39. Смыкалин А.С. Судебная система России в начале XX века [Текст] / А.С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2001. – № 12. – С. 39–42.

40. Тарновский. Е.Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов [Текст] / Е.Н. Тарновский // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 11. – С. 6–7.

41. Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. [Текст] / Ю.Н. Тимкин // Из истории вятских спецслужб в конце XIX–XX вв. – Киров, 1997. – С. 63–75.

42. Титов Ю.П. Первые нормативные акты о советских революционных трибуналах [Текст] / Ю.П. Титов // Советское государство и право. – 1990 – № 1 – С.119–124.

43. Титов Ю.П. Правовые формы организации и деятельности революционных трибуналов РСФСР [Текст] / Ю.П. Титов // Вопросы права и законности в первые годы Советской власти. – М., 1984. – С. 17–81.

44. Титов Ю.П. Судебные органы в борьбе с контрреволюцией в восстановительный период (1921–1925 гг.) [Текст] / Ю.П. Титов // Социалистическая законность. 1967. – № 9. – С. 44–47.

45. Токарев Ю.С. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – февраль 1918 гг.) [Текст] / Ю.С. Токарев // Исторические записки. – М., 1955. – С. 49–79.

46. Финн Э.А. Антисоветская печать на скамье подсудимых (Заметки современника о трибунале по делам печати) [Текст] / Э.А. Финн // Советское государство и право. – 1967. – № 2. – С. 70–75.

4. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918–1922 гг.): по Пензенской губернии [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02) / В.В. Абрамов. – Пенза, 2004. – 23 с.

2. Баранцева Е.Л. Организационно-правовые основы и механизм политики репрессий в Вятском крае: ноябрь 1917–декабрь 1934 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.11). – Нижний Новгород, 2005. – 29 с.

3. Брыжинская Е.В. Формирование и развитие судебных органов Мордовии в 1917–1937 гг. [Текст]: автореф. дис...канд. юрид. наук (12.00.11). – Саранск, 2006. – 32 с.

4. Лёзов И.Л. Советский суд в 1917–1940 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.11). – М., 1998. – 24 с.

5. Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.) [Текст]: автореф. дис...д. ист. наук (07.00.02). – М., 1998. – 38 с.

6. Макутчев А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг. [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук (07.00.02). – М., 2011. – 24 с.
7. Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг. (на материалах Курской губернии) [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук (07.00.02). – Воронеж, 2005. – 23 с.
8. Пьянова О.А. Революционные трибуналы Западной Сибири (конец 1917 – начало 1923 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). – Омск, 2002. – 27 с.
9. Титов Ю.П. Создание и развитие революционных трибуналов в РСФСР [Текст]: автореф. дис. ... д. юрид. наук (12.00.11). – Харьков, 1990. – 47 с.
10. Федоренко П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917–1922 гг.) [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук (07.00.02). – Брянск, 2006. – 21 с.
11. Шахназаров И.Я. Концепция создания и становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917–конец 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). – Пенза, 2003. – 215 с.

Приложения

Приложение 1⁴¹⁶

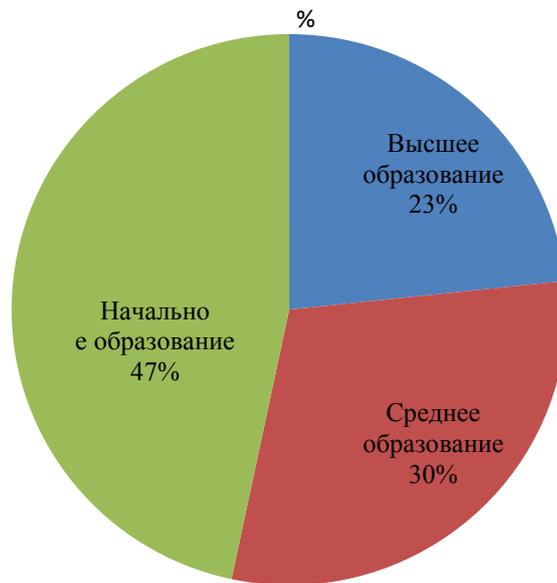
Председатели Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг.

ФИО	Дата нахождения в должности	Дата и место рождения	Партийность	Соц. положение и профессия	Образование
1	2	3	4	5	6
Софронов Г.И.	январь 1918-март 1918	Неизвестно	Неизвестно	Неизвестно	неизвестно
Попов Михаил Михайлович	Март 1918-май 1918	г. Великий Устюг, 1887	С мая 1917 г.	Сын конторщика, землемер	Среднее
Рахлин Арон Израилевич	Май 1918 – декабрь 1918	Командирован из Москвы в Вятку, 1899	Еврейская секция большевиков, предположительно до Октябрьской революции	Неизвестно	Среднее

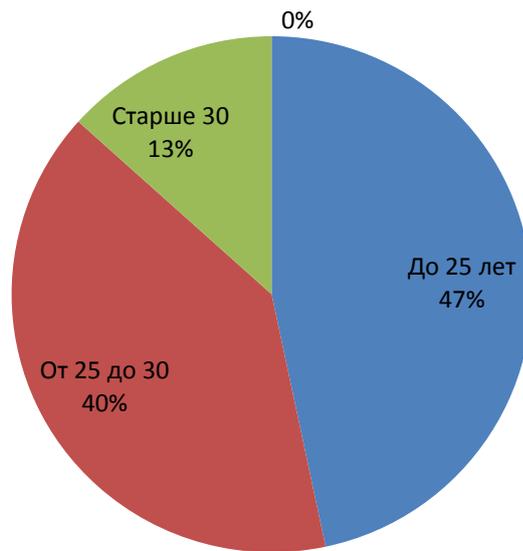
⁴¹⁶ Составлено по: ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Дд. 198, 553, 699.

Фарафонов Иван Алексеевич	Декабрь 1918 – апрель 1919	Орловский уезд, Вятская губерния, 1896	Апрель 1917 г.	Крестьянин	Низшее
Сушков Николай Павлович	Апрель 1919 – Июль 1919	Предположительно выходец из Сибири, 1887	До Октябрьской революции был членом партии Ирбитской и Курганской группы	Рабочий	среднее
Лепсис Роберт Криштьянович	Июль 1919- сентябрь 1919	Предположительно из Сибири, 1896	С 1912 г. работал с политическими ссылными в Сибири, официально в партии с июня 1917 г.	Крестьянин, инструктор молочного хозяйства и скотоводства	среднее
Москвин Григорий	Сентябрь 1919 – декабрь	Вятская губерния, 1886	коммунист	Крестьянин, лесник	низшее

Федорович	1919				
Балыбердин Василий Иванович	Декабрь 1919 – март 1920	Неизвестно	Коммунист	неизвестно	неизвестно
Запольский Александр Степанович	Март 1920 – декабрь 1920	г. Слободской,	Коммунист с 1917 года	Рабочий	низшее
Злобин Иван Петрович	Ноябрь 1920 – ноябрь 1921	Слободской уезд, Вятская губерния, 1895	Коммунист с 1917 года	Конторщик	низшее
Фарафонов Иван Алексеевич	Ноябрь 1921 – апрель 1922	(см. выше)			
Суслопаров Михаил Кириллович	Апрель 1922 – январь 1923	Вятский уезд Вятской губернии, 1897	Коммунист с 1917 года	Неизвестно	низшее

Приложение 2⁴¹⁷**Образовательный уровень следователей
Вятского губернского революционного
трибунала**

⁴¹⁷ За период с 1918 по 1922 год в Вятском губернском революционном трибунале проработало около 30 следователей. Диаграмма составлена по: ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. ДД. 10, 198, 380, 553, 554, 699.

Приложение 3⁴¹⁸**Возрастной показатель следователей
Вятского губернского революционного
трибунала**

⁴¹⁸ Составлено по: ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 10, 198, 380, 553, 554, 699.

Приложение 4

Осужденные революционным трибуналом Вятки за контрреволюционные действия и за свои действия нереабилитированные в 1991 г.⁴¹⁹

Номер	ФИО	Квалификация преступления	Дата осуждения	Мера осуждения трибуналом
1	Ажмяков Никанор Михайлович, Ажмяков Григорий Андриянович (Елабужский уезд)	Расстрел двух красноармейцев, выдача секретаря исполкома и больного красноармейца «белым»	02.02.1921	10 лет, по амнистии от 07.11.1920 г. срок сокращен до 5 лет
2	Вотяков Андрей Дементьевич, Богатырев Петр Александрович (Сарапульский уезд)	Обыск у председателя сельсовета Дюпина, расхищение имущества, избиение жены Дюпина.	15.12.1920	По амнистии от 07.11.1920 г. прекращено
3	Глушков Сергей Егорович (Малмыжский уезд)	Нанесение красноармейцу побоев, выдача его старосте «белых»	17.06.1920	5 лет, по амнистии срок сокращен до 3 лет, 16.11.1920 по амнистии от 07.11.1920 г. срок сокращен до 1 года
4	Вольхин Виктор Илларионович (Глазовский уезд)	Выдал белогвардейцам двух коммунист – из них один был заколот штыком	23.08.1921	5 лет, по амнистии от срок сокращен до 1 года. 09.03.1922 отпущен условно-досрочно
5	Дымов Кузьма Егорович, Горев	Выдача коммунистов и их семей	13.11.1919	5 лет условно

⁴¹⁹ Составлено по: ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а.

	Ефим Николаевич, Лусников Матвей Афанасьевич, Дымова Мария Матвеевна (Глазовский уезд)	белогвардейцам, в результате чего были разграблены 2 дома и расстрелян коммунист		
6	Ермаков Дмитрий Иванович, Имшанов Алексей Филиппович, Трофимова Акулина Федоровна, Мещанова Пелагея Михайловна (Елабужский уезд)	Ермаков и Имшанов состояли в добровольческом отряде «белых» для поиска коммунистов и сочувствующих, лично расстреляли двух красноармейцев. Трофимова и Мещанова указывали белогвардейцам на семьи красноармейцев, сопровождали их при обысках домов.	21.02.1921	Ермаков и Имшанов: 7 лет, по амнистии от 07.11.1920 г. срок сокращен до 5 лет. В 1923 г. условно-досрочно освобождены. Трофимова, Мещанова: 2 года, по амнистии от 07.11.1920 г. освобождены
7	Зубков Алексей Венедиктович (Малмыжский уезд)	Донос белогвардейцам на советских работников, в результате чего был расстрелян Чувонин.	28.02.1921	5 лет, по амнистии от 07.11.1920 г. от наказания освобожден
8	Игнатъев Иосиф Михайлович (Малмыжский уезд)	Донос на 3 коммунистов, в следствие чего тех	03.06.1920	5 лет, по амнистии от 07.11.1920 г. срок сокращен до 1 года и 8 месяцев

	уезд)	расстреляли		
9	Караваев Василий Алексеевич, Поспелов Наум Кириллович (Слободской уезд)	Выдал белогвардейцам расположение заставы «красных», в результате чего застава была взята	05.10.1921	3 года, по амнистии от 07.11.1920 - 2. 02.07.1922 условно-досрочно освобождены
10	Кудрявцев Дмитрий Афанасьевич, Петров Степан Иванович (Малмыжский уезд)	Избиение жены коммуниста, разграбление имущества	31.10.1919	По амнистии прекращено
11	Кузовлев Михаил Иванович, Кузовлев Николай Иванович (Глазовский уезд)	Избиение жены коммуниста, разграбление имущества	11.11.1919	10 лет лишения свободы, 20.11.1920 амнистированы
12	Ложкин Иван Александрович, Ложкин Григорий Семенович (Малмыжский уезд)	Разграбление дома жены коммуниста совместно с белогвардейцами	21.01.1920	3 месяца общественно- принудительных работ с лишением свободы
13	Лямин Максим Андреевич, Шалкин Кирилл Федорович, Лопатин Иван Артемович	Участие в контрреволюционно м восстании, убийство двух милиционеров	26- 30.05.1922	Лямин, Шалкин – расстрел, Лопатин – 4 года. Определением от Кассационного трибунала ВЦИК расстрел был заменен на лишением свободы на 5 лет

	(Слободской уезд)			Лямину и Шалкину и на 4 года Лопатину. На основании амнистии 16.12.1922 сроки были сокращены Лямину до 3 лет и 4 месяцев, Лопатину до 1 года и 8 месяцев.
14	Мальцев Федор Абрамович (Малмыжский уезд)	Донос «белым» на коммуниста и его жену, в результате чего те были расстреляны	07.06.1920	10 лет, по амнистии от 07.11.1920 срок был сокращен до 5 лет
15	Назметдинов Фарахандин Камалетдинович (Сарапульский уезд)	Участник карательного отряда «белых», участие в разграблении имущества коммунистов	24.02.1920	8 лет концлагеря, по амнистии от 07.11.1919 - 5 лет. 25.11.1920 полностью амнистирован
16	Наймушин Алексей Терентьевич, Копылов Григорий Лазаревич (Глазовский уезд)	Участие в арестах коммунистов и сочувствующих, в результате чего были расстреляны 2 коммуниста	28.03.1921	5 лет лишения свободы, по амнистии от 07.11.1920 срок сокращен до 2 лет и 2 месяцев
17	Новоселов Михаил Павлович (Уржумский уезд)	При «белых» проведение вооруженных обысков, разграбление домов коммунистов	25.08.1919	5 лет, по амнистии от 07.11.1919 освобожден
18	Перевощиков Семен Павлович, Перевощиков	Вооруженное участие в Степановской банде,	28.03.1921	Перевощиков Семен - расстрел, Перевощиков Павел - 20 лет лишения свободы. По

	Павел Данилович (Уржумский уезд)	наступление с ними на Нолинск		амнистии - 10 лет и 5 лет соответственно. 1922 – условно-досрочно освобождены.
19	Россомахин Данил Трофимович (Малмыжский уезд)	Выдал коммуниста «белым», в результате чего тот был расстрелян, его имущество разграблено	23.10.1919	1 год лишения свободы, 13.11.1919 по амнистии был отпущен
20	Свалов Николай Захарович (Малмыжский уезд)	Участие в вооруженном белогвардейском отряде с целью поимки коммунистов и сочувствующих	30.08.1920	5 лет, по амнистии от 07.11.1919 срок сокращен до 2,5 лет
21	Черанев Семен Васильевич (Глазовский уезд)	Донос на коммуниста, в результате чего тот был расстрелян	13.02.1920	3 года лишения свободы, но по амнистии от 07.11.1919 освобожден
22	Чернышев Илья Иванович (Малмыжский уезд)	При «белых» был милиционером, участвовал в поимке красноармейцев, которых впоследствии расстреляли	17.06.1920	Расстрел, по амнистии от 07.11.1919 заменен лишением свободы на 5 лет, 14.04.1922 условно-досрочно отпущен
22	Чугаев Петр Иванович, Чугаев Петр Маркелович (Глазовский уезд)	Указание на семьи коммунистов, в результате чего имущество было изъято, члены семей избиты	11.11.1919	1 год лишения свободы обоим

24	Шестаков Иван Константинович (Усольский уезд, Пермская губерния)	Расстрел красноармейца	10.06.1919	Расстрел, заменен по амнистии на лишение свободы в течение 5 лет, в 1920 г. освобожден условно-досрочно
----	---	------------------------	------------	---

Приложение 5

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за январь 1919 г.⁴²⁰

Категория преступления	К 1 января осталось неоконченным следствием	Поступило за январь	Произведено следствий	Передано в Коллегию обвинителей	Передано в другие учреждения	Прекращено
Контрреволюция	6	2	3	1	1	1
Саботаж	4	14	8	1	5	2
Дискредитация советской власти	5	12	9	-	1	8
Подлог	1	1	1	-	1	-
Злоупотребление властью	13	32	16	1	11	4
Шпионаж	1	-	-	-	-	-
Хулиганство	7	3	2	1	1	-
Итого	37	64	39	4	20	15

⁴²⁰ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 73-74.

Приложение 6

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за февраль 1919 г.⁴²¹

Категория преступления	К 1 февраля осталось неоконченным следствием	Поступил о за февраль	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Прекраще но	Передано в другие учреждения	К 1 марта осталось неоконченных
Контрреволюция	5	2	1	-	1	-	8
Саботаж	10	2	2	1	-	1	10
Дискредитация советской власти	8	2	6	-	6	-	4
Подлог	1	1	1	1	-	-	1
Злоупотребление властью	29	24	13	7	5	1	40
Шпионаж	1	1	-	-	-	-	2
Хулиганство	8	1	5	1	1	3	4
Остальные	-	2	1	-	1	-	1
Итого	62	35	29	10	14	5	68

⁴²¹ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 82-83

Приложение 7

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за март 1919 г. ⁴²²

Категория преступления	К 1 марта осталось неоконченным следствием	Поступило за март	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 апреля осталось неоконченных
Контрреволюция	6	5	3	3	-	-	22	8
Саботаж	10	3	2	2	-	-	15	11
Дискредитация советской власти	4	4	5	-	1	4	5	3
Подлог	1	3	1	1	-	-	4	3
Злоупотребление властью	40	18	13	6	3	4	39	45
Шпионаж	2	-	2	1	-	1	2	-
Хулиганство	4	2	2	1	-	-	4	4
Остальные	1	4	1	-	1	-	4	4
Итого	68	39	29	14	5	10	91	78

⁴²² ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 88-89.

Приложение 8

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за апрель 1919 г.⁴²³

Категория преступления	К 1 апреля осталось неоконченным следствием	Поступило за апрель	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 мая осталось неоконченных
Контрреволюция	8	17	-	-	-	53	25
Саботаж	11	15	-	-	3	37	23
Дискредитация советской власти	3	4	-	-	2	4	5
Подлог	3	-	-	-	-	-	3
Злоупотребление властью	45	34	-	4	7	51	68
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-
Хулиганство	4	-	-	1	-	3	3
Остальные	4	17	-	4	2	26	15
Итого	78	87	-	9	14	171	142

⁴²³ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 216-217.

Приложение 9

**Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за май
1919 г.⁴²⁴**

Категория преступления	К 1 мая осталось неоконченным следствием	Поступило за май	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 июня осталось неоконченных
Контрреволюция	25	7	21	1	2	18	19	11
Саботаж	23	1	8	2	-	6	1	16
Дискредитация советской власти	5	3	7	1	1	5	3	1
Подлог	3	2	3	-	2	1	2	2
Злоупотребление властью	68	13	24	8	7	9	25	57
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-	-
Хулиганство	3	1	-	-	-	-	1	4
Остальные	15	13	4	-	1	3	13	24
Итого	142	40	67	12	13	42	64	115

⁴²⁴ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 219-220.

Приложение 10

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за июнь 1919 г.⁴²⁵

Категория преступления	К 1 июня осталось неоконченным следствием	Поступило за июнь	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 июля осталось неоконченных
Контрреволюция	11	6	4	2	-	2	11	13
Саботаж	16	3	3	2	-	1	4	16
Дискредитация советской власти	1	2	1	-	-	1	2	2
Подлог	2	1	1	-	1	-	1	2
Злоупотребление властью	57	32	11	8	2	1	48	78
Шпионаж	-	1	-	-	-	-	1	1
Хулиганство	4	2	1	-	-	1	6	5
Остальные	24	15	8	4	3	1	19	31
Итого	115	62	29	16	6	7	92	148

⁴²⁵ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 221-222.

Приложение 11

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за июль 1919 г.⁴²⁶

Категория преступления	К 1 июля осталось неоконченным следствием	Поступило за июль	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекрашено	Число обвиняемых	К 1 августа осталось неоконченных
Контрреволюция	13	10	10	5	1	4	27	13
Саботаж	16	4	7	5	1	1	8	13
Дискредитация советской власти	2	4	3	3	-	-	8	3
Подлог	2	-	2	2	-	-	-	-
Злоупотребление властью	78	12	20	13	2	5	17	70
Шпионаж	1	7	3	3	-	-	9	5
Хулиганство	5	1	-	-	-	-	1	6
Дезертирство	-	21	9	8	1	-	58	12
Остальные	31	6	18	6	4	8	7	19
Итого	148	65	72	45	9	18	135	141

⁴²⁶ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 228-229.

Приложение 12

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за август 1919 г. ⁴²⁷

Категория преступления	К 1 августа осталось неоконченным следствием	Поступило за август	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 сентября осталось неоконченных
Контрреволюция	13	7	9	6	2	1	27	11
Саботаж	13	2	2	1	1	1	2	13
Дискредитация советской власти	3	3	6	2	2	2	6	-
Подлог	-	1	1	-	1	-	1	-
Злоупотребление властью	70	30	19	6	11	2	47	81
Шпионаж	5	3	2	-	1	1	7	6
Хулиганство	6	1	3	2	1	-	3	4
Дезертирство	12	79	79	69	4	6	146	12
Остальные	19	2	11	3	4	4	1	10
Итого	141	128	132	89	27	16	230	137

⁴²⁷ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 232-233.

Приложение 13

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за сентябрь 1919 г.⁴²⁸

Категория преступления	К 1 сентября осталось неоконченным следствием	Поступило за сентябрь	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 октября осталось неоконченных
Контрреволюция	11	3	3	1	1	1	4	11
Саботаж	13	1	-	-	-	-	-	14
Дискредитация советской власти	-	2	1	1	-	-	4	1
Подлог	-	-	-	-	-	-	-	-
Злоупотребление властью	81	5	2	2	-	-	5	84
Шпионаж	6	2	1	1	-	-	2	7
Хулиганство	4	1	-	-	-	-	2	5
Дезертирство	12	25	15	13	1	1	112	22
Остальные	10	-	1	1	-	-	-	9
Итого	137	39	23	19	2	2	129	153

⁴²⁸ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 235-236.

Приложение 14

Ведомость о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского революционного трибунала за октябрь 1919 г. ⁴²⁹

Категория преступления	К 1 октября осталось неоконченным следствием	Поступило за октябрь	Произведено следствий	Передано в революционный трибунал	Передано в др. учреждения	Прекращено	Число обвиняемых	К 1 ноября осталось неоконченных
Контрреволюция	11	6	-	-	-	-	6	17
Саботаж	14	2	1	-	-	1	1	15
Дискредитация советской власти	1	1	2	1	1	-	1	-
Подлог	-	-	-	-	-	-	-	-
Злоупотребление властью	84	13	15	7	6	2	26	82
Шпионаж	7	-	2	1	1	-	-	5
Хулиганство	5	-	-	-	-	-	-	5
Дезертирство	22	18	19	17	1	1	59	21
Остальные	9	4	2	1	1	-	13	11
Итого	153	44	41	27	10	4	106	156

⁴²⁹ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 238-239.

Приложение 15

Ведомость движения дел Вятского губернского революционного трибунала за март 1919 г.⁴³⁰

Категория преступления	К 1 марта оставалось	Поступило за март	Передано в КО для дачи заключения	Передано в др. учреждения	Прекращено	Решено	Остается на производстве к 1 апреля	Число обвиняемых	Число обвиняемых по которым вынесен приговор		Число приговоренных в марте			
									оправ	обв	Расстрел	Общественные работы	Лишение политических	Общественное порицание
Контрреволюция	8	13	2	-	3	2	14	29	1	1	-	1	-	-
Саботаж	5	5	1	1	2	3	3	8	2	1	-	1	-	-
Дискредитация советской власти	-	1	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Подлог	1	2	-	2	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-
Злоупотребление властью	3	27	2	2	10	4	12	44	6	9	1	6	1	1
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Остальные	-	11	-	2	7	-	2	30	-	-	-	-	-	-
Итого	17	59	5	7	22	9	33	115	9	11	1	8	1	1

⁴³⁰ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 89-90.

Приложение 16

Ведомость движения дел Вятского губернского революционного трибунала за май 1919 г.⁴³¹

Категория преступления	К 1 мая оставалось	Поступило за май	Передано в СК для доследования	Передано в КО для дачи заключения	Передано в др. учреждения	прекращено	Решено	Остается на производстве к 1 июня	Число обвиняемых	Число обвиняемых по которым вынесен приговор		Число приговоренных в мае			
										опр	обв	Расстрел	Общественные работы	Лишение политических прав	Общественное порицание
Контрреволюция	12	10	4	-	4	3	5	6	44	6	1	-	1	-	-
Саботаж	5	5	2	-	2	-	4	2	14	1	4	-	3	-	3
Дискредитация советской власти	2	-	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Подлог	2	1	-	-	1	1	-	1	2	-	-	-	-	-	-
Злоупотребление властью	20	20	8	-	1	6	10	15	62	3	10	1	9	3	-
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Хулиганство	3	1	-	-	1	1	1	1	7	-	1	-	1	-	-
Спекуляция	1	2	-	-	-	-	1	2	3	-	1	-	1	-	-
Взятничество	1	1	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-
Остальные	-	9	1	-	3	1	1	3	13	-	1	-	1	-	-
Итого	46	48	15	-	12	14	22	32	149	10	18	1	16	3	3

⁴³¹ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 218-219.

Приложение 17

Ведомость движения дел Вятского губернского революционного трибунала за июнь 1919 г.⁴³²

Категория преступления	К 1 июня оставалось	Поступило за июнь	Передано в СК для доследования	Передано в КО для дачи заключения	Передано в др. учреждения	прекращено	Решено	Остается на производстве к 1 июля	Число обвиняемых	Число обвиняемых по которым вынесен приговор		Число приговоренных в июне				
										оправд	обвин	Расстрел	Общественные работы	Лишение пол прав	Общественное порицание	другие
Контрреволюция	6	38	10	-	1	-	9	22	70	4	6	1	3 (1y)	-	-	2
Саботаж	2	3	-	-	-	-	2	3	7	-	2	-	2	-	-	-
Дискредитация советской власти	-	8	5	-	-	1	-	2	9	-	-	-	-	-	-	-
Подлог	1	1	1	-	-	-	1	-	6	1	2	-	2	-	-	-
Злоупотребление властью	15	26	9	-	4	3	9	16	67	-	9	1	5 (3y)	4	1	-
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Хулиганство	1	2	-	-	1	-	-	2	3	-	-	-	-	-	-	-
Спекуляция	2	2	1	-	-	-	1	2	4	1	1	-	1	-	-	-
Взяточничество	2	-	1	-	-	-	1	-	2	-	1	-	1	-	-	-
Остальные	3	6	1	-	2	2	2	2	9	-	2	-	1y	1	-	-
Итого	32	86	27	-	8	6	26	49	177	6	23	2	15(5y)	5	1	2

⁴³² ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 224-225.

Приложение 18

Ведомость движения дел Вятского губернского революционного трибунала за июль 1919 г.⁴³³

Категория преступления	К 1 июля оставалось	Поступило за июль	Передано в др. учреждения	прекращено	Решено	Остается на производстве к 1 августа	Число обвиняемых	Число обвиняемых по которым вынесен приговор		Число приговоренных в июле				
								оправданы	осуждены	Расстрел	Общественные работы	Лишение пол прав	Общ порицание	Другие
Контрреволюция	22	14	5	4	5	22	48	-	5	1	4	-	-	1
Саботаж	3	1	-	2	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-
Дискредитация советской власти	2	-	-	-	2	-	-	2	1	-	1	-	-	-
Подлог	-	2	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Злоупотребление властью	16	15	1	-	5	25	39	1	6	-	6	-	-	-
Шпионаж	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Хулиганство	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Спекуляция	2	3	-	-	3	2	3	-	3	-	2	1	-	-
Взяточничество	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Остальные	2	15	7	2	2	6	20	-	3	-	2	1	-	-
Итого	49	50	17	8	17	57	114	3	18	-	15	2	-	1

⁴³³ ГАКО, Ф. Р-382. Д. 40. Лл. 226-227.

Приложение 19

**Ведомость движения дел следственной комиссии при революционном трибунале Вятки за январь-ноябрь
1919 г.⁴³⁴**

Месяц	Число дел			Из них			Число обвиняемых
	осталось	поступило	Произв.следств. дел	Передано в ревтр	В другие	Прекращено	
январь	37	64	39	4	20	15	86
февраль	62	35	29	10	5	14	65
март	68	44	29	14	5	10	91
апрель	83	82	23	-	9	14	171
май	142	40	67	12	13	42	64
июнь	115	62	29	16	6	7	92
июль	148	65	72	45	9	18	135
август	141	128	132	89	27	16	230
сентябрь	137	39	23	19	2	2	129
октябрь	153	44	41	27	10	4	106
ноябрь	156	5	32	6	12	14	7

⁴³⁴ ГАКО, Ф. Р-875. Д. 83. Л. 40.

Приложение 20

Ведомость движения дел революционного трибунал Вятки за январь-ноябрь 1919 г.⁴³⁵

К 1 января 1920 г. осталось дел	С 1.01.19-01.01.1920 было принято дел						Передано						Прекращено следственной комиссией	Всего было в рассмотрении	По поступившим делам следствие продолжалось			
	От милиции	От ЧК	нарсудов	От др. учреждений	По заявлению	Всего	В народный суд		В ревтрибунал		В др. учреждения				До 2 недель	До 2 месяцев	Свыше 2 месяцев	К 1 января ост неоконченными
							На суд	На прекращение	На суд	На прекращение	На суд	На прекращение						
37	17	222	12	391	11	653	52	-	276	20	93	-	155	596	201	197	198	94

⁴³⁵ ГАКО, Ф. Р-875. Д. 83. Л. 42.

Приложение 22

Отчетная ведомость следственной комиссии при Вятском губернском революционном трибунале за 1919 г.⁴³⁶

Месяц	Число дел			Число обвиняемых		Приговорены	
	Поступило	разрешено	Ост. нерешен	оправданы	осуждены	Расстрел	Лишение свободы
январь	4	4	6	2	9	-	9
февраль	12	1	17	-	1	-	-
март	25	9	33	9	11	1	8
апрель	13	-	46	-	-	-	-
май	30	44	32	10	18	1	16
июнь	47	30	49	6	23	-	-
июль	50	41	58	3	18	-	15
август	161	133	86	24	65	2	75
сентябрь	161	97	150	-	71	3	55
октябрь	153	85	228	15	135	7	28
ноябрь	66	48	246	9	74	4	31

⁴³⁶ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 314. Л. 1 (об.)-2.

Отчетные сведения о деятельности Вятского губернского революционного трибунала с 1 января 1920 по 1 января 1921 гг.⁴³⁷

На 1 января 1921 г. осталось	Поступило				Всего поступило	Окончено			Всего окончено	Неоконченных дел	По окончанным делам			Осужденные были приговорены					Число судебных заседаний	
	контрреволюция	спекуляция	должностные	остальные		По существу	Прекращено	Передано по подсудности			Оправдано	Осуждено	Всего подсудимых	Лишение свободы	Втч условно	Принудительные работы	Общественное порицание	Штраф		Другие
33	79	11	126	736	952	473	141	299	913	72	257	1033	1320	941	212	14	32	-	76	125

⁴³⁷ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 485. Л. 1 (об.)-2.

Приложение 23

**Отчетные сведения о деятельности Вятского губернского революционного трибунала с 1 января 1921 по
1 мая 1921 г.⁴³⁸**

На 1 января 1921 г. осталось	Поступило				Всего поступило	Окончено			Всего окончено	Неоконченных дел	По окончанным делам			Осужденные были приговорены					Число судебных заседаний	
	контрреволюция	спекуляция	должностные	остальные		По существу	Прекращено	Передано по подсудности			Оправдано	Осуждено	Всего подсудимых	Лишение свободы	Втч условно	Принудительные работы	Общественное порицание	Штраф		Другие
72	39	2	35	111	187	190	4	21	215	44	34	466	500	370	162	6	4	-	21	58

⁴³⁸ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 485. Л. 7 (об.)-8.

Приложение 24

Отчетные сведения о деятельности Вятского губернского революционного трибунала с 1918 по 1922 гг.⁴³⁹

Год	Категории дел					Всего
	контрреволюция	должностные	уголовные	дела по продналогу	дезертирство	
1918	27	45	41	-	2	113
1919	182	190	79	-	320	771
1920	167	225	60	-	500	952
1921	82	149	66	169	216	682
1922	59	378	91	170	55	753

⁴³⁹ Составлено по ГАКО, Оп. 1а. Д. 1-5097.